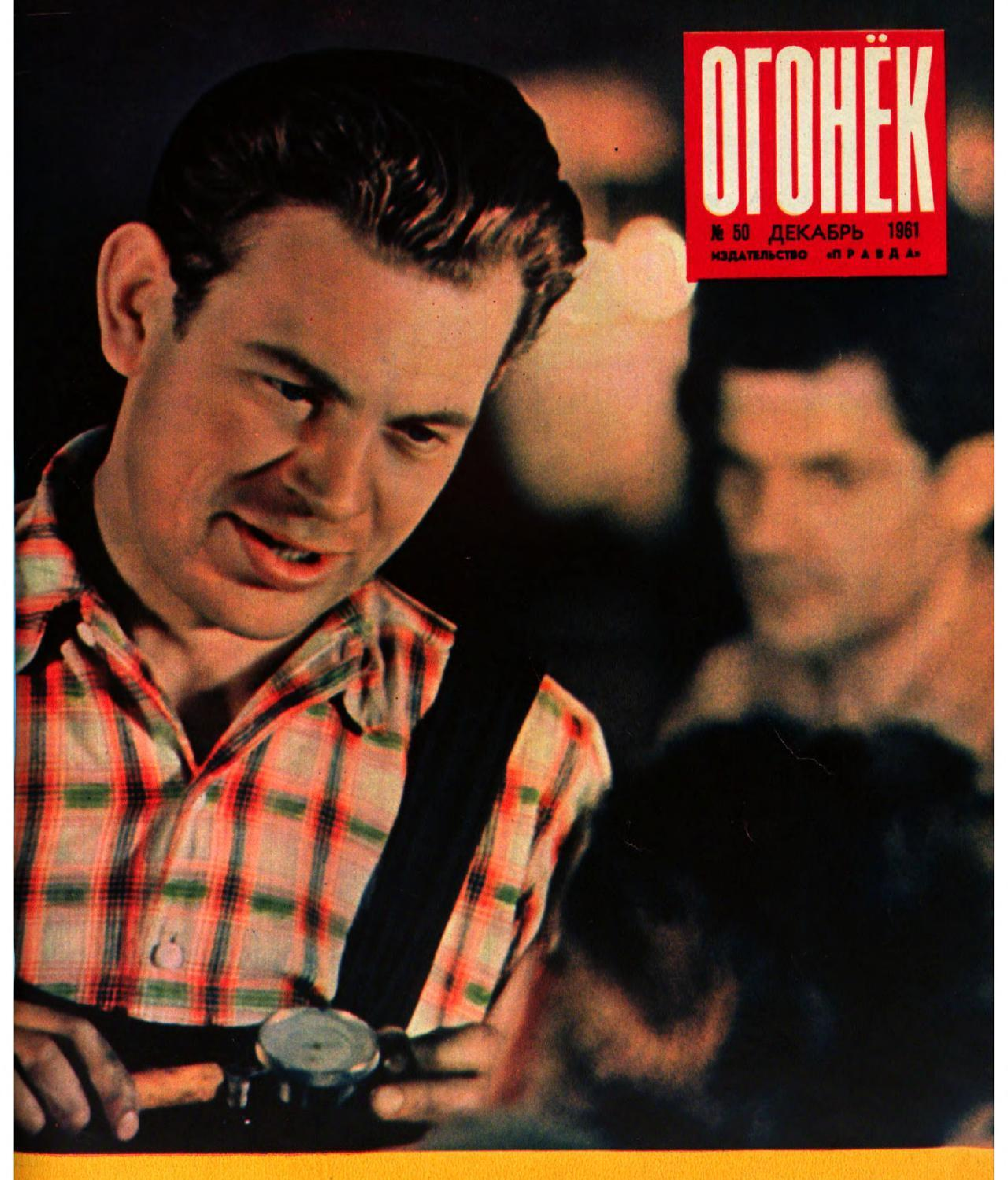
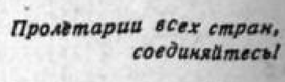

Н. Тарасенкова. ПОДВИГ ВО ВРАЖЕСКОМ ТЫЛУ

И. М. Майский. ШЕКСПИР И СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ РАССКАЗЫВАЕТ...

№ 50 (1799)

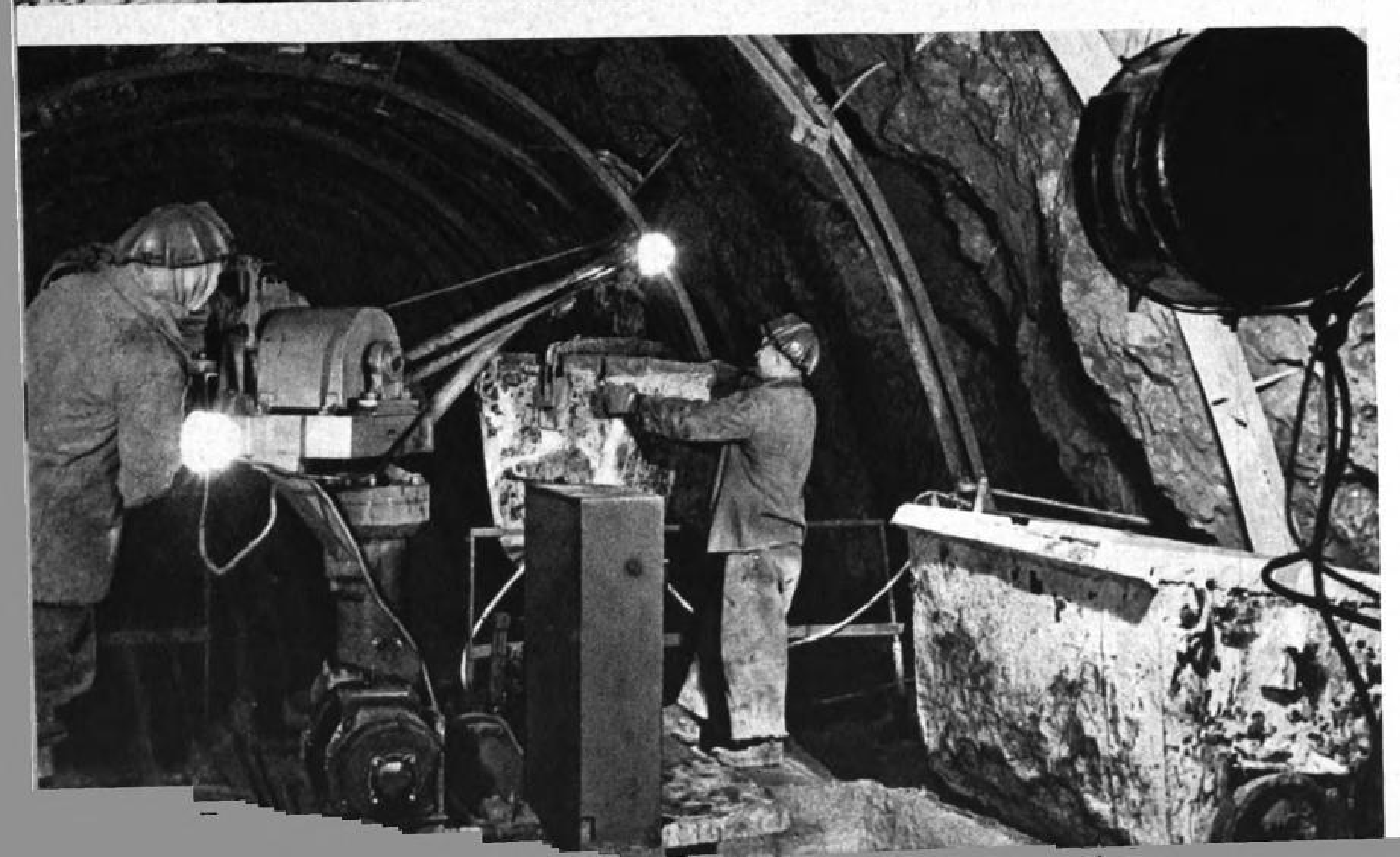
10 ДЕКАБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Абакан— Тайшет

На наших снимках вы видите строительство магистрали на склоне Крольского перевала в Восточных Саянах. Уже построены мосты через Енисей, Абакан, Тубу, через Минусинскую протоку. Сейчас воздвигаются виадуки через пропасти, в горах прорубаются туннели.

Тысячи молодых рабочих, демобилизованных солдат, матросов, приехавших сюда со всех концов страны по путевкам комсомола, трудятся на участке дороги Курагино — гора Ка́спа. К самому сердцу горы Каспа подошли проходчики и бетонщики.

НА СНИМКАХ (сверху вниз):

Рабочий-путеукладчик Андрей Коваленко пришел на строительство дороги после службы в Советской Армии.

Готовый участок пути вдоль реки Кизир.

Проходка туннеля в горе Каспа.

Фото А. Скурихина.

На первой странице обложки: Герой Социалистического Труда Юрий Николаевич Куцый возглавляет бригаду коммунистического труда на киевском заводе «Красный экскаватор». Он участвовал в работе исторического XXII съезда КПСС. Его бригада слесарей закончила годовой план к открытию съезда. Ныне они трудятся с еще большим подъемом и выполняют нормы на 150 процентов.

Фото Н. Козловского.

Президиум седьмой сессии Верховного Совета СССР. С докладом выступает заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР В. Н. Новиков.

ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕКА

6 декабря в Московском Кремле открылась седьмая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва.

В 10 часов утра в Большом Кремлевском дворце собрались депутаты Совета Союза под председательством Председателя Совета Союза депутата П. П. Лобанова. В то же время в Кремлевском театре началось заседание Совета Национальностей под председательством Председателя Совета Национальностей депутата Я. В. Пейве.

На заседаниях палат были заслушаны доклады мандатных комиссий о результатах проверки полномочий депутатов, избранных взамен выбывших депутатов. На раздельных заседаниях палат единогласно утверждена повестка дня и регламент работы седьмой сессии Верховного Совета СССР. Сессия рассмотрит такие вопросы:

1. О государственном плане развития народного хозяйства Союза ССР на 1962 год.

2. О государственном бюджете Союза ССР на 1962 год и об исполнении государственного бюджета за 1960 год.

3. Проекты законов «Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» и «Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

4. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

В 11 часов утра в Большом Кремлевском дворце открылось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

За столом председателя — Председатель Совета Союза депутат П. П. Лобанов, Председатель Совета Национальностей депутат Я. В. Пейве, их заместители, в ложах — члены Президиума Верховного Совета СССР, министры СССР.

Бурными аплодисментами встречают депутаты и гости появление руководителей Коммунистической партии СССР и Советского правительства.

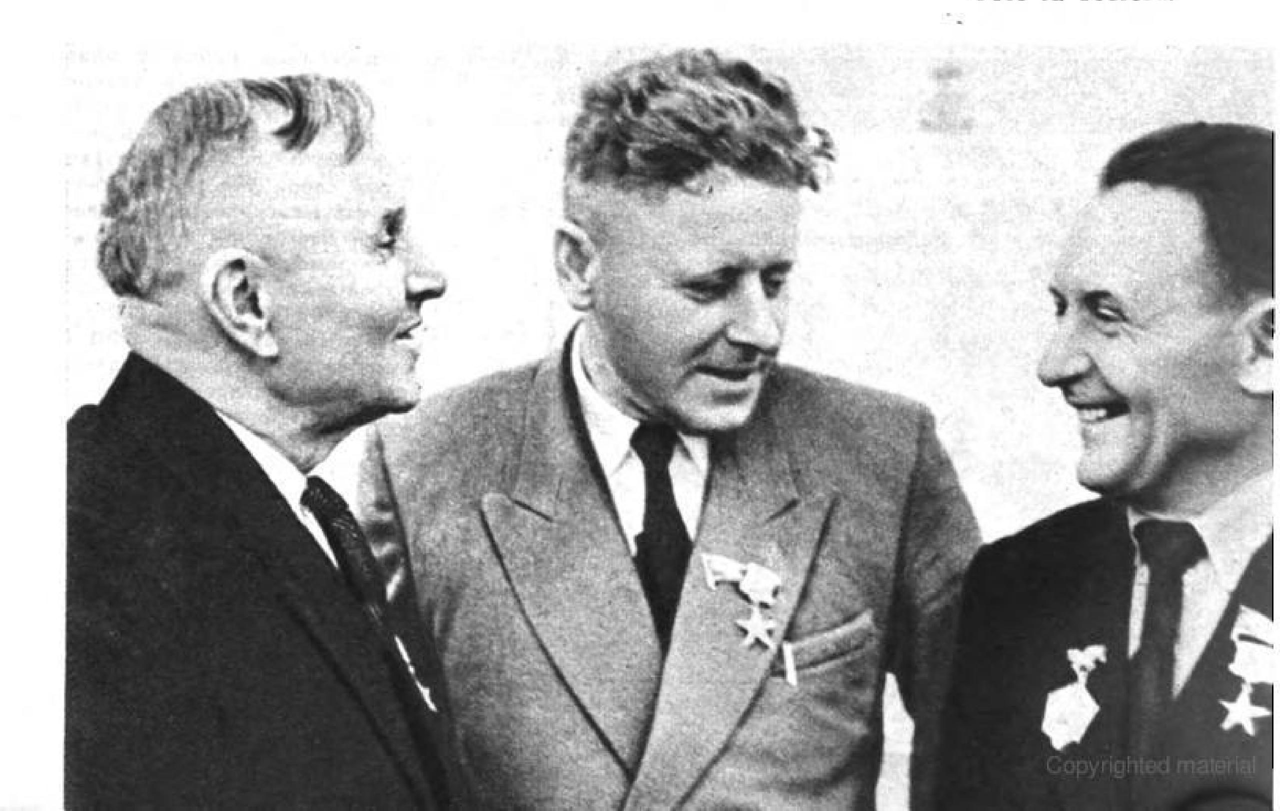
На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей с докладом «О государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1962 год» выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР депутат В. Н. Новиков, с докладом «О государственном бюджете СССР на 1962 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1960 год» — министр финансов СССР депутат В. Ф. Гарбузов.

В перерыве между заседаниями.

В кулуарах сессии беседуют депутаты Верховного Совета СССР: Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Рассвет» в Белоруссии К. П. Орловский, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Чирвоная змена» в Белоруссии К. И. Шаплыко и Герой Социалистического Труда, горный мастер шахты имени Кирова Иркутского совнархоза Ф. С. Тютрин.

Фото А. Гостева.

СЕДЬМАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

Зинаида Ивановна и Дмитрий Ильич Заботины.

СУПРУГИ ЗАБОТИНЫ

Несколько лет назад мне случилось присутствовать при разговоре секретаря одного из сибирских обкомов партии с редактором областной газеты. Секретарь считал, что в газете плохо освещаются вопросы животноводства, мало печатается статей об опыте передовиков и новаторов сельского хозяйства. Редактор вяло возражал: мол, не так уж мало они занимаются этим вопросом, и сколько-де можно писать на эту тему.

— До тех пор нужно писать,— сказал секретарь,— пока у вас со страниц молоко не закапает!

Я вспомнил об этом разговоре совсем недавно, когда направлялся к знатным шуйским животноводам — супругам Заботиным и в центре Шуи увидел большой щит со стрелой-указателем: «До семейкинской фермы, школы передового опыта, где работают З. И. и Д. И. Заботины,— 5 километров».

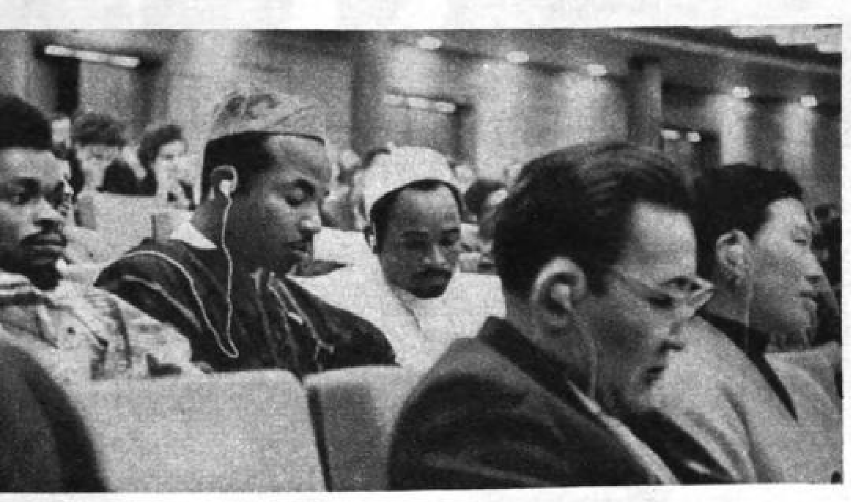
Все начиналось очень обычно. Работники совхоза «Шуйский» побывали в Суздале, где уже применялся прогрессивный метод дойки коров на механизированной площадке «елочка». Посмотрели, вникли и, возвратясь домой, переоборудовали одно из своих помещений по этому же методу.

— Сначала не очень-то ладилось,— вспоминает Зинаида Ивановна Заботина,— и беспривязное содержание скота было для нас делом новым, и коровы не желали идти в «елочку». Пришлось приучать их к новым кормушкам, потом к шуму механизмов. Через неделю коровы пошли в доильный зал сами. Теперь уж так привыкли, что даже выстраиваются в очередь и ждут, когда пустят следующую партию. А если дверь не плотно прикроешь, то подденут рогом и лезут.

Пошел работать на ферму и муж Зинаиды Ивановны Дмитрий Ильич. Вдвоем они взяли 300 коров и решили надоить за год 650 тонн молока, из них 510 тонн — к открытию XXII съезда партии.

Обязательство свое Заботины выполнили досрочно, и 14 октября в совхоз пришло приветственное письмо Н. С. Хрущева, в котором он поздравлял супругов Заботиных с большими трудовыми успехами.

ФОРУМ ЕДИНС

География Конгресса: рядом сидят представители Монгольской Народной Республики и Нигерии.

Делегация Польши.

Со всей планеты собрались в Москву представители людей труда на V Всемирный конгресс профсоюзов. В Кремлевском дворце, где работает Конгресс, каждое заседание становится демонстрацией великого единства трудящихся Земли, их огромной силы, их решимости вести борьбу за свои жизненные интересы.

Прогрессивные профсоюзные организации мира, объединенные в рядах Всемирной федерации профсоюзов, и другие профсоюзные организации, представленные на конгрессе, все активнее выступают за мир, против империализма и колониализма, за социально-экономические требования рабочего класса. Основным оружием борьбы миллионов трудящихся стало единство действий. Укрепление этого единства, еще большее сплочение рабочего класса — такую задачу ставят перед собой участники Конгресса.

На Конгрессе с докладом о деятельности Всемирной федерации профсоюзов и современных задачах профсоюзных организаций выступил генеральный секретарь ВФП Луи Сайян. Второй доклад, сделанный секретарем ВФП Ибрагимом Захария, был посвящен деятельности и солидарности профсоюзных организаций в борьбе народов за ликвидацию колониализма.

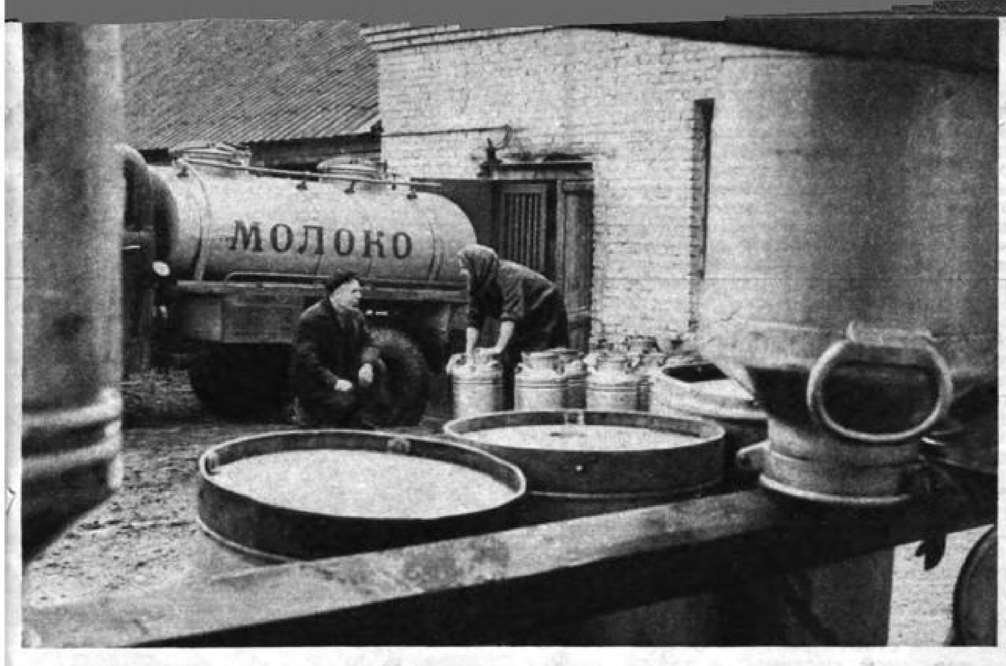
Эти доклады дали широкую картину неустанной борьбы, которую ведут в наши дни профсоюзные организации мира. Конгресс, на котором идет большой разговор о новом подъеме профсоюзного движения, обсуждает проект программы действий профсоюзов на современном этапе в защиту интересов и прав трудящихся. В обсуждении проекта участвовали рабочие всех пяти континентов. В нем есть такие слова: «Все большее число трудящихся сознает, что только социализм может привести к решительному и прочному улучшению их экономического и социального положения». Большая правда сегодняшних дней заключена в этих словах.

...В Кремлевском дворце съездов работает форум трудящихся мира. Пусть успешной будет его работа, пусть приведет она к новым победам людей труда в борьбе за свои права!

↓Делегаты Конгресса посетили Мавзолей В. И. Ленина. В знак любви и уважения рабочих мира к великому вождю пролетариата они возложили венок.

Фото Г. Гуркова и А. Сербина.

Супруги Николай Назаров и Таисия Сухова возят молоко, которое надаивают Заботины.

По примеру совхоза «Шуйский» в Ивановской области уже построены и работают около 50 механизированных ферм. О том, насколько велико значение этого прогрессивного метода, может рассказать только одна цифра: когда всех коров переведут на механизированную дойку, в области освободится 6 тысяч доярок. Но новому делу нужно учиться. 111 делегаций побывали здесь, 47 доярок и 6 механизаторов прошли специальную подготовку. Одна из них, Серафима Петровна Александрова, доярка совхоза «Утес», теперь, обслуживая более 100 коров, надаивает 200 тонн молока. И не только сама делает большие успехи, но и обучила работе на «елочке» 14 доярок,— освоение новых методов труда в животноводстве нарастает, как цепная реакция.

А Заботиных уже не удовлетворяют достигнутые результаты. Ведь сейчас в их «елочке» всего 12 мест. И вот вырастает рядом со старым новый доильный зал, в котором будет две «елочки», каждая на 16 коров.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора и Б. Кузьмина.

«Елочка»

Т В А

Посланцы рабочего класса свободной Кубы.

«Гагарин зиндабад!»

Когда Юрий Гагарин пролетал над нашей планетой, он, конечно, не мог видеть радостных глаз людей, восхищавшихся его беспримерным подвигом. Лицом к лицу с этими людьми советский космонавт встретился во время своих поездок в Бразилию, на Кубу, в Англию, Польшу, Венгрию и другие государства.

Совершая «круг почета» по зарубежным странам, Юрий Гагарин прибыл в Индию. Республика тепло встретила первого советского космонавта. «Гагарин зиндабад!» — «Да здравствует Гагарин!» — приветствовали индийцы своего гостя. Его принял президент Индии Раджендра Прасад. Премьер-министр Джавахарлал Неру дал обед в честь славного сына советского народа.

Чувства большой дружбы и искренней симпатии, которые народ Индии испытывает к Советскому Союзу, особенно ярко проявились на массовом митинге в Дели в честь советского космонавта.

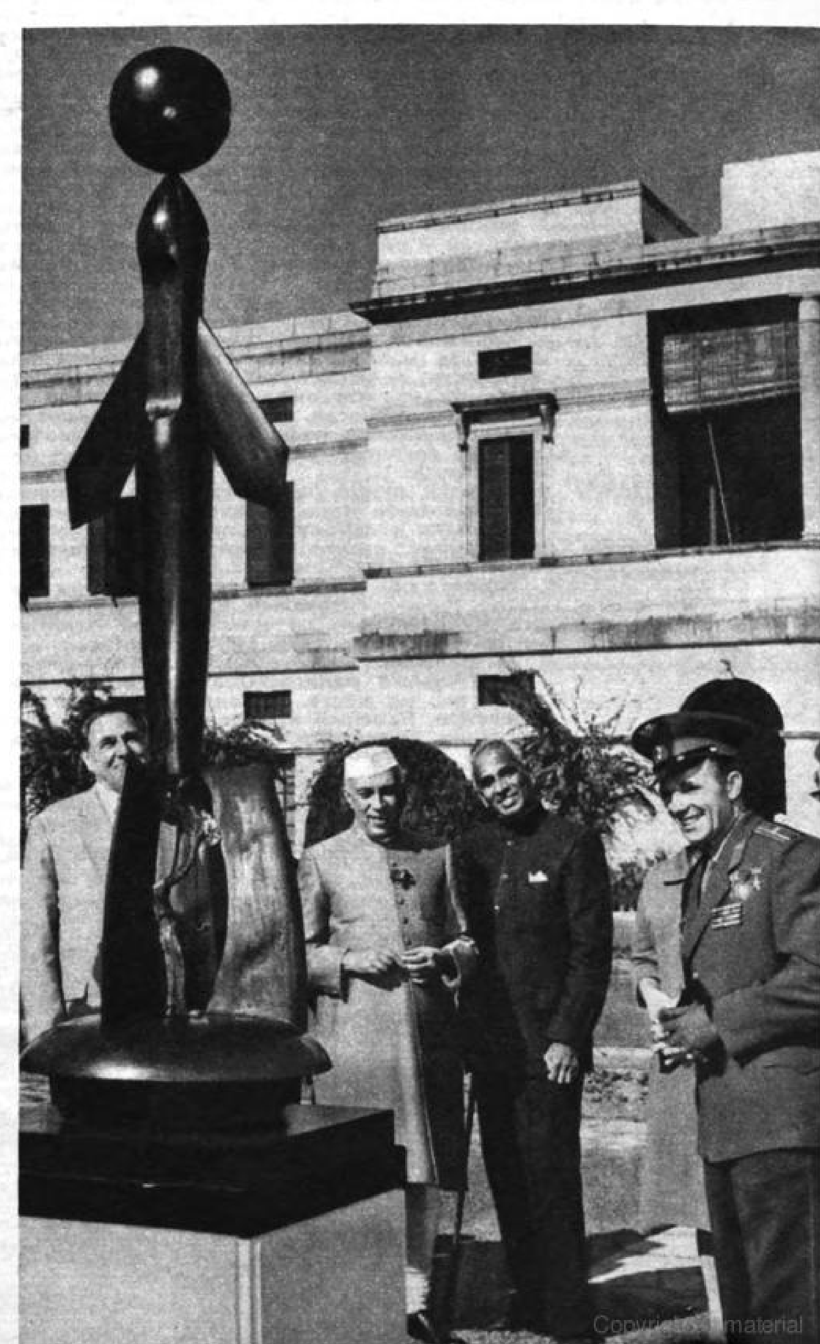

Юрий Гагарин в резиденции премьер-министра Индии Джавахарлала Неру.

Фото АПН.

Президент Бразилии Жоао Гуларт со своими детьми.

Фото из бразильского журнала «Мансете».

ССССР —
БРАЗИЛИЯ

БУДЕМ ДРУЖИТЬ

Советский Союз посетила делегация бразильских журналистов. Наш корреспондент Ия Месхи обратилась к главе делегации — директору газеты «Ултима Ора» господину Пауло Силвейра — с вопросом: что бы он хотел передать читателям «Огонька» в связи с восстановлением дипломатических отношений между СССР и Бразилией?

— Эта весть,— сказал Пауло Силвейра,— застала нас в гостях у советских людей. Как вы думаете: что может сказать директор газеты, которая вот уже одиннадцать лет со дня ее основания изо дня в день отстаивает тезис о необходимости налаживания дружеских отношений со всеми странами мира, а значит, с Советским Союзом? Конечно, он может сказать только о своем глубоком удовлетворении и радости.

Для того, чтобы понять, почему мы придаем этому событию такое значение, надо себе представить нашу страну. Бразилия — большая страна, однако бросается в глаза неравномерность ее экономического развития. Иностранцы, которые посещают южные центры, получают ложное представление о степени развития Бразилии. И дело не только в концентрации промышленного производства этих центров, а главным образом в концентрации капитала. В это же время наш северо-восток, подверженный прихотям природы и страдающий от пагубного влияния латифундий, представляет собой нищий край. Стоит разразиться засухе, как сотни тысяч людей, гонимые голодом, передвигаются к промышленным центрам, пополняя собой армию безработных и преступников.

На мой взгляд, эта проблема «неравновесия» между ростом промышленных центров и обнищанием деревни является самой сложной в современной Бразилии. В капиталистической стране разрешение этой проблемы идет очень медленными темпами, потому что требует непременного вмешательства в частную экономику. А частная экономика не приемлет этого вмешательства. Следовательно, в стране намечается стремление к структурным реформам. К ним мы прежде всего относим аграрную реформу, на первых порах осуществляемую фрагментарно — экспроприация у помещиков части их владений. Мы хотим дать крестьянам сельскохозяйственную технику и агрономическую помощь. Мы хотим создать ирригационные системы, чтобы не зависеть от засухи, а на каналах строить электростанции. Перед нами стоит проблема реформы банковской системы, а также изменения законодательства об иностранных монополиях, которые уводят национальные доходы страны за ее пределы. Нам, наконец, предстоят реформы в области образования и здравоохранения. Для того, чтобы все это осуществить, Бразилия нуждается в дружеской помощи миролюбиво настроенных стран.

Наше путешествие по Советскому Союзу раскрыло перед нами мощь этой страны. Ее мирную мощь, экономическую, которую мы считаем гораздо более важной, чем военную. По мере того, как мы узнаем советских людей и их дела, мы все больше убеждаемся, что сотрудничество между СССР и Бразилией должно стать в будущем одним из тех пунктов, на которые будет опираться мир во всем мире.

20 лет разгрома гитлеровских войск под Москвой

Спасибо, Нина...

«Спасибо, родная!»

Рисунок Н. Жукова.

— Вперед!..

Девушка с пухлой санитарной сумкой быстро ползет вслед за бойцами.

Льет дождь. Студеные струйки заползают за ворот шинели, под гимнастерку... Рядом разрывается мина, и командир внезапно припадает к земле. Девушка кидается к нему:

— Ранены?

Контуженный командир недовольно ворчит:

— Ты зачем здесь? Немедленно марш обратно!

— Не пойду... Тут нет ни одного санитара...

«Чижиком» любовно прозвали ее. Может быть, за маленький рост, за живость, за вертность, за неиссякаемую энергию, может быть, за то, что она черненькая, стриженая, чуть курносая. А скорее всего, просто хотелось назвать ласково эту девятнадцатилетнюю девушку, у которой такое отзывчивое сердце.

Впереди охнул боец, схватился за руку. Военфельдшер Нина Синьковская подползла и припала к серому рукаву. Быстро разрезала рукав, натуго забинтовала кровоточащую рану...

Второго раненого пришлось тащить на палатке. Раненый тяжелый. Лишь в конце своего мучительного путешествия на палатке он выжал сквозь зубы два слова:

— Спасибо... Геройская...

Еще одного ранило. Она перевязала его здесь же, на месте. Помочь надо было немедленно. Раненый кричал от боли и ругал ее. Нина, перебинтовывая, говорила с ним о чем-то постороннем, наклонилась, поцеловала его. Девушка совсем устала, пока дотащила раненого до леса.

И снова вернулась на поле боя. И так еще, еще раз...

Не хватало бинтов — рвала белье.

Об опасности напомнила пуля, продырявившая рукав шинели. Девушка на мгновение прилегла и притихла. И сразу почувствовала, как усталость навалилась на нее. Она сегодня спасла пятьдесят восемь раненых.

...Душно. Пахнет гарью и порохом. Близко бухают орудия и бьют пулеметы. Нина поправляет сбрую на лошади, которую только что запрягла, и, вскочив в санитарную двуколку, изо всех сил хлестнула прутиком лошадь.

В окопах — Уральский коммунистический батальон. Бой длится уже четвертые сутки. Люди изнемогают от жары: от раскалившихся пулеметов, винтовок. Раненым нет помощи. Да и как подойти к окопам, когда фашисты строчат беспрестанно!

«Чижик» выносится на шоссе. Прямо посреди шоссе стоит стол. Около него офицер, который руководит боем. Это командный пункт. Девушка мчится на двуколке мимо него, чуть не сбивает стол и выносится на бугор на виду у гитлеровских автоматчиков. Явление это кажется им невероятным, и они не стреляют. «Чижик» успевает прыгнуть в окоп. Все в порядке!

Кто-то жмет ей руку. Кто-то говорит, что она молодец, геройская девушка.

В тот день она помогла ста раненым бойцам.

...Так воевала под Москвой героическая девушка Нина Синьковская.

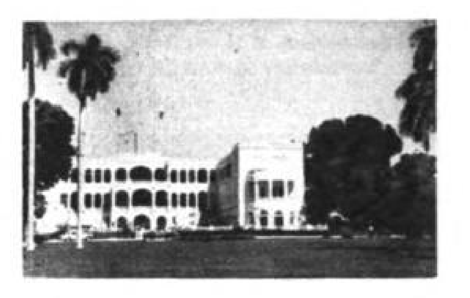
Л. ЮДКЕВИЧ

Декабрь 1941 года. Западный фронт. Немецкая автоколонна, разбитая нашей авиацией.

На бе

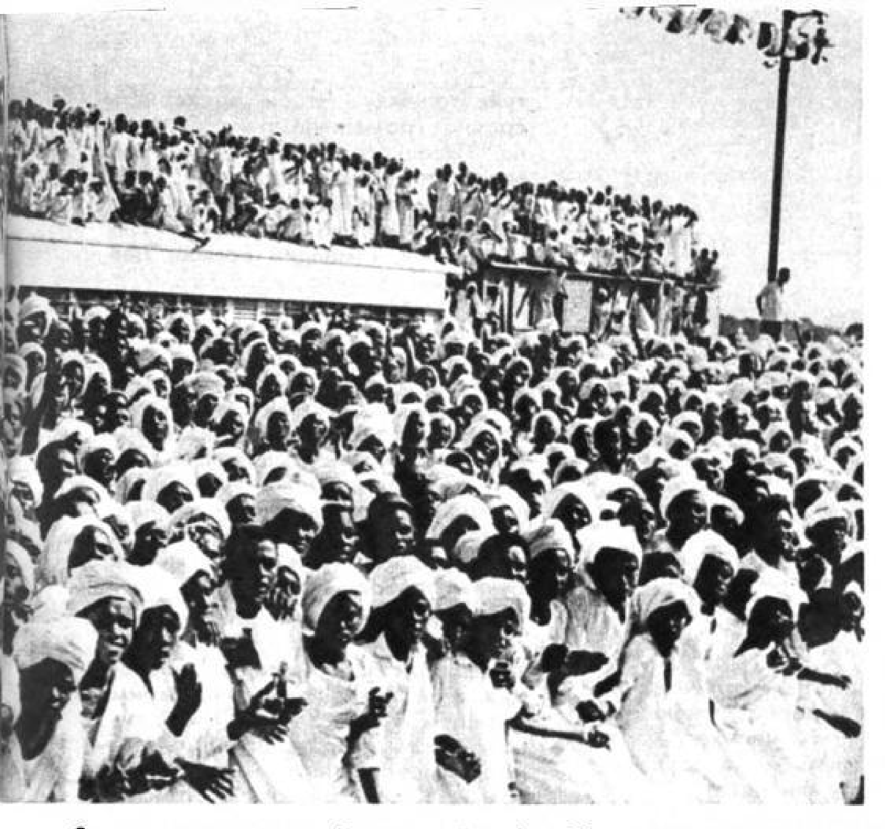

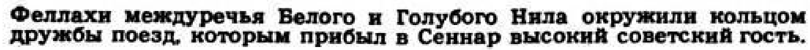
Это изящное белое здание — гордость Хартума. Оправленное в смуглое золото песка и матовую зелень пальм, словно сверкающий дорогой камень, украшает оно берег Голубого Нила, на котором лежит суданская столица.

Дворец Республики — символ независимости молодого африканского государства. «С Нилом против пустыни к процветанию» — таков его девиз, выраженный голубым, желтым и зеленым цветами национального флага.

Дворец Республики — это свидетель мужества суданского народа, очевидец его борьбы против колонизаторов. На внутренних стенах здания висят мечи и панцири, копья и щиты. Это не украшения. Одним из таких клинков три четверти века назад в стенах этого бывшего дворца английского гене-

Феллахи междуречья Белого и Голубого Нила окружили кольцом дружбы поезд, которым прибыл в Сеннар высокий советский гость.

Вожди различных племен горячо приветствовали посланца советского народа.
Фото автора.

регах Голубого Нила

рал-губернатора был убит британский генерал Чарльз Джордж Гордон, участник осады Севастополя, душитель народного Тайпинского восстания в Китае и палач непокорных суданских племен. Его покарали восставшие суданцы под водительством Махди, героя национально-освободительной борьбы, которые штурмом взяли Хартум и изгнали английские войска со своей земли.

Здесь же, в коридорах дворца, тускло поблескивают медью нарезные пушки и карабины. Они подобраны на поле Керрери, что в девяти милях от Омдурмана, города-близнеца Хартума. Шесть с лишним десятков лет назад под стенами этого города разразилась большая трагедия суданского народа. На смертный бой сошлись там сорокатысячное войско махдистов и британская армия, которой командовал ярый колонизатор лорд Китченер — изобретатель концентрационных лагерей для мирного населения. С беззаветной, отчаянной храбростью плотными рядами шли суданцы на чужеземного врага. Шли и шеренги за шеренгой, словно скошенные, падали на родную горячую африканскую землю, отдавая ей вместе с алой кровью свою жизнь. В этом неравном бою против плохо вооруженных махдистов английские колониальные разбойники впервые в военной истории применили только что изобретенную новинку военной техники того времени — пулеметы «максим». Потеряв около двадцати шести тысяч человек, суданцы вынуждены были отступить. В бою под Омдурманом отличился тогда еще безвестный молодой офицер британской колониальной армии Уинстон Черчилль.

Народное восстание махдистов захлебнулось в крови, но и англичане отпили из горькой чаши: многие солдаты не вернулись на зеленые холмы Британских островов. Ценой своих жизней уплатили они за еще один бриллиант в колониальной короне Британии, за карьеру китченеров и черчиллей. А вместо славы навлекли на себя и свою страну позор и проклятье суданского народа. На поле Керрери до сих пор сохранился памятник-обелиск, на котором колонизаторы высекли имена убитых под Омдурманом англичан. Этот памятник посажен за решетку: двойная металлическая клетка ограждает его от людей, так как и по сей день каждый проходящий мимо памятника суданец непременно бросит в него камнем или плюнет.

В Англии написано немало книг о Судане. И чуть ли не в каждой из них можно прочесть, что Нил — это дорога в Африку, а Судан — ворота на этой дороге. Из них можно узнать также, что, несмотря на свою доброту, суданцы очень воинственны: многие из них даже сейчас носят оружие. Да, суданцы и впрямь веками были вынуждены с оружием в руках защищать свой дом, ворота в Африку, от чужеземных завоевателей, начиная от Нерона и кончая Муссолини. Через эти ворота было трудно пройти тем, кто силой оружия хотел превратить Нил в невольничий путь, по которому Африка должна была пойти в рабство к колонизаторам.

...Нужно было видеть, как эти гордые и воинственные суданцы широко и гостеприимно распахнули ворота своей страны перед посланцем советского народа Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым. Да только ли ворота — свои сердца раскрыл суданский народ перед человеком, который в их страну — родину пальм — пришел с пальмовой ветвью мира и дружбы. Так восторженно и горячо суданцы еще никогда и никого не встречали.

Казалось, высокое африканское небо раскалывалось от взрывов оваций, когда рука Леонида Ильича сливалась в крепком рукопожатии с ладонями суданцев. А разве можно забыть волнующую встречу, которую оказали высокому советскому гостю в Сеннаре! Поезд, которым Л. И. Брежнев и премьер-министр Республики Судан Ибрагим Аббуд ехали в Гезиру — на родину знаменитого суданского длинноволокнистого хлопка, — не дошел до станции. Тысячи — да что тысячи! — десятки тысяч людей сплошной стеной стояли на железнодорожном полотне! Отчаянно сигналя, паровоз замедлил ход и стал. А вокруг гремели сотни там-тамов, звенели песни, приветствия, и все это тонуло в восторженном гуле толпы. Едва машина, на которой Л. И. Брежнев и Ибрагим Аббуд двинулись по бурлящему людскому коридору, приблизилась к станционному переезду, десятки паровозов встретили советского гостя громогласным гимном дружбы. Когда низко над головами, приветственно помахивая крыльями, пронеслись реактивные истребители, шума их моторов не было слышно.

А разве могли не взволновать трогательные национальные танцы, которые были показаны советскому гостю представителями племен динка, горцами Нубы и шиллуками! И все же, быть может, больше всех удивила и порадовала гостя суданская саванна. Семьдесят тысяч всадников на верблюдах неделями добирались к городу Эль-Обейд, чтобы принять участие в потрясающем своей живописностью и весельем народном празднике.

Недолог был визит советского президента в дружественную Республику Судан. Но он был так ярок, что если бы суданцы захотели устроить его лучше, красивее и интереснее, они не смогли бы этого сделать, потому что они подарили советскому народу все свои самые лучшие чувства, слова и мысли. Этот визит показал, что суданцы хотят жить в мире с теми, кто протягивает им руку дружбы, кто готов помочь строить новую, независимую жизнь.

В. ГРИГОРОВИЧ,
специальный корреспондент АПН
Хартум — Москва.

НЕЗАВИСИМАЯ ТАНГАНЬИКА

Отныне 9 декабря для народа Танганьики будет праздником навсегда. В этот день бывший британский протекторат обрел независимость.

Нелегким путем пришла Танганьика к независимости. В конце прошлого века она попала в колониальные тиски империалистической Германии. Поражение кайзеровского рейха в первой мировой войне не принесло свободы угнетенному народу Танганьики. На ее землю пришел другой хозяин — английский империализм. Распоряжаясь землей и жизнью народа Танганьики по «праву» мандата до 1946 года, Великобритания сумела сохранить свою власть там и после, получив от ООН эту территорию в качестве «подопечной». Империалисты, выкачивая богатства африканской страны в свои банки, жестоко подавляли стремление народа Танганьики к свободе. Характерно, что когда в свое время комиссия ООН предложила английскому правительству отменить телесные наказания в Танганьике, оно отказалось.

Колонизаторы не прочь порассуждать о благах, которые якобы принес колониализм зависимым народам. Едва ли можно придумать более бесстыдную ложь, чем ложь о благотворности колониальной системы. С 1918 года хозяйничает Великобритания в этой африканской стране. А результаты? О них убедительно свидетельствует письмо премьер-министра Танганьики Джулиуса Ниирере, напечатанное недавно в английской газете «Обсервер». Письмо адресовано представителю Оксфордского комитета помощи голодающим. В нем говорится: «Мне представляется, что вы находитесь здесь в Танганьике по поручению Оксфордского комитета помощи голодающим, чтобы обследовать чрезвычайно критическое положение, вызванное голодом на этой территории. Мы чувствуем, что серьезность этого положения как следует не понимают ни в Англии, ни где-либо еще. Фактически только в одной провинции почти триста тысяч людей получают помощь как голодающие, и положение, очевидно, ухудшится еще более, прежде чем будет собран урожай следующего года...»

Такое положение не только в Танганьике. Вот что оставляет колониализм в наследие тем странам, откуда он вынужден ныне убраться!

Теперь колониальный период — прошлое Танганьики. Страна становится на путь независимого развития. И это не результат доброй воли колонизаторов, а итог борьбы народов за свою свободу. Советский народ желает народу независимой Танганьики успехов и счастья.

← Алмазные копи в Танганьике. Они принесли немало доходов английским колонизаторам.

Поход в завтра

Николай БЫКОВ

Тот, кому знакомо бездорожье, кто ездит не только по трассе Москва — Симферополь, тот знает эту сухопарую, немного косолапую, окрашенную в боевой цвет машину. В краю полевых дорог, гигантских строительных площадок, затяжных дождей и неожиданных снегопадов она незаменима. Называют ее всюду ласково: «козлик», «газик»... Почему «козлик», понять еще можно, а почему «газик»? Производное от марки «ГАЗ-69»? Так это не совсем справедливо: машину-то выпускают не горьковчане, а ульяновцы на своем УАЗе!

Мне хочется поведать об одном эпизоде из сегодняшней жизни автозавода...

Есть на заводе проектно-технический отдел, кратко называемый ПТО. Он занимает несколько небольших комнат, тесно уставленных столами, над которыми возвышаются чертежные доски. Здесь обитают конструкторы, но не те истые автомобилисты, что совершенствуют существующие модели и загадывают наперед новые марки УАЗов,— нет. Конструкторы ПТО готовят техническую документацию для нужд различных цехов.

Например, одну из комнат ПТО занимает сектор подъемно-транспортных сооружений. И здесь вздыбленные чертежные доски образуют десятка два отсеков, этаких глубоких «ящиков». В каждом сидит конструктор, колдует над чем-то своим. За окном шумы большого завода. А здесь тишина. Долгими днями, неделями человек остается наедине со своим чертежом. И наедине с собой даже в набитой людьми комнате.

Один немолодой уже конструктор из ПТО так объяснял специфику своей профессии:

— Работа у нас в настоящем смысле интеллигентная, а еще точнее, внутренняя. Непонятно? Она у нас не поддается контролю со стороны. Есть, разумеется, сроки, совесть, то да се... Вот я, например, сейчас стою за доской, смотрю на чертеж, а его не вижу. Уловили теперь? Вы полагаете, что я думаю над каким-нибудь пунктиром, а я в это время на Волге, да на моторке, да со спиннингом!.. Внутренняя у нас работа. Мы наше дело в себе носим. Я — и больше никого!..

...И никого.

Анатолий Пясецкий, в то время новичок в отделе и на заводе, испытывал на себе это «никого». Он не умел смотреть на доску невидящими глазами, он выполнял задание стремительно. Но чувствовал, что все это не то, не главное. Его молодой, жадный до головоломок ум требовал такой работы, чтобы непременно побольше неизвестных величин. Однако своего проектирования в отделе не было. Может, так же скучали по нему и парни в других «ящиках»? Анатолий не знал. Не знал, что за доской впереди, что за доской сзади...

Минувшей весной в местной печати промелькнули сообщения о новинке автозавода — толкающем конвейере, единственном в стране. В газетах конвейер называли «технической революцией». На меньшее ульяновцы не соглашались и в общем-то оказались правы.

И вот я на автозаводе, на участке окраски мостов. Здесь в те дни уже действовал толкающий.

Над головой один за другим проплывали задние мосты. Откуда и куда? У самого истока конвейера автомат грузил — навешивал — мосты, их подхватывала бегущая по высоко поднятой рельсовой трассе тележка и толкала груз вперед до следующей остановки, полагающейся по технологии процесса окраски. Мосты, таким образом, проходят сами весь сложный, со многими поворотами, взлетами и падениями путь от погрузки до сборки. Конвейер несет их в мойку, оттуда в сушильную камеру, потом в камеру для покраски в электростатическом поле, оттуда снова в сушку... Осуществлена не просто механизация, а полная автоматизация подъемно-транспортных работ. Задача человека сводится к дежурству у пульта управления и к наблюдениям за отдельными участками трассы.

Кто же они, революционеры? И как же это им все далось?

В группе толкающих конвейеров сейчас восемь человек. И сейчас уже это группа коммунистического труда. Ведущий конструктор — Анатолий Пясецкий, он же Анатолий Иванович, он же и Толик. Да, тот самый...

Можно судить о человеке не только по отзывам его товарищей, но и по тому, как он сам отзывается о них. Анатолию теперь уже тридцать лет, он старший в своей группе. Но в его отзывах о товарищах много и юношеской непосредственности и той категоричности, которая отличает людей зрелых и зорких, умеющих с ходу разглядеть человека, сразу решающих, быть им в труде и в драке вместе или нет.

Пясецкий заочно представлял группу:

— Беглов? Сила! С этим за доской не соскучишься.

— Димка Добрынин? Трудяга. И бегает. Чемпион области на коротких дистанциях. Скромнейший. Для спорта важно! И в жизни...

— Павел Быков—это мозг! Конструкцию может дать сильную. Но характерец, язычок... Воспитаем!

— Лев Молодов — помнишь, в очечках? Стоик. Ему зверски трудно пришлось. Понимаешь, жену человек потерял, осталась на руках девочка... А тут еще конвейер наш... Но не сдался Лева.

— Порфирий Макаров — конструктор, большего и не скажешь! И Виктор Мязин — тоже, мы с ним начинали.

— Кто седьмой? Седьмая — Нина Анищук, сестричка наша. У нас, как в сказке про богатырей!..

О самом Анатолии рассказали ребята — просто, без восклицаний: «Он всего этого дела болельщик, в нем начало...»

Но сыр-бор на заводе все же затеял не Пясецкий. Был в отделе инженер Белокриницкий, и, говорят, неплохой инженер. Он вроде и подал идею толкающего конвейера — вычитал в журналах... И вот идея — только не та, первоначальная, а иная, родившаяся на заводе,— воплощена в металле, но без него. Что произошло? Своего проектирования в ПТО не было. Когда задумали создать комплекс толкающих конвейеров, то заказали его проект харьковчанам, специальному проектному институту. В Харьков представителем от завода послали Пясецкого.

В институте Анатолий по уши влез в проект. И там же почуял неладное. Вернувшись на завод, доложил об этом, но его сомнения признали несерьезными. Когда проект был выполнен, негодность его стала очевидной: испытания на пробном участке провалились.

Вот тогда-то и создали группу Пясецкого. Группа — это только звучало солидно, а вначале в нее вошел он сам, отныне ведущий, и Мязин. Им, двоим, и поручили срочно привязать проект к производству, к конкретным условиям завода. Практически это значило переделать почти все узлы. Сконструировать, например, другие стрелки, подъемники, другую тележку. Чтобы провернуть срочно громадную работу, группа Пясецкого через некоторое время получила пополнение. Пришел Порфирий Макаров, потом однокашники из института — Павел Быков, Геннадий Беглов, Лев Молодов.

Это было зимой 1960 года. Самое начало. Зима для ребят выдалась жаркая. Один пример. Погрузчик — «стол» и его пневматику — решили оставить харьковский. И Лева, как всем казалось вначале, должен был только облегчить конструкцию. И он действительно урезал все лишнее, оставив один узел. Да и тот в конце концов переделал. И так буквально все.

Потом свалилась беда: ведущего положили в больницу. Анатолию предстояла нелегкая операция, а он ломал голову над своим детищем. Именно тогда ему пришла мысль создать принципиально новый конвейер — не двухтрассовый, а однотрассовый. Что это даст? Расход металла уменьшится почти на треть, облегчится монтаж, увеличится гибкость трассы.

Ребята носили ведущему в дни передач печенье и ватман. Он чертил, чертил, чертил.

— Только однотрассовый! — отвечал ведущий на вопрос, как его дела.

Тогда он еще не знал, какое сопротивление встретит его затея.

Белокриницкий, породивший мысль о толкающем конвейере, восстал против «мальчишек», так неожиданно предложивших однотрассовый принцип. «Нет, нет, нет!» — ответил авторитетный, уважаемый инженер. «Только однотрассовый»,— стояли на своем мальчишки, на вооружении которых не было ни «связей там», ни опыта. Уважаемый инженер из новатора превратился в консерватора. Такова схема, а в жизни было все куда сложнее. Группа многого не понимала. Ребята наивно спрашивали друг у друга: «Почему он, умный, так упорствует?» Ведь очевидна же выгода, целесообразность их предложений. А ему было очевидно совсем другое: не он, не его мысль. Это подспудно. А вслух: «Что вы делаете? Куда лезете? Голову свернете! Ведь на ходу придется менять все... На других заводах поступают разумно. А за рубежом?»

И еще довод: «Страшно! Мальчишки превратили главный конвейер действующего предприятия в опытный участок! Где это видано?!»

Да, такого не было, а они превратили, это правда.

Но разве они виноваты, что у них нет времени поступать разумно, что им не дают экспериментального цеха, лаборатории, где бы можно было семь раз отмерить... Нужно было бить новую колею, искать, а Белокриницкий то ли не умел, то ли не хотел: его конек — бросить идею («идеедатель» — так и называют его на заводе). Переделки, поиски, тем более монтаж — от этого увольте!

Группе Пясецкого дали слесарей, монтажников, газорезчиков, электриков. Каждому. Как мастеру. Прощай, комната, уставленная досками! От гудка до гудка в грязных, ржавчиной измазанных спецовках. А после гудка снова ватман, карандаш, линейка.

— Конструировали прямо в металле! Уж после оформляли чер-

тежи,— рассказывает Гена Беглов. Он рыжеват и ершист. Все, что случилось с их конвейером, ему по душе: любит драчку!

И все же они оставались конструкторами. Им даже атаки Белокриницкого некогда было отбивать: время поджимало, а в голове роились чудесные, принципиально новые конструкции. В ту пору они изобретений даже не оформляли. Только ломали карандаши, гнули и варили железо, рисовали мелом на полу цеха рабочие чертежи, спорили. И вовсе не готовились к бою. А «противник» готовился.

— Теоретически мы, конечно, ожидали сопротивления,— вспоминает теперь начальник сектора, ровесник ребят из группы толкающих конвейеров, Владимир Николаевич Демокритов. — Ожидали, но не в таком объеме...

Милые ребята, они в книжках, видно, вычитали, что новаторам иногда мешают консерваторы. Но как больно бьют эти консерваторы, как они неутомимы в своей отрицательно заряженной деятельности, как много риска таит в себе такой поход в завтра,—этого они еще не знали! А вокруг отрицательного заряда уже собирались те, кто вообще был против конвейера — любого. Ведь конвейер — это культура производства, а она сулит массу беспокойства. Начальникам цехов надо будет думать, как обеспечить его бесперебойную работу, тут уж не возьмешь горлом!.. Так группа Пясецкого оказалась вовлеченной не только в борьбу с дедовской механизацией «раз-два—взяли», но и со старой технологией, со старым отношением к труду.

Было назначено специальное заседание технического совета по вопросу о принципиальной схеме конвейера — быть ему однотрассовым или двухтрассовым? Тут-то Пясецкий словно очнулся от сна. Сообразил, что техническому совету на пальцах не докажешь — нужны чертежи. Какие? Ребята снова собрались. В чем главное возражение противников однотрассового конвейера? Ага, вот в чем: на однотрассовом в случае поломки не снимешь тележку. Вероятность поломки ничтожна, но если случится такое, то стоп весь цех, многие цехи. Вывод? Надо создать такую тележку, чтобы в случае беды легко убрать ее с трассы. Значит? Значит, нужна разборная тележка! Эврика!

До заседания техсовета оставались считанные ночи (днем продолжались работы по монтажу). Все, что было в голове, за эти ночи ребята перенесли на ватман. Идею разборной тележки дал Толик, а конструкцию ее создали коллективно. Решение оригинальное, но — сами сейчас признают— сложноватое. Зато техсовет прошел не как в книгах — гладко. Ребята, измученные, похудевшие, оглушенные тишиной внимающего им зала, без шума доказали преимущества своей конструкции. Им, молодым, дали зеленую улицу!

...И вот закончен грубый монтаж всего комплекса, заканчивается отладка отдельных узлов, деталей. На огромной высоте цеха главного конвейера повисла целая железнодорожная сеть. Под рельсовой дорогой, плавно льющейся из цеха в цех, мы прошли с Анатолием и Геной на главный конвейер, опустились в помещение будущего склада. По мере надобности при одном нажатии кнопки в салоне пульта управления узлы отсюда двинутся в цех сборки... Монтажники включили рубильник, и тележки — пока без груза — побежали по трассе. Надо было видеть, с каким восторгом конструкторы следили за их бегом. Рабочие улыбались, хлопали друг друга по плечу, радовались.

— Ничего скоростенка-то, Анатолий Иванович! — кричал Геннадий. — Красиво, а? Вот она, скоростенка!

— Красиво! И скоростенка приличная, — щурил глаза за очками Пясецкий. Он сохранял серьезность, но это ему плохо удавалось. И все радостно смеются, счастливые оттого, что быстро двигаются по трассе их волшебные тележки. А волшебники — они сами.

...Вечером сидим в комнате у Анатолия, гоняем чаи с вареньем. Вид у комнаты холостяцкий.

— Еще не устроился, — устало улыбается Анатолий. — Я ведь сначала по углам скитался, потом с Валеркой Сидорановым, с нашим мозговым трестом, жили. Он конструктор по автоматике. Вот отгрохал пульт управления! Сотни кнопок! Красиво! А лет через десять всей нашей механикой электронная машина управлять будет! Да... Но Валерка женился, и мне тогда пришлось убраться восвояси... Это уж совсем недавно ребята выхлопотали мне комнату...

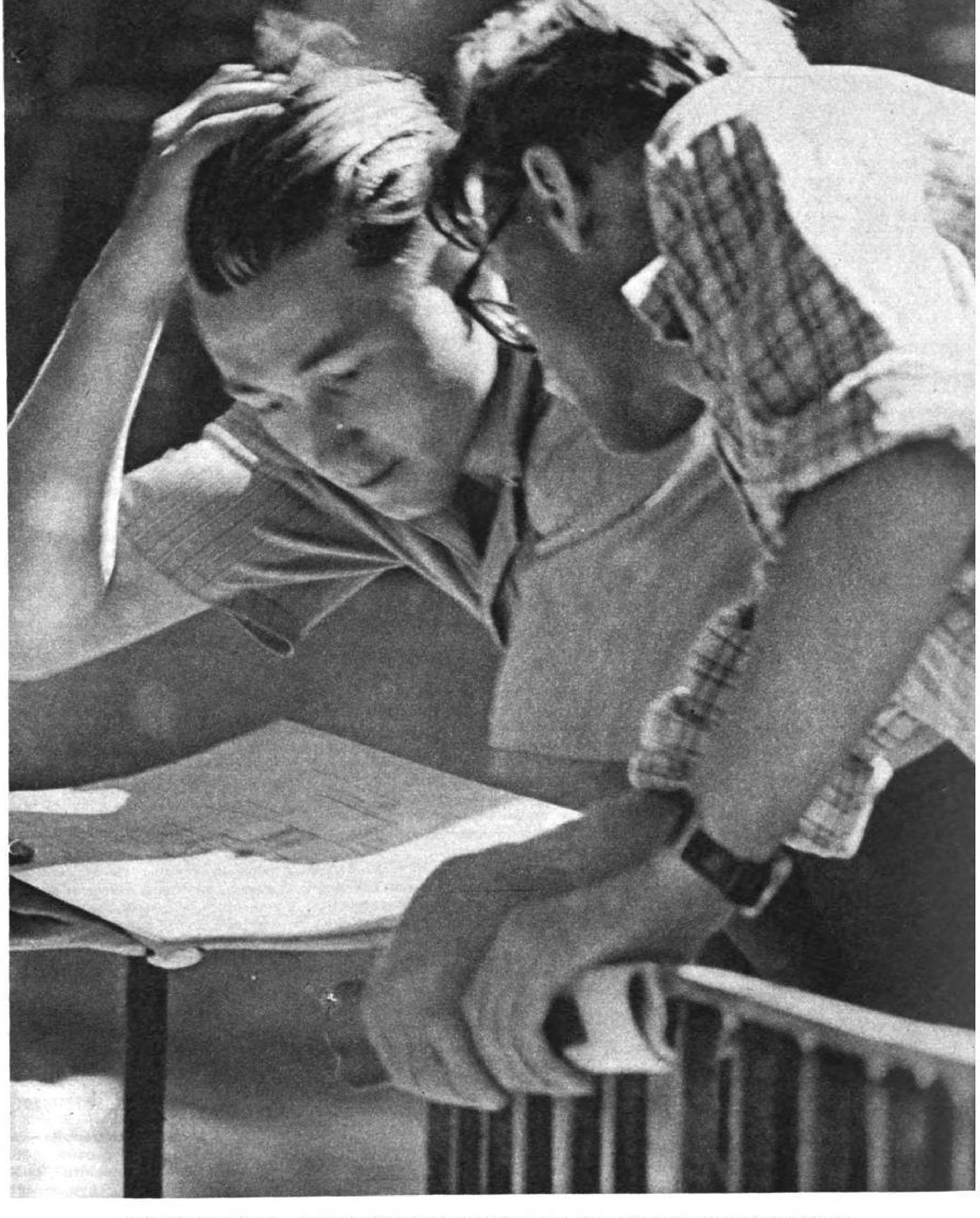
«Ребята» — это все та же группа, в которой он ведущий. Это и Володя Демокритов, их начальник, разрывающийся между заводом и институтом, — то лекции там читает, то принимает зачеты... Да они все в отделе дружные, особенно семеро из группы Пясецкого. Вместе и в театр и на рыбалку, вместе навещали Анатолия, а потом Павла в больнице, вместе устраивают дни рождения и дальние походы на мотороллерах. Мотороллерами болеют все. Как и конвейером...

На подоконнике стоит зеркальце; перед ним в три погибели согнулся Анатолий и спешно бреется. Он поясняет:

— Ты извини, я тут... Девчата билет в филармонию взяли...

— Всей группой пойдете?

— Да нет... Не то... Тут я, понимаешь, партизаню...

Где-то что-то заело... Порфирий Макаров (слева) и Лев молодов ищут отгадку в чертежах.
Фото М. Савина.

Живые очи таланта

Юлия СОЛНЦЕВА,
кинорежиссер

И та дорога, что уже пройдена, и та, что размахнулась своими могучими витками все выше и все дальше, словно стремясь к необозримым просторам Вселенной, к звездной россыпи Млечного Пути,— дело упорных рук человеческих, итог дерзновенной мечты человеческой...

Сколько же людей отдавали себя, не жалея, в кровавой и бескровной, открытой каждому или не ведомой никому, но одинаково напряженной и мучительной борьбе за то, чтобы могли сегодня народы с ликованием назвать коммунизм живой и безоговорочной реальностью! При коммунизме будет жить нынешнее поколение!..

Думая обо всем этом, я думаю о Довженко, с которым работала всю жизнь.

Ему теперь было бы всего шестьдесят с лишним лет. Как много мог он еще сделать! А главное, как счастлив, как горд был бы он, беспартийный, но коммунист до мозга костей, дожив до такого праздника труда, праздника мысли и творчества — самого большого праздника, каким был XXII съезд партии для всех нас!..

Я говорю о съезде от имени таких, как я, людей, формально не числящихся в рядах КПСС. Однако родство с партией все равно живет в нашем сердце, в наших жилах, в нашей крови. Отнять его у нас можно только вместе с нашей жизнью...

Это дорогое родство каждый обретает по-своему. Но обязательно в труде. И лишь тогда, когда труд становится высшим смыслом и содержанием всей жизни человека. Именно так трудился Довженко... Я всегда изумлялась огромному довженковскому таланту, безраздельно отданному людям.

Самая поразительная черта Довженко — человека кристально чистой, честной души и блистательного художника-гражданина — была в том, что он никогда не думал о себе отдельно от партии, отдельно от народа. Он жил всем этим сразу, так же, как дышал: естественно и свободно. Поэтому все его замыслы были такими могучими, такими просторными и в то же время проникновенными, глубоко человечными.

Богатырский размах, несокрушимая сила идейной убежденности, тончайшая душевная ясность как раз и составляют своеобразие творчества Довженко... Его наследие, мне кажется, целиком принадлежит партии, потому что — еще раз повторяю — оно было целиком порождено устремленностью его таланта.

...Я думаю, что Программа партии и Устав партии, принятые съездом, не оговорили особым параграфом требование партийности таланта лишь потому, что у нас это требование как бы само собой подразумевается.

Точнее, это даже и не требование! Мы ведь не требуем сами от себя: живи, мол, двигайся, работай с открытыми глазами; каждому и так ясно, что человек должен хорошо видеть все происходящее вокруг него...

И ведь если попробуешь отличить талант от ремесла, то обнаружишь тотчас же, что лишь ремесленник может слепо и послушно, без огня и инициативы делать свое дело. Делать по привычке либо по штампу, с равнодушными, холодными, незрячими глазами...

Взгляд истинного художника всегда зорок. А талант еще и прозорлив. Он видит словно бы уже не только своими очами: его взгляд — это еще и очи народа! Поэтому о чем бы ни шла речь в его творении: о прошлом, настоящем или будущем, о мирных днях или воинских схватках, о любви или ненависти,— истинный художник всегда скажет о том, что видит сейчас, сегодня народ; скажет обязательно по-новому.

Вот почему новаторство в искусстве — это не трюк, не удачный «прием», не «мода» и не «техника». Это — сама душа искусства. Это — взгляд художника на людей и на события, а значит, отношение художника к людям и событиям. Отсюда, конечно, и трактовка людей и событий в произведении искусства—трактовка, отвечающая задачам, целям и чаяниям народа.

...Когда мы впервые встретились с Довженко в 1928 году, я к тому времени уже сыграла главные роли в «Аэлите» и «Папироснице от Моссельпрома». Но профессия актрисы меня не увлекала. Очевидно, мое призвание было в другом. В чем, я тогда еще и сама как следует не знала... А Довженко в то время снимал в своих серьезных, исполненных большого человеческого размышления фильмах Украину. Он был по-настоящему влюблен в родной край и умел интересно, творчески думать о нем, всегда видя в своем сознании, воображении художника всю Советскую страну.

Вот тогда я и поняла, что самым значительным в моей жизни станет работа вместе с Довженко.

Я искренне приняла в свое сердце все то, что было близко и дорого украинскому художнику, и с огромной радостью, с увлечением стала работать над его картинами, всегда необычными, всегда взволнованными, всегда наполненными ощущением ветра и моря, солнца и шумящей листвы, ощущением переднего края, ощущением огромности и нужности жизни...

Сорежиссером Довженко я была много лет. И все эти годы я старалась органически воспринять главные законы творчества Довженко, не слепо и не механически повторять их, а сделать их своей школой.

Творчество Довженко, конечно, очень дорого мне еще и лично. Но неизмеримо дороже для меня — и по-человечески и по большому гражданскому счету — его высокий идейно-художественный смысл, его моральная ценность и принципы прекрасного, сливающиеся воедино.

Партия всегда присутствует в творчестве Довженко.

Она — живые очи народа — как раз и становится словно собственными очами таланта, очами художника во всех задуманных им фильмах, во всем том, что трепетало и звенело в его неутомимом сердце, в том, что успел, и даже в том, чего не успел он до конца досказать людям...

Он сказал много, а хотел сказать в десятки раз больше. Он торопился, словно боясь опоздать, видя вокруг себя множество тем, множество людей...

Я помню, как он выходил на шоссе, ведущее к Каховской ГЭС, на стройку: аккуратный, подтянутый человек в светлом костюме, с седой головой. Самосвальщики и бульдозеристы останавливались возле него, не спрашивая, куда надо везти: его знала вся Каховка. Он был не только со строителями, он сам был строителем.

Всюду, где приходилось нам бывать, Довженко оказывался в гуще народа. Поэтому-то художник-гражданин создал фильм «Земля», который и сейчас считается одним из лучших фильмов во всей мировой кинематографии за все время ее существования.

Быстрый и подвижный, с ясным и веселым взором, Довженко с великой щедростью нес людям свои мысли и планы, свои задумки о новом.

Его далеко не всегда понимали, но это не разочаровывало и не охлаждало художника, вернее, не отнимало у него веру в замысел... На II съезде писателей Александр Петрович поделился заветной мечтой — поставить картину о космосе. Задолго до запуска первого спутника Земли Довженко написал сценарий «В глубинах космоса». Художник настойчиво, пламенно доказывал, что полет в космос, казавшийся тогда совершенно фантастическим, необходим «для развития человечества». «Это новая его сверхзадача,— говорил Довженко,— это поэма о вечном огне Прометея. Эту поэму можем создать только мы, люди рождающегося коммунистического общества»...

Высокое гражданское ощущение современности буквально переполняло художника, и ему мало было выплеснуть это ощущение в сценарии. В «Поэме о море» он должен был еще и участвовать сам. И очень трудно было мне снимать без него эту картину... Она по замыслу современна, как и «Повесть пламенных лет», написанная после войны, но обращенная к сегодняшнему дню прямо и непосредственно.

Только через четырнадцать лет удалось мне осуществить этот фильм! И он тоже вместе с невероятными трудностями доставил великое счастье идти по путям, проложенным зорким взором художника.

Сейчас я работаю над экранизацией «Зачарованной Десны». Я не совсем еще знаю, как будет решена практически эта задача, чрезвычайно сложная. Довженко как будто вспоминает в этой повести лишь о самых ранних годах своей жизни. Но перечитайте "Зачарованную Десну". Нет, этот публицистически страстный рассказ далеко не ограничивается рамками одного лишь безоблачного детства. Как всегда у Довженко, разговор идет прежде всего о Родине, о партии, о человеке. Разговор об отношении к жизни вообще и о жизни советского человека — воина и строителя. Это разговор о морали сегодняшнего дня, о коммунистической нравственности и красоте.

Решая проблемы будущего фильма, я думаю над образами «Зачарованной Десны», которая всегда жила в сердце Довженко как самое дорогое и заветное. И снова я перечитываю слова из повести Довженко, которые должны стать фундаментом моей работы:

«Никогда не надо забывать о своем назначении и помнить всегда, что народ избирает своих художников для того главным образом, чтобы показывать миру, что жизнь прекрасна, что сама по себе она величайшее благо и счастье. И кажется порой удивительным и жалким, что не хватает у нас ясности духа проникнуться ежедневным ощущением счастья жизни, изменчивого в постоянном чередовании драм и радостей, и поэтому так много красоты бесследно проходит мимо наших очей».

Мимо очей Довженко ничего не проходило бесследно.

Это качество партийного, народного таланта особенно необходимо искусству будущего.

В „СЕВЕРЕ" УЮТНО

Фото Г. КОПОСОВА.

Пока художники набрасывали эскизы новой мебели, создавали рисунки занавесей, Михаил Трофимович Федорец — один из руководителей будущего кафе «Север» в Ленинграде — путешествовал по стране. Несколько дней он провел в знаменитых таллинских кафе, потом отправился в Баку, Тбилиси, Киев, Харьков, Москву. Изучал он все весьма углубленно, но вовсе не с тем, чтобы использовать чужой опыт. Нет, напротив, Федорец беспокоился, как бы «Север» не оказался похожим на таллинские, московские, бакинские кафе. Каждому городу свое!

И вот распахнулись двери первых залов «Севера» на Невском проспекте. О кафе заговорили. Высокие стены, цвета северного моря, на окнах широкие красочные легкие занавеси. Разноцветная удобная мебель ярких тонов, оригинальное освещение создают приятное ощущение уюта. Столики как бы небрежно разбросаны по всему огромному залу. Если вы хотите посидеть за чашкой кофе один или вдвоем, пожалуйста, есть и такие столы.

К главному залу, вмещающему около четырехсот человек, примыкают залы для коктейлей и банкетные.

Открывается кафе рано утром, закрывается в полночь. Столики всегда заняты. Влечет людей не только уют, но и отменная кулинария.

Рядом с кафе сейчас отделывают новые залы, где разместится ресторан, необычный по своему убранству. В нем будет возрождена незаслуженно забытая северная кухня. Когда ресторан откроется, все залы «Севера» вместят одновременно более тысячи человек.

Уже и сейчас кафе «Север» очень популярно не только в городе на Неве, но и за его пределами. Вот одна из тысяч восторженных записей в книге для посетителей:

«Ваше кафе оставляет сильное, яркое впечатление: все — оформление, освещение, обслуживание, качество продукции — отличное. К моему глубокому сожалению, вынужден констатировать, что в городе, где я живу, хотя это и Москва, нет подобного. Очень рад за ленинградцев!»

К. ЧЕРЕВКОВ

В КАФЕ «СЕВЕР».

...Она была мужественной и верной дочерью своего народа и погибла во имя нашей жизни. Напишите о ней...

Из письма О. Гусаровой в редакцию журнала «Огонек».

Пусть о них узнают все!

Н. ТАРАСЕНКОВА

Мария Ивановна не спала. Было тихо.

Еще несколько часов тому назад громыхали орудия, тарахтели полуторки, слышались стоны раненых. Еще несколько часов тому назад в ее доме были бойцы. Она ухаживала за ними, как за своими детьми. Но их уже нет в городе. Быть может, их нет уже и в живых. И вот наступила тишина, страшная, угрожающая. Хотелось поговорить с дочкой, с мужем, но они спали, измученные кошмарным днем.

Она и сама вскоре задремала. И то ли ей снилось, то ли было на самом деле, будто кто-то отпер калитку и прошел по двору тихими торопливыми шагами. Будто кто-то постучал в дверь: раз-два. Мария Ивановна открыла глаза и застыла в ожидании. И снова: раз-два...

Она побежала в сени.

— Кто там?

— Я.

Ей показалось, что это голос дочери, но Мария Ивановна не поверила. Не может быть. Она отодвинула засов, открыла дверь и радостно вскрикнула. Перед ней была Женя.

— Доченька моя родная, как же ты? Вернулась?!

Вышел на крыльцо отец Денис Филиппович, крепко прижал к себе Женю, кольнул усами. Ночь была темная и звезды крупные и яркие, словно хорошо вычищенные и закинутые кем-то в небо. И такая тишина, будто и нет никакой войны.

— Вот я и дома,— сказала Женя. И, помолчав, добавила:

— В городе немцы.

* * *

Одна из тихих улиц в Керчи — Садовая дорога. Дома стояли редко, и сады, сады, сады. На этой улице и жила большая семья Дудников. Еще до войны ушли в армию сыновья — Николай и Алексей. Остались три дочери — Женя, Нина и Тоня. Когда фронт приблизился к городу, отвезла Мария Ивановна самую младшую, Тоню, в деревню, к сестре. А Женя добровольно ушла в армию. И вот с первых же дней, когда немцы ворвались в Керчь, Женя снова в городе. Но никто не удивился этому. Вот когда она ушла в армию, тогда удивлялись и ахали. Тихая, застенчивая, робкая. Ну какой из нее боец! Она и говорила мало, все книжки да книжки. И соседи пророчили родителям: «Будет ваша Женя ученой». Но Женя стала радисткой. Работала на рыбокомбинате. И раньше всех узнавала в городе, с каким уловом траулеры вернутся в порт.

И вот она снова дома. «Так и должно было случиться,— рассуждали соседки.— Какой из нее боец!»

Тихая и красивая улица Садовая дорога понравилась немцам. В доме Дудников, чистом и просторном, квартировало начальство. И за улицей следили строго, чтобы не болтались посторонние.

А «посторонний» скоро стал приходить к Жене. Небольшого роста, с красивыми серыми глазами. Иногда являлся в рыбацкой одежде. Поговаривали, что он керченский и до войны жил где-то на другом конце города. Но толком о нем никто ничего не знал. Знали только, что это жених Жени, что зовут его Сергей. Подумать только, Женя — невеста!

Соседки ее любили: ведь на глазах выросла, всегда такая послушная, внимательная девчонка. Да и сейчас почти девчонка, только девятнадцать исполнилось.

Женя часто выходила из дому с небольшим чемоданчиком.

— Ты куда, Женечка?

— Пластинки послушать.

— О господи, да какая сейчас музыка!

— Хоть забудемся немного,— отвечала Женя.

Сергей встречал ее на улице, обнимал, и они уходили, не обращая ни на кого внимания.

Они шли или к морю, или в сторону кладбища. И людям было понятно. Сергею и Жене хотелось побыть одним.

* * *

...Женя наливала воду в умывальник. Подошел офицер, высокий и худой. Он жил у них уже целый месяц. Звали его Ганс. Он плохо говорил по-русски. Положив мыльницу, повесив на дерево полотенце, он спросил:

— Ви есть ниевеста?

Женя кивнула.

— Гут, хорошо, нивест есть яблоня.— Он указал на расцветшее дерево. Потом плеснул себе на лицо воды, фыркнул и продолжал: — Как жал, что уезжай и нет на свадьба. Мы есть вперед, форвертс. Наши дела очень гут. Ваша семья есть — хорошо, а плохой — мы будем та-та-та.— Он сделал жест, словно стрелял из автомата.

— Женя...

Она обернулась. У калитки стоял парнишка в большой белой кепке.

— Сережа еще не приходил? — спросил он.— Я хотел с ним посоветоваться: на базаре продают толковые пластинки.

— Ты заходи, сейчас придет...

Это Толя Родягин, Сережкин друг. Соседи прозвали его третий лишний. Ну зачем он все время таскается за женихом и невестой, когда им хочется побыть одним?! Чудак парень!

Может быть, так думал и Ганс, потому что он с усмешкой посмотрел на него...

— Сегодня пойдем на танцы? — спросил Толя.

— Конечно. А вот и Сережка. Сережка, сегодня танцы на привокзальной площади. Идем?

— Спрашиваешь...

Ганс широко улыбнулся.

— Сегодня есть праздник. Сегодня поезд идет Германия. Ваш люди есть работать наш Германия. Сегодня будет музык, будет танцевать...

* * *

...На привокзальной площади оркестр играет вальс. Кричит полицай:

— Через час отправляется эшелон в Германию! Танцевать могут все, кто едет и не едет.

Оркестр играет вальс. Но никто не танцует...

Сергей, Женя и Толя смотрели на людей, которых угоняли в Германию. Никто не танцевал.

— Сегодня большой день! — кричал охрипший полицай.

— Айда отсюда! — сказал Сергей.

Они шли по дороге и пели немецкую песенку «Лили-Марлен».

— Женька, ты не выучила слова! Я же переписал тебе! Ты что, зря в школе учила немецкий?

Сережка был недоволен. Он и на Толю набросился:

— А ты что не поешь?

— Нет у меня ни голоса, ни слуха,— ответил Толя.

И вдруг раздался страшный треск, будто где-то рядом рухнул огромный домина. Они обернулись. Столб пыли стоял над городом. Яркое пламя обожгло небо.

— Вот тебе и на,— спокойно сказал Сергей.

Они не стали возвращаться на вокзал. Навстречу бежали испуганные немцы с автоматами наготове. Женя и Сережа зашли в узкий, тихий переулок. И Сережка сказал:

— Ну, так повторим последний куплет. Начали...

...Дома в большой комнате, немцы говорили возбужденно. Женя догадалась: о сегодняшнем происшествии. Люди прибежали с вокзала, рассказывали: «Пролетел низко самолет; как даст — от состава ничего не осталось, хорошо, людей не успели в вагоны затолкать. Разбежались».

И дома стало просто невозможно. Приходили новые немцы, о чем-то говорили, пахло табачным дымом и сапожной ваксой. Ганс никуда не уехал, он ходил хмурый и не пытался заговаривать с Женей.

— Мама, я на Митридатскую, к Сережке. Если задержусь, не волнуйся.

Мария Ивановна и сама почти не сидела дома. Какой это дом, когда в нем хозяйничают чужие, ненавистные люди! Благо, лето. Можно на улице подольше побыть.

А соседки все с вопросами к Марии Ивановне:

— Женю твою не видать совсем. Поженились они с Сережей?

— Да ведь теперь и не ждут родительского благословения,— отвечала Мария Ивановна.

— Будто другая Женя стала, Мария, ты не замечаешь, что ли? Будто подменили ее. Как-то слышу, песни немецкие поет, а жених да третий лишний ей подпевают. Я часом подумала, не рехнулись

ли они. Какие сейчас песни, да еще по-немецки!

— А что я поделать могу? Я только о Тоне сейчас день и ночь думаю, хочу у наших квартирантов пропуск выпросить да за Тоней съездить.

* * *

...Ночью кто-то чуть слышно постучал в окно к Дудникам. На крыльцо торопливо вышел Денис Филиппович и вернулся вскоре. В комнате было темно, и он на ощупь пробрался к кровати, загремел стул.

— Людей хватают. В домах переворачивают. Будто в склад с боеприпасами попал снаряд. Вот они и бесятся.

— Папа, подойди сюда,— попросила Женя.

— Тише, перестаньте разговаривать: ведь слышно все, господи! — Мария Ивановна вздохнула тяжело.— Отец, я за Тоней поеду. Не знаю, как она там, только бы пропуск достать.

— Мама, там ей лучше, спокойнее,— проговорила Женя.

— Откуда ты знаешь, как ей там? О господи, нет моих больше сил...

— Папа, посиди со мной,— сказала Женя.

Она шептала ему:

— Я переберусь завтра к Сереже совсем; ты с мамой поговори, чтоб не волновалась. Я рано уйду. Ты проводи меня. Я должна буду тебе что-то сказать.

— Спи,— сказал отец и, нагнувшись к ней, поцеловал в щеку.

...День был жаркий и тихий. Небо ясное. Ни облачка. Женщина шла по Садовой дороге, несла в корзинке крупные, сочные помидоры. И вдруг она остановилась, корзина выпала у нее из рук, она вскрикнула растерянно:

— Что это? Что ж это делается?

Возле дома Дудников стояла немецкая машина. Из калитки двое немцев с автоматами вывели Дениса Филипповича; видно, забрали в чем был, рубашка не подпоясана, босой. За ним — Мария Ивановна, бледная, растрепанная. Нина замешкалась, так ее немец прикладом подгоняет. Ах, гады, ах, проклятые, да что ж это делается! А вот и Тоня. Вчера ее Мария Ивановна из деревни привезла... Тоня мялась у машины, видно, места ей не было, так немец схватил за руку, стал заталкивать в машину.

Женщина крикнула:

— Да за что же? За что?

Но нет никого на улице, словно вымерла Садовая дорога. А к вечеру забегали соседи друг к другу. Только и слышно: «За что? Ведь тише, спокойнее не было семьи на Садовой дороге».

К дому Дудников люди и подойти боятся, и снова подъехала машина. Вышли немцы с лопатами, перерыли весь двор, солому всю перебрали и вывезли. И диву люди давались... Да что же случилось? Что?

* * *

Ирина Николаевна Родягина сидела не шевелясь. Стукнула дверь. Это Толя ушел на работу. А она все еще не могла поверить в то, что он ей сказал.

Это было вчера. Толя вошел такой возбужденный и все время ходил по комнате. А потом подошел к ней, сказал:

— Мама, сядь... Я хочу сказать тебе страшную тайну. Меня скоро не будет в Керчи, и ты не волнуйся и не разыскивай меня.— Они долго сидели и говорили, говорили, а Ирина Николаевна ничего не могла понять. Она только повторяла:

— Не может быть, вы же еще дети, дети...

Она вспомнила, как два дня тому назад пришла к ней Женя, сказала:

— Ирина Николаевна, сшейте мне сарафан, такой открытый; жарища страшная,— и улыбнулась, и глаза смотрели спокойно-спокойно...

И вот Толя ушел на работу. И вдруг со страшным скрипом остановилась машина. Немцы. Полиция.

...Перед Ириной Николаевной стояли переводчик, немец и полицай.

— Где ваш муж?

— На фронте.

Сколько ужаса и недоумения увидела она в их глазах!

— Как на фронте?! Анатолий — ваш муж?

— Анатолий — мой сын.

— Где он?

— На работе.

— Он работает на складе,— сказал полицай.

Затопали сапоги, взревел мотор. Уехали. Она не знала, что делать, куда идти. Она побежала к Толе. Он стоял у больших весов, красный, растерянный. Рядом с ним полицейский. Он подбежал к матери.

— Назад! — крикнул полицейский.

Толя успел шепнуть:

— Мама, беги сейчас же к Бобошиным, расскажи, что меня забрали.

Толю увезли. Ирина Николаевна вернулась домой. И через несколько минут приехали из гестапо.

— Где ваш сын?

— Его увезли в полицию.

Она поняла, что сейчас из полиции его повезут в гестапо. И выбежала на улицу. Действительно, минут через десять едет полицейский на велосипеде, а впереди быстро идет Толя.

Толя начал курить, и Ирина Николаевна бранила его. Но сейчас она держала пакет с махоркой и хотела передать ему, но он сделал жест рукой и тихо проговорил:

— Мама, не подходи.

Родягина вернулась домой и только тогда сообразила, что не ходила к Бобошиным. Но было уже поздно. Без пропуска нельзя было пройти в другой квартал. Она не спала всю ночь, ждала утра... А потом пошла на Митридатскую. Домик, где жил Сережа, был во дворе, в глубине двора. Двор огорожен забором. И калитка закрывалась плотно. Она не сразу могла открыть ее, а потом сильно хлопнула калиткой. И остановилась. Во дворе лежал матрац, и на нем под одеялом спали двое. Родягина чуть не вскрикнула от радости. Значит, вернулись Толя и Сережа! Спящий потянулся, сползло одеяло. И она увидела наган. Засада! Родягина бросилась бежать. В тот же день она узнала, что маму Бобошина, Анастасию Ивановну, схватили на работе. И кто бы ни приходил на Митридатскую, спрашивал Сергея, всех хватали, тащили в гестапо.

Сергей

Он услышал, как дверь отворили и шаги замерли в камере, кто-то наклонился над ним и сказал:

— Допрашивать сейчас нельзя: без сознания.

Они ушли, и дверь закрылась за ними.

Сергею казалось, что все это случилось давным-давно и все это случилось не с ним: он не чувствовал своего тела, оно было чужое. Как Женя, что с ней? Он знал, что теперь он не увидит ее никогда... И он так ясно представлял ее: вот она идет к нему навстречу, улыбается...

«Ты выучила новую песню «Лили-Марлен»?»

«Конечно... Что нового, Сережка?»

«В районе Еникале и Бочарного завода немцы готовят десант на Кубань. Танки переправляют самолетами. Наготове большие резиновые лодки. Ты представляешь, в них могут поместиться человек десять, не меньше. Надо сегодня передать нашим. Потому что подготовка закончена, они ждут приказа».

«Ты молодец, Сережка! — восхищенно говорит Женя.— Но я очень волнуюсь за тебя, когда ты уходишь. Помни о своей невесте.— Она улыбается.— Знаешь, Сережка, когда кончится война и у тебя будут жена и дети, в тихие вечера ты будешь рассказывать им, какая была у тебя невеста».

И они идут, взявшись за руки. Солнце, дорога и вдали маленькая полоска моря. Они оглядываются, прежде чем прыгнуть в ров. Никого. Женя разворачивает рацию.

«Спокойно?»

«Порядок полный».

И через некоторое время:

«Ну что?»

«Спрашивают, как у нас с питанием для рации. Нам ведь запасов хватит ненадолго. А переправить сейчас трудно. Просят осветить Камыш-Бурун».

«Это сделаю я».

«Сережка, тебе нельзя, тебе будет трудно».

«А кому сейчас легко? А тебе не трудно? А те, кто в катакомбах, без пищи, без воды? Им не трудно?»

...Как это все могло случиться? Сергей приподнял голову, но тупая, страшная боль заставила его принять прежнее положение. Казалось, все это случилось давным-давно, а не какой-то час тому назад.

...Сегодня он первый день пошел на работу. Не работать стало нельзя. К нему приставал полицай: «Не трудишься, паразит, все пластиночками занимаешься, угоним в Германию».

Он устроился в мастерскую, где чинили керосинки, примусы и зажигалки.

Было около четырех, и он пришел домой в грязном рабочем костюме. Женя ждала его на Митридатской. Он не стал переодеваться. Только сказал ей:

«Пошли».

«Какое сегодня число?» — спросила Женя.

«Седьмое августа».

«А день-то какой чудесный! Ты представляешь, какая в море вода? Как кипяток! Сейчас бы бултых...»

Они вошли на кладбище тихо и торжественно. Из склепа Сергей достал рацию.

«Я начинаю,— как всегда, сказала Женя,— спокойно?»

«Абсолютно».

«Слышимость плохая. Очень плохая слышимость».— И вдруг...

Кто-то положил руку на его плечо. Рука была чужая. Он не мог обернуться, крикнуть. Крепко держали двое. Один из них зажал ему рот. Полицай сказал, кривя губы в усмешке:

— Вот мы и встретились наконец.

Потом он видел, как к ним приближались немцы, полицаи, их было много. А один гестаповец в очках улыбался Жене. Он, не меняя выражения, подошел к ней очень близко и ударил ее так сильно, что она закрыла глаза, качнулась вперед, точно хотела ухватиться за что-то, и упала на землю. Их посадили в разные машины... Он не видел ее больше. Его били всю дорогу и спрашивали:

— Кто был с вами еще? Кто? Родягин?

— Нет, нет, нет,— чуть слышно отвечал Сергей.

Толя

Его привели на большой тюремный двор и сказали:

— Работай...

Перед ним лежала груда вещей — здесь были детские ботинки, шапочки, сапоги, маленькие кофточки и большие мужские рубашки.

— Сортируй,— приказал ему полицай.

Ужас охватил Толю. Это вещи

убитых, быть может, какой-то часдва тому назад эти вещи были на людях, они еще надеялись, они надеялись, что их оставят в живых... И вот...

— Ну, чего ж ты? — спросил полицай. И толкнул его.

— Не буду...

— Не будешь? Ну так получай...

— Не смейте! — крикнул кто-то из арестованных.— Не смейте бить мальчишку!

— А ну, молчать! — заорал полицай и добавил: — Мальчишки, девчонки, а уже знают: точка-тире, тире-точка...

Толя плакал. И не от боли, а оттого, что он видел перед собой вещи убитых и что другие, обреченные, разбирали эти вещи, а потом не станет и этих людей и кого-то заставят перебирать уже их одежду.

Толю увели. Его втолкнули в камеру так, что он ударился головой о стену. Что бы он отдал, если б здесь сейчас были Женя и Сережа!

...Он знал их еще до войны. Сережа уже работал радистом на траулере, а Женя только поступила на рыбный комбинат, а он был просто любитель. Сергей его звал «фанатик». Он разбирался в радио, что и говорить. И сам не знал, почему пошел в ФЗУ учиться на токаря. Он хотел стать радистом и токарем. У него вообще было множество всяких планов.

Всему помешала война. Он знал, что Женя и Сережа в армии. А как-то идет по улице — навстречу парень, точная копия Бобошина. Не может быть!

— Сережка?!

— Он самый. Только спокойно, не выражай восторгов по поводу встречи и не бросайся на меня, как тигра.

— Привет.

— Привет.

И началась прежняя дружба. Они стали почти неразлучны. Он, Сережка и Женя. И они часто приходили к нему в дом.

— Ты знаешь, я ведь работаю на немецком складе,— сказал он, думая, что Сергей осудит его.

А он ответил:

— Это ты здорово придумал.

И однажды Сергей сказал ему как бы невзначай:

— Послушай, ты не сможешь достать батареи, ну, ты понимаешь для чего — питание.

Он ничего не спросил. А просто принес батареи, и все. Потом понадобились запасные части для рации, и он достал и их.

Он догадывался, он думал, что Женя и Сережа помогают кому-то, но чтоб сами...

Они доверились ему. Они так и сказали, что если б не он, они бы не смогли больше выходить в эфир. Они доверились ему. И он был горд и счастлив.

Это он первый принес известие, что эшелон отправляют в Германию. А Женя ответила ему спокойно:

— Он не уйдет, вот увидишь.

И она послала радиограмму на Большую землю, что из Керчи уходит эшелон. И все было рассчитано, сработано точно. Эшелон разбомбили до того, как туда успели погрузить людей.

А потом вместе с Сергеем они узнали, где склады с боеприпасами. И этих складов не стало. Иногда Сергей днями болтался на станции. Он знал, какие составы приходят, какие уходят. Тот эшелон, который следовал до Севастополя, не дошел до места назначения. Поезд вез морские мины. Женя вовремя сообщила об этом.

Но работать становилось все труднее. Молодежь угоняли в Германию. Уже трудно было уйти от мобилизации.

После работы Толя бежал на Митридатскую. Как всегда, Сергей заводил пластинки. Патефон был старый и охрипший, пластинки — стертые, иголка — сто раз точенная на бруске. Патефон не выключали в тот раз. Сергей говорил ему:

— Слушай внимательно... Через два дня мы уже не будем в Керчи. Ты уедешь с нами. За нами должны выслать самолет. Будем ждать — нам должны сообщить пароль и место посадки. Предупреди маму, чтоб она не волновалась и не разыскивала тебя.

Как он был счастлив тогда. Скоро он будет на Большой земле!..

И вот он теперь здесь, в маленькой, сырой, вонючей камере. Как Женя, Сережа? Успела их предупредить мама? Но их, наверное, схватили раньше...

Женя

Три гестаповца смотрели на нее в упор. Тот, кто допрашивал, говорил по-русски.

Он говорил медленно и членораздельно:

— Послушайте, ведь вас поймали с поличным, и сколько бы вы ни отпирались, вас все равно расстреляют. А вы или врете, или молчите. Я говорил и повторяю: единственная возможность выжить — это помочь нам.

Толстый, грузный немец с погонами полковника согласно качнул головой.

— Мы не собираемся подвергать вашу жизнь опасности. От вас требуются сущие пустяки. Вы будете передавать по рации то, что мы скажем, и под нашим контролем. Поработайте несколько месяцев, и от вас больше ничего не требуется.

Женя молчала.

— Немецкая власть — гуманная власть, мы даем вам время подумать. Через несколько часов мы встретимся опять.

— Уведите... Минуточку, я забыл сообщить вам, что здесь уже все ваши родные. О, я вижу, вы вздрогнули... Да, да, отец, мать и две сестры. Младшую ваша мать только что привезла из деревни. Как видите, мы даже знаем такие подробности... Я не завидую их судьбе, если вы окажетесь жестокой дочерью.

— Уведите...

...Она не доставала рукой до решетки. Солнце не проникало в камеру. Сесть было не на что. Она стояла, приткнувшись к стенке. Если б рядом был отец, он сказал бы ей: «Мы все вытерпим, молчи». А мама, Нина, Тоня? При мысли, что их будут мучить, она похолодела. Но что она может сделать?.. «Мама, мама, прости». Она вспомнила, как две недели тому назад она прибежала домой, обняла мать, закружила ее по комнате.

— Ты что, ты что, доченька?..

— Ничего, мама, просто сегодня погода чудесная и мы с Сережкой пробрались к морю и выкупались.

— Не ходи к морю, там же огорожено, там и хлам навален, чтоб люди не ходили. И потом, Женя, что-то ты веселая слишком, вот и люди говорят, переменилась ты, песни немецкие поешь...

— Эх, мама, мама...— Она ушла. Ей так хотелось рассказать ей, что сегодня они получили радиограмму с Большой земли: «За хорошую работу представлены к награде».

Незадолго до этого она сказала Сереже:

— Нет сил больше. И море не твое, и солнце не твое, и все не твое.

А он ей:

— Не смей так говорить: и солнце и море наше. И фрицы в наших руках.

Они знали почти все, что делается в Керчи. Где размещены войска, какое прибыло пополнение, как укреплено побережье, расположение блиндажей, где готовится десант, какие самолеты, аэродромы.

И все это было передано на Большую землю. Они потрудились неплохо... За два месяца работы передали больше восьмидесяти радиограмм. Но самая дорогая и ценная радиограмма ушла на Большую землю совсем недавно.

«...Просим принять нас в члены партии, будем держаться до конца, выполним любое задание».

А в тот день все было как обычно. Они спокойно дошли до кладбища. Оглянулись. Никого. Они развернули рацию. И только начали прием...

— Женька, что с тобой, говори, Женька...

— Нас приняли, Сережка, документы оформят при встрече.

Они сказали друг другу тихо:

— Поздравляю.

— Поздравляю.

Они обнялись. И сидели молча, не шевелясь.

А потом она была такая веселая. Она шла по дороге, смеялась и говорила:

— И солнце мое, и море мое, и я ничего не боюсь.

День был светлый и радостный... Они не подозревали тогда, что за ними уже охотятся десятки гестаповцев.

* * *

— Вы решили?

На нее снова смотрят три немца.

Она молчала.

— Мне надоела эта комедия. Вы будете говорить? Всю вашу родню расстреляют. И вы в ответе за всех.

— Нет, это вы в ответе за всех.

Он встал и подошел к ней близко. Лицо его расплывалось в улыбке. «Почему он улыбается, перед тем как ударить?»

— Комсомолка?! — Она не поняла, спрашивает ли он или прямо бросает как обвинение. Ей хотелось крикнуть: «Я коммунистка!» — но она не успела. Он ударил ее, и она упала вместе со стулом. Он бил ее и что-то кричал по-немецки.

Потом ее потащили к двери и прищемили пальцы. Она потеряла сознание. Очнулась. Вода стекала по ее лицу и одежде. Ее снова потащили, и она увидела большую комнату, ее толкнули, и она летела долго по хорошо натертому полу; навстречу рвались с поводков собаки. Она уже не чувствовала ни боли, ни страха. И только одна мысль работала ясно и четко: скорее бы все это кончилось. Пусть ее убьют или ударят так, чтобы она снова потеряла сознание.

...Она лежала на голом каменном полу в сарафане. В том самом сарафане, который недавно ей сшила Ирина Николаевна. Ей был нужен именно такой, открытый, потому что на улице была жарища... Здесь холодно. Она не может поднять головы. Наверное, и сказать она ничего не может. Она только знает: это конец. Она больше не увидит никого из своих. Она только помнит, как ей кричали: их расстреляют, расстреляют, расстреляют. Вас всех расстреляют. Она хотела сказать им, что у нее еще два брата на фронте, но она уже тогда не могла говорить. Только бы увидеть всех своих перед смертью, только бы увидеть. Она беспомощно лежала на голом каменном полу, солнце не доходило сюда. Женя знала: это конец. Она закрыла глаза. И вдруг она увидела свой дом, и будто она, Тоня и Нина выбегают из него и бегут к морю, и они хорошо видят море, но оно все дальше и дальше. А маму она не видит, но будто она рядом, она кричит и смеется радостно: «Скорее, скорее возвращайтесь, ведь сегодня дома собрались все».

...Это было 27 августа 1942 года. У тюрьмы толпа. Люди принесли передачу. Стояли в очереди к окошку.

— Бобошину сыну или матери.

Полицай ответил:

— Нет, вычеркнуты из списка.

— Дудник.

— Отходите, следующий.

— Их много, их целая семья, кому-нибудь.

— Нет их никого, вычеркнуты из списка, нет никого.

Родягина не могла стоять, силы оставляли ее. Она держалась одной рукой за стенку и так приблизилась к окну.

— Родягину Анатолию,— тихо сказала она,— вчера я приносила, вы приняли.

— Значит, вчера ему обед был нужен, а сегодня ни к чему.

— Да как же так, я вчера приносила, мне пустую посуду передали, и он расписался, что получил.

— Отходите, отходите, следующий. Вычеркнут из списка.

Родягина не знала, куда она шла и зачем. Навстречу тяжело и медленно двигались грузовики. Навстречу шли люди и смотрели на нее. А она говорила, говорила одно и то же: «Не может быть. Они ведь совсем дети, они ведь и жизни не знали. Их не могли расстрелять, не имели права. Они живые, живые, живые»...

ПОЭЗИЯ СТЕКЛА

Надежда СВЕТЛОВА

Поздней осенью этого года в Москве впервые была организована выставка витража — картин из стекла. В ней участвовали только литовские художники. Это они, сохраняя давние традиции поэтического витражного искусства, сделали его современным, каким-то удивительно радостным.

Кончился срок выставки. Но его продлили: слишком много было желающих посмотреть красивую экспозицию. Автор ее — архитектор А. Пурис — гармонично и занимательно расположил и преподнес зрителям витражи. И все оформление убедительно доказывало, что этот вид монументального искусства органично сливается с современной архитектурой. И те, перед чьими глазами предстала эта выставка, стали яростными поклонниками витражного искусства и убежденными пропагандистами витража в архитектуре. А сами архитекторы? Могли ли они не помечтать у светящихся, разноцветных, декоративных произведений литовских художников? Рисовало ли их воображение здания, где огромные оконные проемы заполнены витражами; помещение залито мягким меняющимся светом, что в сочетании с рисунком на стекле создает то торжественное, то лирическое, то просто радостное настроение?

Возможно. Во всяком случае, в обсуждении выставки приняли самое живейшее участие архитекторы — они хвалили литовских художников.

А в книге отзывов — этой своеобразной поэме, воспевающей витражное искусство,— инженер-подполковник Храпов записал по-военному точно сформулированную, весьма поэтическую мысль: «Впервые увидел настоящий витраж. Удивлен, почему этот современный вид искусства отсутствует вокруг нас в нашей жизни. Отныне буду смотреть на все стены и представлять, какой витраж можно здесь поместить».

Итак, не только профессионалам, но и людям других специальностей, чувствующим и ценящим красивое в жизни, хочется видеть витражи там, где они будут служить народу.

Почему до сих пор наши новые здания не украшают витражи? Может быть, художники выполняют экзерсисы и не думают о жизненном применении своего искусства?

Как же обстоит дело в творческом центре, там, где мастера создают эти красивые рисунки из стекла, там, где готовят молодых художников-монументалистов?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, надо было побывать в студии витража, в Государственном художественном институте Литовской ССР в городе Вильнюсе.

Отведено этой студии не очень много места. Но, видно, монументалисты — народ покладистый: дружно уживаются они в небольших трех комнатках, за одним монтажным столом, у нескольких маленьких настольных печей для обжига. И если, так сказать, материальная часть не производит большого впечатления, то ее с лихвой восполняет духовная жизнь студии.

Действительно, восполняет, потому что только благодаря своей выдумке и энтузиазму преподаватели и студийцы имеют стекла разных цветов, находят совершенно новые формы построения витража.

Умение соединить воедино витраж и архитектуру воспитывают художники-мастера у студентов. Альгимантас Стошкус, руководитель студии, Казис Моркунас в своих произведениях сами ищут наиболее современное решение и по форме, отказываясь от классического прямоугольного расчленения витражей, и по темам.

При нынешней технике можно заполнять витражом не только окна или двери, но и создавать целые стены, используя его как строительный материал,— вот этой важной индустриальной проблемой и занимается сейчас студия.

Отшумели и ушли из нашей архитектуры пилястры, колонны, наличники, лепнина, в которые пышно рядили и фасады и интерьеры домов. На смену пришло рациональное решение, разумные формы. Это значит, что все элементы архитектуры должны быть полезны, должны быть, как говорят, строящими. Ясные пропорции, большие плоскости, стекло — все это присуще современным архитектурным композициям и служит хорошей основой для монументального искусства — стенных росписей, витража.

— Конечно, витражи не должны быть в архитектуре цитатой из чужого произведения,— говорит Стошкус.— Только когда архитектор, задумывая здание, одновременно находит и его декоративное решение, тогда витраж не будет выглядеть заплатой.

А сейчас бывает, построят дом — скучный получился — и скорей за помощью к художникам-монументалистам: помогите сделать сооружение более веселым, понаряднее. Вот тут и получается оформление случайным, с чужого плеча. Да и обходится такое принаряживание много дороже.

Диапазон применения витража велик. В Домах культуры, зданиях выставок, дворцах бракосочетания, клубах, ресторанах, кафе витраж, его рисунок, его цветовая композиция дополняют художественный образ здания, подчеркивают его характер.

А как техническая сторона дела? Внушает оптимизм одна из записей в той же книге отзывов на выставке литовского витража: «...если нужно будет, если художники и народ потребуют, инженеры и химики обеспечат дешевое массовое воспроизведение лучших образцов витражного искусства в любом тираже. Инженер-химик».

Это утверждение товарища инженера свидетельствует, что витражи могут украшать не только специально запроектированные здания, но и дома, построенные по типовым проектам.

Итак, художники-витражисты всерьез, творчески готовы принять участие в создании прекрасных зданий нашей эпохи.

Дело за архитекторами.

ДУМАЯ О ПОТОМКАХ

Ю. ПОЛКОВНИКОВ

СПАСЕННЫЕ

Под бичом эрозии

На моего спутника Фрида Гасановича Кисриева, директора Дагестанского научно - исследовательского института сельского хозяйства, красота горной дороги не производила как будто никакого впечатления. Он спокойно покуривал из костяного мундштука. Но вдруг он заговорил со сдержанной взволнованностью человека, представляющего гостю свой родной край:

— На первый взгляд горы кажутся символом вечности. Тысячи лет стоят эти окаменевшие всплески земной коры, похожие то на несокрушимые сказочные зáмки, то на доисторических чудовищ, которые вытянули заиндевевшие носы, обнюхивая проплывающие мимо облака. И все же горы стареют, как и люди. Они тверды, но это твердость крошащегося гранита и рассыпающейся земли. Взгляните вон на тот склон.

Мы вышли из машины, чтобы получше рассмотреть уходивший вниз от дороги крутой откос. Он весь казался источенным гигантскими червями: повсюду виднелись трещины, зазубрины, выбоины. Среди островков выгоревшей травы торчали каменные гребни, словно сквозь тонкую, худосочную кору проступал скелет погребенного в земле гигантского мамонта.

— Вот вам пример преждевременного старения горы, вызванного эрозией,— сказал Фрид Гасанович.— Эрозия приобретает зловещую разрушительную силу во время ливневых дождей. Горные потоки, насыщенные камнями и землей,— так называемые сели — несутся вниз со скоростью курьерского поезда. Они сметают все на своем пути, выворачивают глыбы весом в несколько сотен тонн. Нетрудно представить себе, что делается в это время с почвой: сель, словно ножом, срезает со склонов гор один пласт земли за другим. И на месте пышных, зеленых пастбищ образуется бросовая пустошь. Горы заболевают бесплодием, покрываются сухими язвами оврагов и ложбин. От эрозии и селевых потоков серьезно пострадала почти половина территории горного Дагестана.

Живые плотины

Сохранение и восстановление природы — важнейшая народнохозяйственная задача. Ведь горы — это великолепные альпийские луга для многомиллионных овечьих отар, это прекрасные плантации для садов и виноградников. Южный Дагестан — самый солнечный край на всем Кавказе. Здесь-то и надо заставить природу отдать человеку все ее дары.

Как же предотвратить эрозию и селевые извержения?

Чаще всего в таких случаях прибегают к устройству террас, на которых высаживают злаки и плодовые деревья. Однако террасовое земледелие выгодно там, где склоны покатые, где их легко расчленить на широкие складки, поднимающиеся друг над другом, подобно ступеням гигантской лестницы. На крутых склонах дагестанских гор создавать такие ступени сложно и дорого: подсчитано, что для устройства одного гектара террас нужно вынуть около 10 тысяч кубических метров земли. Яблоки, выращенные на таких искусственных полях, были бы золотыми не только по цвету, но и по стоимости. К тому же эрозия полностью не устраняется: нижние горизонты земли при устройстве террас обнажаются, и во время ливней происходит, так сказать, эрозия исподтишка — грунт незаметно, потихоньку смывается водой.

Где же выход? Выход нашел мой спутник Фрид Гасанович Кисриев. Он разработал остроумный способ, с помощью которого можно без больших затрат победить эрозию и превратить Дагестан в цветущий сад. В Ахтынском районе, куда мы с ним направлялись, находился опытный участок ученого. Там его метод получил путевку в жизнь.

Село Ахты лежит в долине ре-

Александр ОЙСЛЕНДЕР

ки Самур. Сплошные яблоневые плантации, которые потом переходят в персиковые, грушевые, сливовые сады. Такого обилия плодов на деревьях мне не приходилось встречать. Возле одной яблони мы остановились. Это был великолепный местный экземпляр — ахтынский ранет. Высота дерева превышала два человеческих роста. Могучие, круто изогнутые ветви свисали до самой земли. Мы обошли его кругом — 64 метра составляла окружность кроны. Две тонны яблок за сезон — такова обычная производительность этого гиганта.

Но самое интересное — именно здесь сады начали наступление на бесплодные горные склоны.

Еще издали увидели мы на горе низкорослые посадки. Словно бойцы, занимающие новый рубеж, они припали к земле, приготовившись сделать решающий бросок

ГОРЫ

Фото П. Перинова.

вперед. Это и была опытная делянка Фрида Гасановича.

В своих научных исследованиях Кисриев шел от наблюдений за самой природой. Где чаще всего образуются мощные селевые потоки? Там, где нет леса, где гора крутая и гладкая, как куриное яйцо. Значит, человек, хозяин и друг природы, должен прежде всего позаботиться о зеленом убранстве гор, о создании на их склонах лесных плотин. Лес своей живой плотью станет на пути селевых потоков, цепкими корнями задержит живые соки земли, стекающие с водой в долины. Но не так-то просто заставить деревья жить в условиях исключительной почвенной и воздушной засухи. В Южном Дагестане выпадает в год всего 340 мм осадков, из них 300 мм стекает, не задерживаясь в почве.

Сель в ловушке

Фрид Гасанович придумал оригинальную ловушку для удержания и сохранения влаги. Когда мы подошли к опытной делянке, я увидел, что деревья высажены в шахматном порядке в чашеобразные углубления, обложенные камнями. Приствольные чаши, метра полтора в диаметре, имели с нижней стороны земляные барьеры для задержки воды. Чаши соединялись между собой бороздами глубиной в один штык лопаты. Борозды начинались сразу за земляным валиком и шли наискось по склону, впадая прямо в низлежащую приствольную чашу. Эти борозды и обуздывают бешеные сели. Водный поток на таком склоне лишается ударного, разрушительного единства своих сил: они рассредоточиваются в густой сети мелких канавок. Вместо стремительного неистового каменного водопада — неторопливо мирное журчание сотни ручейков, вместо бессмысленного разрушения почвы — животворное орошение плодовых деревьев. Эти борозды так и называются — струенаправляющими: вся влага, выпадающая на склон, направляется по самому верному адресу — к корням саженцев.

Но вот ветер разогнал тучи, пролившиеся дождем, и с синего неба снова забило ослепительно яркое южное солнце. В воздухе разлился белый палящий зной. Солнечные лучи, словно бесчисленные поршни гигантского насоса, откачивают влагу с поверхности земли. Как же задержать ее подольше в почве? Очень просто: надо прикрыть землю камнями. Они под рукой — горы покрыты ими, как рыба чешуей. Вот почему приствольные чаши и выкладываются щебенкой. Вода просачивается сквозь камни и спасается за ними от притязаний жаркого солнца.

Камни орошают сады

Камни, оказывается, не только сберегают воду, но и сами добывают ее из воздуха. Отверните булыжник в самый сухой, жаркий день — вы увидите, что почва под ним сырая. Камень — опытный притвора. В то время, как его лицевая сторона накаляется солнцем, тыльная остается холодной. Горячий воздух, обтекая камень, неожиданно наталкивается на холодную преграду и оставляет на месте столкновения влагу. Это всем знакомое явление — превращение теплого воздуха в пар в холодной среде. И чем жарче день, чем ослепительнее манящая улыбка коварного камня, тем больше его добыча, тем больше влаги забирает он из воздуха.

Таким образом, растения не только не теряют ту скупую порцию дождя, которую отпускает им природа, но и увеличивают свой питьевой паек за счет «каменной воды».

— Конечно,— улыбаясь, говорит Фрид Гасанович,— если бы наши яблони, груши, персики, сливы, орехи были живыми существами и имели голос, они ворчали бы и брюзжали. Ведь воды все-таки маловато. В этом году засуха в Ахтах свирепствовала с невиданной силой. Однако наши зеленые бойцы устояли, не дрогнули. Теперь мы можем твердо сказать: успех наступления на горные склоны гарантирован. Учтите, что Южный Дагестан — самый жаркий район в республике. И если здесь мы успешно подняли на склоны 60 тысяч деревьев, то в других районах это преобразование земли, создание красоты на ней может происходить еще успешнее. Вспомните, что говорится в Программе нашей партии: «Большое внимание будет уделено охране и рациональному использованию лесных, водных и других природных богатств, их восстановлению и умножению». Важно зажечь этой идеей сердца всех людей, особенно молодежи. Нам, например, очень охотно помогают ученики средней ахтынской школы № 1. Для них это — большое, прекрасное дело. И они по-настоящему счастливы, начав его на заре своей жизни, чтобы увидеть потом и завершение — превращение всей нашей необъятной страны в цветущий сад.

10 лет прошло с тех пор, как на склонах горы Шарвели создана первая живая лесная плотина. Но на этом нельзя останавливаться. Подвиг зеленых героев Кисриева должен быть продолжен. 60 тысяч саженцев в Ахтынских горах — это еще только подступы к большому всесоюзному опыту, заглавный лист в новой географии страны. Горы Дагестана и других краев ждут созидательного прикосновения человеческих рук.

Это было когда-то со мною
Или снилось мне годы подряд,
Будто вновь я иду стороною
Корабельной
В учебный отряд.

Знаменитой иду стороною
В новой робе,
В матросском строю,
Вьются ленты мои за
спиною,
И, конечно, я песню пою.

Так пою,
Что вокруг подпевает
И земля, и листва тополей,
И в булыге крутой мостовая,
И на рейде броня кораблей.

Я не знаю,
Куда мне деваться
От девчонки семнадцати лет,
Что, боясь хоть на миг
оторваться,
Смотрит пристально, смотрит
вослед.

Замирая от этого взгляда,
Бьется сердце все глуше
в груди.
Ну, а мне только двадцать,
ребята,
Только двадцать —
И все впереди,
Что когда-нибудь будет со
мною.
А пока
Я в учебный отряд
Корабельной иду стороною.
Вьются ленты, плеща
за спиною,
И, как золото, бляхи горят.

Раздается знакомое:
— Шире,
Шире шаг,
веселее гляди!
С вечной дудкой,
Приросшей к груди,
Где вы нынче, друзья-
командиры?

Наступая в огне и дыму,
Сколько раз
Говорил я «спасибо»
Вам, суровым и правильным,—
Ибо
Вы меня научили всему!

ШЕКСПИР И СОВЕТС

Академик И. М. МАЙСКИЙ

Из воспоминаний

В конце марта 1926 года в наше лондонское полпредство пришло письмо, которое вызвало совершенно неожиданную, как теперь сказали бы, цепную реакцию. В письме находилось приглашение от Шекспировского клуба в Стратфорде-на-Эйвоне принять участие в торжественном праздновании дня рождения великого драматурга 23 апреля. Полпреда в тот момент в Англии не было (он уехал в командировку в Москву), я замещал его в качестве временного поверенного в делах, и, получив это приглашение, я сразу же ответил, что полпредство его принимает с большим удовольствием. Но оказалось, что послать такое письмо в Стратфорд-на-Эйвоне было все равно, что засунуть руку в осиное гнездо...

Стратфорд-на-Эйвоне в те дни был маленький, тихий городок Средней Англии с населением около пятнадцати тысяч человек. Жил он исключительно памятью Шекспира. Доходы получал от туристов, от шекспировских празднеств, от продажи книг, гравюр, открыток, посвященных великому писателю. Все респектабельные люди городка входили в состав Шекспировского клуба, который существовал что-то свыше двухсот лет. Именно этот клуб ежегодно 23 апреля устраивал торжества, на которых, по установившейся традиции, дипломатические представители всех стран, с которыми Англия поддерживала нормальные отношения, подымали свои национальные флаги, для чего на главной площади Стратфорда на один день воздвигались специальные мачты. Политические настроения городка были традиционно-консервативные, а в описываемое время сугубо антисоветские. Когда в России пал царизм, Шекспировский клуб оказался в затруднении: старый русский флаг теперь нельзя было поднимать, а нового, советского флага он не хотел признавать. Результат был тот, что в течение нескольких лет на шекспировском торжестве флаг нашей страны вообще не появлялся. Однако в 1926 году в истории Шекспировского клуба произошел несчастный случай: канцелярист, который рассылал приглашения иностранным посольствам, был мало сведущ в высокой политике и отнесся к своей задаче чисто механически. Поскольку наше полпредство было включено в официальный дипломатический лист, выпускаемый Форейн офисом (английским МИД), канцелярист отправил приглашение и нам. Произошла «роковая ошибка», и вот теперь, после получения моего ответного письма, Шекспировскому клубу надо было решить: что же делать?

В Стратфорде-на-Эйвоне поднялась страшная буря, во главе которой оказалась весьма энергичная и темпераментная амазонка — жена местного священника миссис Элеонора Мелвилл. Был созван митинг протеста против допущения советских представителей на торжество. Была организована петиция за подписью 2 тысяч самых почтенных граждан с просьбой, обращенной к высшим властям, воспрепятствовать подъему советского флага в Стратфорде-на-Эйвоне. Вся атмосфера в городке постепенно дошла до точки кипения, и затем последовали действия Шекспировского клуба и стратфордского муниципалитета (персонально они почти полностью совмещались), которые свидетельствовали об их крайней враждебности к СССР и вместе с тем об их крайней растерянности.

В начале апреля я получил телеграмму от мэра Стратфорда и председателя Шекспировского клуба (это было одно и то же лицо) с просьбой о личном свидании. Я ответил согласием. В назначенный день и час в стенах полпредства оказались мэр и его заместитель. Они долго и на разные лады заверяли меня, что были бы счастливы приветствовать советских представителей в своем городе, но очень боятся, что 23 апреля, когда в Стратфорде собирается много народу, среди присутствующих могут оказаться буйные люди, не поддающиеся контролю... Как бы не вышло каких-либо нежелательных инцидентов... Не лучше ли полпредству воздержаться от посылки своей делегации и поднятия своего флага?..

Я ответил, что в жизни мне приходилось не раз бывать в трудных обстоятельствах, но это меня никогда не смущало, что возможность каких-либо инцидентов на шекспировском торжестве кажется мне маловероятной и что, если такие инциденты даже произойдут, я сумею найти выход из положения. В заключение я сказал:

— Вы хозяева, мы гости. Вы прислали нам приглашение, и мы ответили на него согласием. Если вы возьмете назад свое приглашение, мы, конечно, к вам не поедем.

На лицах моих собеседников изобразился ужас.

— Как? Взять приглашение назад?! — воскликнул мэр.— Нет, это невозможно! За все двести лет существования Шекспировского клуба не было такого прецедента!

— Ну, если вы не можете взять назад свое приглашение,— ответил я,— мы тоже не можем взять назад свое согласие на приглашение. Итак, ждите нас в Стратфорде-на-Эйвоне 23 апреля.

Несколько дней спустя я был приглашен в Форейн оффис. Это меня крайне удивило. Хотя в феврале 1924 года первое лейбористское правительство Макдональда установило с СССР дипломатические отношения, однако сменившее его через девять месяцев «твердолобое» правительство Болдуина считало это большой ошибкой. Не решаясь еще разорвать отношения с нашей страной (разрыв состоялся лишь в 1927 году), оно стало фактически бойкотировать Советское государство. Так, например, в Лондоне Форейн оффис совершенно игнорировал советское полпредство, его представители не посещали наших приемов, не встречали и не провожали, как положено по этикету, советского посла, когда он приезжал или уезжал, и т. п. Деловых контактов между нами и чиновниками Форейн оффиса также не было. Легко понять поэтому мое изумление, когда меня попросили прибыть в министерство иностранных дел. Не помню, кто именно меня принимал, но зато хорошо помню, что речь шла о нашем намерении отправиться в Стратфорд. Вот какую важность придавало правительство этому вопросу!

Мой министерский собеседник сразу же стал стращать меня возможностью неприятных инцидентов примерно в том же духе, что и председатель Шекспировского клуба. Он особенно подчеркивал, что всякий подобный инцидент способен лишь осложнить отношения между обеими странами. Я возражал примерно так же, как в разговоре с председателем клуба, и под конец прибавил:

— Я совершенно уверен, что британское правительство вполне способно поддерживать полный порядок на своей территории...

Тут я остановился на мгновение и, выразительно глядя на моего собеседника, закончил:

— ...если, конечно, оно этого желает.

Чиновник министерства был несколько смущен и поспешил меня заверить, что будут приняты все необходимые меры.

Я сообщил в Москву о своем разговоре в Форейн оффисе и получил одобрение моей линии поведения.

В середине апреля вся эта история просочилась в печать. Началась полемика на страницах газет. Консерваторы поддерживали Шекспировский клуб, либералы и лейбористы осуждали его позицию. В политических и общественных кругах пошли всевозможные толки и слухи. Говорили, что 23 апреля в Стратфорде-на-Эйвоне произойдут беспорядки, что советский флаг будет сорван, что лично на меня будет совершено нападение и т. п. Газетная шумиха имела неожиданный для ее инициаторов результат: рабочие Бирмингама, расположенного близко от родины Шекспира, устроили большой митинг и на нем постановили явиться 23 апреля в Стратфорд, чтобы защищать советский флаг и советскую делегацию от каких-либо покушений. Дело начинало принимать слишком серьезный оборот, и министерство внутренних дел оказалось вынужденным принять надлежащие меры: в Стратфорд-на-Эйвоне ко дню торжества были посланы летучие отряды Скотланд-Ярда.

Наконец наступил день торжества. Накануне работник нашего полпредства Ешуков отвез в Стратфорд-на-Эйвоне советский флаг огромных размеров из великолепного красного шелка, специально заказанный нами для этой цели. Флаг в свернутом виде должен был быть укреплен на вершине нашей мачты, и в положенный момент советской делегации достаточно было лишь дернуть за шнур, чтобы флаг раскрылся. Ешуков отвез также красивый венок из фиалок, сирени, роз и глициний, который наша делегация должна была возложить на могилу Шекспира. На венке по-английски было написано: «В знак любви и уважения от народов Союза Советских Социалистических Республик величайшему поэту и литературному гению всего мира».

Утром 23 апреля наша делегация тронулась в путь. Она состояла из четырех человек: меня, моей жены А. А. Майской, поэта Н. М. Минского, находившегося тогда в Лондоне, и еще одного сотрудника полпредства. На вокзале в Стратфорде-на-Эйвоне приехавших дипломатов встречали представители Шекспировского клуба, рассаживали их по машинам и отправляли на главную площадь, где уже стояли мачты со свернутыми флагами. Около нашей делегации встречающие особенно суетились, но были все время крайне любезны и предусмотрительны.

Здесь между мной и моей женой произошел маленький разговор, последствий которого ни она, ни я тогда не могли предвидеть. В руках у жены был небольшой чемоданчик, в котором лежали зеркальце, гребешок, духи и другие дамские принадлежности. Я предложил жене оставить чемоданчик на вокзале в камере хранения. Жена, однако, со мной не согласилась. Тогда я взял чемоданчик из ее рук и понес сам.

Машина Шекспировского клуба доставила нас к месту торжества. Свыше полусотни мачт стояли длинной цепочкой вдоль главной площади городка. Наша мачта была последней в ряду и выходила на прилегающий к главной площади базар. Тысячи людей теснились по обеим сторонам площади, сотни людей высовывались из окон домов. Никогда еще в Стратфорде не было такого скопления публики, но нигде не раздавалось ни звука. В этой кричащей тишине, нарушаемой только щелканьем фотоаппаратов, под психологическим обстрелом со стороны наших недругов советская делегация в сопровождении одного из устроителей медленно прошла вдоль всей главной площади и остановилась около своей мачты.

КИЙ ФЛАГ

Внезапно какая-то женщина подбежала к нам и подала красивый букет моей жене. Мы подумали сначала, что это продавщица цветов, и жена даже полезла в сумочку за деньгами. Но женщина протестующе замахала руками и воскликнула:

— Нет, нет! Это вам подарок из шекспировского сада.

В наших сердцах сразу поднялась теплая волна. Очевидно, не все тут наши враги, есть и друзья!

Мы стали оглядываться, осматриваться. На базаре было много народу, но эти люди как-то отличались от всех других — и по костюму, и по выражению лиц, и по поведению. На их головах были не шляпы, а кепки. И вдруг... люди на базаре дружески закивали нам головами, стали улыбаться, приветственно поднимать кепки. То были рабочие из соседнего Бирмингама. Они сдержали свое обещание и явились на шекспировский праздник, чтобы охранять советский флаг и советскую делегацию.

Ровно в 12 часов дня раздался громкий звук фанфар — сигнал для официального открытия торжества. Наступил момент поднятия флагов. Наша делегация поручила сделать это А. А. Майской. Она сильно дернула за шнур, и впервые в истории Стратфорда-на-Эйвоне, впервые в истории бесчисленных шекспировских годовщин огромное красное знамя с серпом и молотом, знамя единственного тогда социалистического государства гордо развернулось в воздухе и затрепетало на легком ветерке...

В тот же момент раздались аплодисменты: то подали свой голос бирмингамские рабочие. Наше настроение поднялось еще выше.

Потом все дипломатические делегации выстроились в длинную процессию и под главенством хозяев города отправились на осмотр дома XVI века, где родился Шекспир. Когда мы уходили, цепочка бирмингамских рабочих окружила нашу мачту и стала на караул. В течение всего дня группы рабочих посменно дежурили около советского флага, охраняя его от каких-либо покушений со стороны реакции и хулиганов.

Из дома Шекспира дипломатическая процессия прошла в церковь, где находится могила великого драматурга. По дороге мы захватили наш венок, привезенный накануне, и на могиле вручили его настоятелю церкви... Мелвиллу, тому самому Мелвиллу, жена которого руководила всей антисоветской кампанией в Стратфорде-на-Эйвоне. Мелвилл принял от нас венок и положил его на могилу, но лицо священника при этом напоминало лицо окаменевшего дракона.

Далее все участники торжества отправились на большой официальный ленч, устроенный хозяевами города в здании муниципалитета. Присутствовали дипломаты, писатели, художники, музыканты, артисты, а также нотабли Стратфорда-на-Эйвоне—всего человек 300—400. Перед началом ленча я предупредил председателя, что хочу сказать несколько слов. Когда с едой было покончено, начались речи. Сначала выступил оратор от англичан, за ним пошли дипломаты. Они говорили в порядке очереди по чинам: посол раньше посланника, посланник раньше поверенного в делах, поверенный в делах раньше советника и т. д. Я сидел и внимательно следил за прохождением дипломатических ораторов: вот уже выступили все присутствовавшие послы и посланники, вот уже прошли все поверенные в делах (среди которых мне должно было бы быть предоставлено слово), а председатель все еще не называл моего имени. Тут явно крылась какая-то антисоветская интрига. Я послал председателю записку: «Напоминаю, что я просил слова». Я видел, как моя записка дошла до председателя, как он ее прочитал, как торопливо совещался со своими соседями, и все-таки меня не вызывал. Затем слово было предоставлено советникам, потом начали выступать первые секретари... Тогда я послал вторую записку: «Решительно протестую против ваших маневров, прошу немедленно предоставить мне слово». Когда эта записка дошла до председателя, в президиуме произошла новая и, судя по жестикуляции участников, видимо, еще более горячая консультация. Потом председатель поднялся и с видом человека, который бросается в полынью, наконец назвал мое имя.

В зале раздались аплодисменты и одновременно свистки. Мне показалось, что аудитория по своим симпатиям делилась примерно половина на половину. Я выждал, пока все успокоились, и начал свою речь. Я говорил о том, какой большой популярностью Шекспир пользуется в СССР, как часто его пьесы ставятся в наших театрах и как я рад представившейся мне возможности выразить здесь от имени моего народа чувства любви и уважения к великому гению всех времен и народов.

Несмотря на сдержанность речи, шум и враждебные выкрики продолжались. Временами я вынужден был останавливаться и пережидать, пока улягутся страсти. Когда я кончил, опять половина зала выражала одобрение, а половина свистела и кричала.

После ленча к нам подошел председатель Шекспировского клуба и с самой любезной улыбкой на устах спросил, не хотим ли мы ознакомиться с достопримечательностями Стратфорда-на-Эйвоне и его окрестностей, в частности осмотреть руины знаменитого замка Кенильворт, воспетого Вальтером Скоттом в одном из его романов. Мы согласились. Подали машину, и мы поехали. Нас сопровождал гид и еще какой-то мужчина средних лет, севший рядом с шофером (впоследствии выяснилось, что это был начальник местной полиции).

Флаги наций на шекспировской годовщине в Стратфорде-на-Эйвоне.

Под советским флагом в Стратфорде. И. М. Майский (второй справа) с сотрудниками советского полпредства. Снимок из журнала «График» — май 1926 года.

Около часа мы наслаждались чудесными пейзажами этой части Англии, посмотрели Кенильворт, а затем подъехали к какой-то маленькой железнодорожной станции. Здесь мужчина, сидевший с шофером, нам сказал:

— Эта станция лежит на линии Стратфорд — Лондон, но она миль на пятнадцать ближе к Лондону. Вам будет удобно сесть здесь на ваш поезд, который прибудет через несколько минут. Если бы вы вздумали сейчас вернуться в Стратфорд, то этот поезд будет пропущен, а следующего вам пришлось бы дожидаться несколько часов... Стоит ли?

Мы сразу поняли: хозяева города, видимо, боялись, что на вокзале в Стратфорде при нашем отъезде могли произойти какие-либо демонстрации, и потому решили отправить нас в Лондон из другого, более безопасного пункта. Наша делегация, однако, не стала возражать. Главное, для чего мы ездили в Стратфорд-на-Эйвоне, было сделано, а с какой станции возвращаться домой, не имело серьезного значения.

На перроне станции продавали вечерние бирмингамские газеты. Шекспировское торжество было описано в них со всеми подробностями и даже с иллюстрациями. Большое место отводилось советской делегации и советскому флагу. В одной из газет имелся такой абзац:

«Представитель Советов мистер Майский в течение всей церемонии выглядел и действовал, как самый обыкновенный мирный гражданин, однако известное сомнение вызывал маленький чемоданчик, который он все время держал в руках. Многие думали, что в этом чемоданчике находятся бомбы».

Мы громко расхохотались.

* * *

...Лед был сломан. С тех пор советский флаг без всяких трудностей и осложнений ежегодно подымается в Стратфорде-на-Эйвоне в день 23 апреля.

РОССИЙСКАЯ
Социалистическая
Федеративная
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ
СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Москва, Кремль.
апреля 26 1919 г.
№ 4412.

ГРАЖДАНИНУ ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ Т А Н Е Е В У.

ОХРАННАЯ ГРАМОТА.

На основании постановления Совета Народных Комиссаров от 25/III. 1919 г. выдается эта охранная грамота гражданину Владимиру Ивановичу ТАНЕЕВУ 78 лет, который долгие годы работал научно и, по свидетельству Карла Маркса, проявил себя „преданным другом освобождения народа."

Гражданину Владимиру Ивановичу Танееву предоставляется право посещать библиотеку Совета Народных Комиссаров, а всем другим государственным библиотекам предлагается оказывать ему всяческое содействие в его научных работах и изысканиях. Всем советским властям предписывается оказывать гражданину Владимиру Ивановичу Танееву содействие в деле охраны как его самого, так его семьи, жилища и имущества. В случае передвижения его по Российской Социалистической Советской Республике всем железно-дорожным и пароходным властям предписывается оказывать гражданину Владимиру Ивановичу Танееву и его семье возможное содействие в деле получения билетов на поезд и предоставления места в поездах.

Председатель Совета
Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Управляющий Делами
Совета Народных Комиссаров

Секретарь

Охранная грамота, выданная Советом Народных Комиссаров В. И. Танееву и его семье.

ОХРАННАЯ ГРАМОТА РЕВОЛЮЦИИ

В. И. Танеев с внучкой. 1904 год. Публикуется впервые.

Фото профессора К. А. Тимирязева.
Из фондов квартиры-музея ученого.

ЗАГАДКИ И РАЗГАДКИ КЛИНА

Эта развилка двух дорог перед Клином — место священное и дорогое для каждого из нас. Отсюда, из небольшого домика, что спрятался за густой рощицей, ушли в триумфальное шествие по всему миру произведения Петра Ильича Чайковского.

Побывав в Клину, вы, наверное, не увидели и не узнали всего, что могли узнать здесь.

Я не стал спешить к машине, а прошелся по окрестностям города и не пожалел об этом.

Если идти в сторону Москвы, направо, у самой обочины шоссе, высятся дома. Такие же светлые, как у нас в Черемушках, только ростом поменьше. Тропа взбегает на пригорок и ведет прямо к поселку Демьяново. Почти рядом с ним — старинные дома. На них таблички: «Проезд Танеевых».

Танеевых? Постойте. Хорошо известно имя Сергея Ивановича Танеева. Многочисленные фотографии талантливого ученика Чайковского я только что видел в доме-музее.

Кого же другого, кроме Сергея Ивановича, имели в виду те, кто так назвал проезд?

Тропка привела меня к неказистому двухэтажному дому. Издали на белизне его стен не сразу различишь мемориальную доску. Золотом выбиты слова: «1883—1921. В этом доме жил и умер Владимир Иванович Танеев, которого Маркс считал «преданным другом освобождения народа».

Отгадка оказалась чревата другой загадкой. Понятно, что проезд назван в честь двух братьев Танеевых. Но кто такой Владимир Иванович? Когда писал о нем Маркс?

ПИСЬМО МАРКСА

Это было 9 января 1877 года. В доме 41 Мэтлэнд Парка в Лондоне. Закончив начерно по-французски письмо известному русскому историку, юристу и социологу М. М. Ковалевскому, Карл Маркс переписал его набело и отправил. Спустя более полувека черновик вместе с другими бумагами Карла Маркса был помещен на вечное хранение в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. А беловик?

Известно, что письма Карла Маркса М. М. Ковалевский поручил сохранить профессору Петровской Академии И. И. Иванюкову. Но во время событий 1905 года жена профессора Иванюкова, считавшегося одним из «неблагонадежных» в академии, опасаясь за судьбу своего мужа, уничтожила в его кабинете все, что хранить было опасно. Среди уничтоженных ею бумаг были и письма Карла Маркса к М. М. Ковалевскому. Но одно из них уцелело. Уцелело потому, что оказалось в руках друга Ковалевского, видного адвоката и общественного деятеля Владимира Ивановича Танеева. Оно было найдено в одной из книг его уникальной библиотеки, которую он подарил в годы Советской власти Социалистической академии. Текст беловика письма Маркса хранится в Центральном партийном архиве рядом с черновиком. О чем же шла речь в этом письме?

Одна из видных деятельниц русского и международного революционного движения попросила Маркса помочь ей в беде. В связи с этим он писал Ковалевскому:

«... Господин Танеев, которого Вы знаете и которого я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа,— может быть, единственный адвокат в Москве, который возьмется за такое неблагодарное дело. Я буду Вам очень благодарен, если Вы от моего имени попросите его принять участие в исключительно тяжелом положении нашего друга.

Ваш Карл Маркс».

К сожалению, до нас не дошли сведения об обстоятельствах знакомства Карла Маркса с В. И. Танеевым. Но, кроме письма Маркса, в котором упоминается Танеев, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС сохранилась фотография Маркса, подаренная им Владимиру Ивановичу в январе 1871 года, с автографом «Сувенир господину Танееву».

В его доме очень часто собирались выдающиеся деятели русской культуры и науки. Он был основоположником знаменитых «академических обедов». В них принимали участие и М. Е. Салтыков-Щедрин, и И. С. Тургенев, и П. И. Чайковский, и великая русская актриса М. Н. Ермолова. Непременным гостем на этих обедах был ближайший друг Владимира Ивановича профессор К. А. Тимирязев.

Танеев защищал на судебных процессах нечаевцев и польских повстанцев, вел переписку с Некрасовым, Салтыковым-Щедриным, В. Слепцовым. По просьбе Салтыкова-Щедрина Танеев написал для «Современника» очерк о Первом Интернационале. Очерк этот был запрещен цензурой. Перу Танеева принадлежат труды по социологии и истории, труды, вышедшие в свет лишь при Советской власти. Владимир Иванович в кругах писателей, юристов, ученых слыл не только прогрессивным адвокатом, большим знатоком социологии, но и страстным библиофилом.

ТАНЕЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Всякие бывают библиофилы. Одни просто копят книги, чтобы прихвастнуть при случае своим собранием. Библиофилами совсем другого плана были Николай Александрович Рубакин и Геннадий Васильевич Юдин. Они не просто собиратели-коллекционеры, а пропагандисты книги, исследователи книжного дела в России, сохранившие для будущих поколений ценнейшие документы и уникальные издания. В их хранилищах и библиотеках работали передовые люди того времени. Их книгами пользовался Владимир Ильич Ленин.

Есть и еще одна огромная, редчайшая личная библиотека, о которой знал Владимир Ильич Ленин и в судьбе собирателя которой он принял самое горячее участие. Этим библиофилом был Владимир Иванович Танеев.

Начало его библиотеке положили 150 томов экономической и исторической литературы, присланной Владимиром Ивановичем из Франции и Германии. Он не мог открытым путем привезти запрещенную в России литературу и поэтому воспользовался адресом Академии наук. Почта, присылаемая туда, не подвергалась цензуре. Из-за границы, из разных городов России по листкам или спрятанные в переплетах других книг шли к Танееву запрещенные и нелегальные издания. У него в библиотеке хранился «Современник» за 1857—1863 годы, редчайшие издания «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Колокол» А. И. Герцена...

Библиотека Владимира Ивановича, находившаяся в Москве, а затем в 1900 году перевезенная в Демьяново, считалась одной из лучших в России.

Советское правительство, Владимир Ильич Ленин с большим вниманием отнеслись к В. И. Танееву. Об этом свидетельствует охранная грамота, выданная Владимиру Ивановичу в 1919 году. В ней В. И. Ленин дал высокую оценку деятельности Танеева.

Советское правительство предложило Танееву продать его библиотеку за крупную по тому времени сумму. Но он отказался от денег и передал библиотеку безвозмездно Социалистической академии.

Сейчас книгами, собранными Владимиром Ивановичем Танеевым, широко пользуются те, кто занимается историей рабочего и коммунистического движения в России и за рубежом. Его редчайшее собрание вошло в состав библиотек Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

...Был на Арбате Малый Власьевский переулок. Он выходит на Сивцев Вражек. Недавно на его домах появилась табличка: «Улица Танеевых».

Григорий ХАИТ

М. Божий (Одесса). В. И. ЛЕНИН.

С. Шинкаренко (Запорожье). ЛЮДИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕН

ННАЯ ВЫСТАВКА 1961 ГОДА

А. Левитин (Ленинград). ИМ НУЖЕН МИР.

А. Федоров (Рига). В НОЧНОЙ РЕЙС.

Е. Гудин (Свердловск). ВСХОДЫ.

Восемь неизвестных

Илья КОТЕНКО

Невыдуманная история

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Дело, с которого надо было начинать

Впрочем, новая, подлинная жизнь Вали Смирновой тоже открывалась не сразу. Вот, например, ее заявление на имя директора института:

«Прошу Вас принять меня учиться заочно на зоотехнический факультет. Прошу не отказать моей просьбе.

8. 10. 56 г.».

Но почему в конце заявления какая-то странная приписка:

«Я обязуюсь, что через некоторое время перейду на работу в область сельского хозяйства».

Где же она работала в это время? И кем? Ведь, по моим сведениям, а следовательно, по ее рассказам, она подавала заявление в институт, работая дояркой в Бабанове. А согласно этому примечанию, выходит, что никакого отношения к «области сельского хозяйства» она не имела. Получается совсем какая-то чепуха!

Чувствуя, что так мне не избавиться от этих новых «неизвестных», которые, как призраки, то исчезали, то снова появлялись передо мной, я решил почитать ее автобиографию. И уже с первых слов почувствовал, как начинает рушиться все созданное моим воображением и моей верой.

Автобиография была короткой:

«...родилась в 1935 году, 5 мая, в селе Акимовка (дальше следовало наименование района, области) в семье колхозника.

Родители проживают в колхозе. Отец работает в колхозе, мать — домашняя хозяйка.

Член ВЛКСМ.

В 1943 году я поступила учиться в 1-й класс Акимовской школы, где окончила 7 классов. После окончания семилетки два года работала в колхозе. В 1952 году поступила учиться в 8-й класс и в 1955 году окончила школу».

Я на минуту закрыл глаза. Правда о настоящей жизни этой девушки, написанная ее собственной рукой, встала передо мной. Значит, с 1952 года по 1955 год она жила и училась в Акимовке и никуда не выезжала. Значит, не было никакого Бабанова, никакого колхоза «Родина», никакого пожара, а значит, не было и никаких орденов!

Почти машинально я переписал в свою записную книжку еще несколько бумажек из ее личного дела: заявление с просьбой перевести на второй курс основного отделения зоотехнического факультета и с резолюцией на уголке: «Перевести с 1. 9. 58 г.»; справку Акимовского сельсовета о том, что Смирнова «до поступления в институт работала два года дояркой и один год в полеводческой бригаде колхоза имени Ленина»; совсем непонятную справку Института охраны материнства и младенчества о том, что Валентина Смирнова работает в этом институте в должности зольщицы, и датированную 1956 годом. И, наконец, последнюю справку следующего содержания:

«Дана настоящая в том, что гр. Смирнова В. проживает по адресу: Горная улица, 12, кв. 3».

Занимаясь этой перепиской, я не сразу понял, что Семен Иванович Захаров просит обратить мое внимание на какие-то графленые листки, разложенные перед ним на столе.

«...двести девяносто девять — от лиц с двухлетним трудовым стажем, сто девяносто — от демобилизованных, и только девяносто восемь — от учащихся...»

— Вы о чем?

— Я говорю о людях, которые подавали к нам заявления в этом году. А кто принят? Из трехсот двадцати пяти человек: рабочих—сто четыре, крестьян — сто шестьдесят три (чувствуете цифры!) и служащих — пятьдесят восемь...

Я вспомнил девушек и парней, которые сейчас ходили по коридорам института, сидели в вестибюле на чемоданах, и мне почему-то особенно стало горько за Валю Смирнову. Но нельзя же в самом деле только о ней думать! То, о чем рассказывал сейчас Семен Иванович, было действительно интересно.

— Из всех принятых только тридцать один человек из города, остальные из области... Полпреды земли-матушки пришли! Да какие! Рабочих из совхозов — сто три человека, специалистов, заметьте, уже специалистов сельского хозяйства,—двадцать восемь! На факультете механизации одних только трактористов сорок три человека. Начнем по программе изучение трактора — это же готовые инструкторы!

А посмотрите списки... Смотрите, кто выйдет от нас агрономами. Семен Зарубин—член партии, бригадир комплексной бригады, Юрий Маркин — комсомолец, молотобоец из совхоза, Илья Трофимов — комсомолец, по национальности мариец, плотник, совхоз оплачивает ему стипендию... А кто будет учиться на зоофаке? Тамара Кашина, комсомолка, учетчик молочнотоварной фермы из колхоза «Родина»...

— Простите. Из Бабанова?

Семен Иванович вгляделся в листок.

— Нет, из Ирбита.

Впрочем, зачем я задавал этот вопрос? Чего уж там интересоваться Бабановом, когда теперь все стало ясно! Видимо, я просто насторожился при этом названии по инерции, приобретенной за время моих челночных полетов от Москвы до этого города и обратно.

— Вот кто пойдет от нас в совхозы и колхозы в самый разгар строительства коммунизма! Эти не испугаются запаха навоза, не побоятся «скуки дальних мест», не будут сидеть сложа руки и ждать указания свыше... Впрочем, я, кажется, отвлекся, вас интересует Смирнова... Что вы еще хотите о ней узнать?

— Спасибо! Я уже все о ней знаю...

Впрочем, я сказал неправду. Что я, собственно, о ней знал? Отпали почти все «неизвестные», но осталось узнать самое главное: для чего она выдумала всю эту историю? Ведь должна же быть для этого какая-то причина, какой-то повод и, наконец, какая-то цель. Что это: глупое бахвальство, желание покрасоваться? Для чего? А может, для кого?

Я простился, вышел из института и подошел к машине, стоявшей у ограды. Володя, потеснившись на сиденье и внимательно вглядываясь в меня, спросил:

— Дым?

— Туман.

— Я так и знал... Будем искать?

— Обязательно...

— Пока вы здесь были, я смотался в общежитие... Записка лежит... Ее не было.

И тут я вспомнил городской адрес! Я раскрыл записную книжку: Горная улица, дом 12... По этому адресу она жила, была прописана. У кого? У родных, у знакомых или просто у хозяйки. Может, и сейчас они, эти знакомые ей люди, живут по этому адресу? Может, к ним она сегодня заезжала или, больше того, находится сейчас у них?..

Последний адрес

Я спросил Володю:

— Где Горная улица?

— Недалеко, прямо два квартала...

— Ты езжай обедай. А часика через два позвони Сергею. Может, нужна будет машина...

— Может, подвезти?

— Ничего... Я пройдусь.

Где-то над домами западной стороны стояло солнце. После недавнего дождя чуть курились дымком тротуары и мостовые. Пахло листвой, асфальтом и сырой землей. Был тот час, когда город заканчивал работу и из подъездов учреждений, заводов и фабрик выходили толпы народа. Они растекались по тротуарам, вливались в двери магазинов, кинотеатров, собирались, вытягиваясь в очереди, на трамвайных и автобусных остановках, и где-то в этих людских потоках кружилась исчезнувшая из моего поля зрения Валя Смирнова. А может, какой-то поезд уже уносил ее через поля и леса в неизвестном мне направлении?..

А мне она была крайне нужна! Слиш-

Окончание. См. «Огонек» №№ 48, 49.

ком необычным было все случившееся, чтобы дожидаться, когда она снова появится в институте. Я не хотел, чтобы ложь, почему-то сорвавшаяся с ее языка, осталась жить среди ее друзей, родных и знакомых. Кто его знает, почувствовав, что все сошло безнаказанным, не сочинит ли она еще какой истории в своей Акимовке, не обманет ли еще кого? А там долго ли до беды, когда ложь и обман станут уже характером?!

Я решил ехать за ней в Акимовку, но почему бы не сделать еще одной, последней попытки отыскать ее в городе?

Дом № 12 по Горной улице действительно стоял неподалеку. Это был большой, многоэтажный дом с длинными коридорами, узкими переходами и закоулками. И я долго бродил по этим тупикам, лестницам и переходам, пока не отыскал квартиру № 3.

Признаться, я по-настоящему волновался, прежде чем постучать в дверь. С чего начинать разговор? В комнате ли его вести или пригласить Валю на улицу? А вдруг она вовсе не захочет со мной разговаривать? В руке у меня были свернутые в трубочку фотографии. Начну с того, что передам их, а там посмотрим по обстановке, что делать дальше!

Я постучал. Дверь открыла невысокая, сердитая, со взлохмаченными волосами женщина. За ее спиной, в глубине комнаты, надрывался ребенок.

— Мне нужна Смирнова.

— Таких здесь, гражданин, нету.

— Она жила в этой квартире пять лет назад.

— Может, и жила. За пять лет здесь много перебывало. Эта квартира вроде пересадочной станции, гражданин. Переведут из подвала или из общежития, подержат — и дальше в самостоятельные квартиры... Вы уж лучше у домоуправа узнайте.

Не знаю, за кого меня приняла паспортистка домоуправления, но когда я попросил навести справки о Смирновой, она любезно выложила передо мной на стол все старые домовые книги.

Есть много документов, повествующих как будто бы бесстрастным языком цифр о величайших изменениях в нашей жизни. Статистические отчеты о выплавке чугуна и стали, о выпуске тракторов и телевизоров, автомашин и стиральных машин; рапорты областей и краев о валовых сборах зерна и заготовках мяса, молока и шерсти; доклады и сообщения о новых кинотеатрах, больницах, школах, детских садах — и во всем этом гигантском потоке цифр и фактов, связанных с жизнью всего общества и каждого отдельного человека, неприметным кажется такой как будто бы простецкий и обыденный документ, как домовая книга.

Не думаю, чтобы дом № 12 по Горной улице был особенным. И домовая книга была здесь обычной, в меру потрепанной, с засаленными нижними углами, с обычными графами — «прибыл», «выбыл», со штампами и подписями. Сотни, тысячи людей — сталевары, врачи, кочегары, машинисты, бухгалтеры, студенты, токари, разнорабочие—с женами, детьми, матерями, отцами поселялись в комнатах этого дома, обживали их и снова уезжали. Куда? И книга точно отвечала: на новые улицы, в новые дома...

В этом доме, в квартире № 3, подтвердила книга, действительно когда-то жила Валя Смирнова. Жила со старшим братом Петром — шофером, его женой и дочерью. В 1957 году Валя переехала. Куда? В общежитие. А остальные? В деревню Акимовку. Дата выписки — 20 апреля 1961 года.

Значит, на этот адрес рассчитывать нечего: сюда Валя не придет. Звоню коменданту общежития. Отвечает, что Смирнова пока не появлялась.

Я шел к Сергею, у которого остановился, и, признаться, ни о чем не думал: видимо, сказывалось напряжение последнего дня. Но кто сказал, что в нашей жизни не бывает этого извечного «вдруг»?

Открыв мне дверь, Сергей прошептал:

— Она здесь.

— Кто?

— Смирнова...

— Не может быть...

— Верно говорю... Ее Володя встретил на улице, посадил в машину и привез сюда...

— Ну и молодец парень, ну и золото!

Я снял плащ и вошел в комнату. Валя стояла у этажерки, рассматривая книги. На ней была темная юбка, синяя шерстяная кофточка, в руке пестренькая косынка, в которой я ее впервые увидел на выпасах. Услышав шаги, она обернулась, и на меня взглянули знакомые голубые, чуть встревоженные глаза.

Исповедь и раздумья

Предстояло самое трудное — начать разговор.

Больше всего я боялся, как бы она даже случайно не упомянула снова Бабанова, сгоревший дом или хуже — ордена...

Мы поздоровались, и я передал ей фотографии. Она села на диван, положила на колени карточки и, рассматривая их одну за другой, с улыбкой воскликнула:

— И Сашка здесь... И дедушка Осип... А коровы какие красивые!.. И речка...

Я смотрел на нее и думал: что же это за человек? Неужели не тревожила ее совесть, не приходило раскаяние?

— Ладно, Валя, фотографии я тебе дарю... Жаль только, что их в газете нельзя печатать...

Она подняла голову и обеспокоенно посмотрела на меня.

— А и не надо их печатать...

— Почему?

Видимо, что-то в моем голосе насторожило ее. Она хотела что-то сказать, затем махнула рукой, закусила губу и, убрав с колен фотографии, отвернулась.

— Ладно, Валя... Начну сначала я... Действительно, ты родилась в Акимовке 5 мая, я это запомнил, потому что это День печати, тысяча девятьсот тридцать пятого года. Действительно, твой отец работает в колхозе, а мать там же работала дояркой. С восьми лет ты пошла в школу, в своей же Акимовке, и учили тебя, возможно, те хорошие учителя, о которых ты говорила... В пятидесятом году ты окончила семь классов. Думала учиться дальше, но отец с матерью болели, старший брат уехал со своей семьей в город, жить было туговато, и ты пошла работать в колхоз имени Ленина... Так? Работала дояркой, затем немного в полеводческой бригаде. Все время хотела учиться, но ходить в вечернюю школу не хватило силы воли...

— Вечерней у нас не было.

— Допустим... Так или иначе, в пятьдесят втором году ты пошла в восьмой класс. Зимой ты училась, летом работала в колхозе. В пятьдесят пятом ты школу окончила. Я смотрел твой аттестат, в общем, в нем неплохие оценки. Затем снова ты работала в колхозе. Но все думала, куда пойти учиться дальше. Решила стать зоотехником. Поехала к брату в город, жила у него по Горной улице, двенадцать, начала работать в Институте охраны материнства и младенчества зольщицей. Кстати, что это за работа?

— В котельной, вроде кочегара.

— Так... В октябре пятьдесят шестого года подала заявление в институт. На очное испугалась: был большой конкурс,— и ты пошла на заочное. Первый курс работала зольщицей и училась, сдала все зачеты. Узнав, что на очном освободились места, попросила перевести туда. В сентябре ректор подписал твой перевод... Ну, а дальше как есть. Так что никакого Бабанова в твоей жизни не было, и орденов никаких не было. Так?

— Так...

Готовясь к этому разговору, я предположил, что может быть все: томительное молчание или долгие слезы, может быть истерика, но я совсем не ожидал этой холодной и вызывающей покорности. Валя сидела боком, отвернув лицо, комкая в руке косынку. Внизу, за окном, проносились машины, шипя по асфальту шинами. Солнце, вырвавшись из туч, протянуло через всю комнату полотнище света.

— И вот у меня к тебе вопрос: зачем ты все же наврала? Ты же не фифочка, которой надо выдумывать себе биографию, не маменькина дочка, не знающая жизни... Рабочий, знающий человек... И пошла на такое?!

Валя коротким и неожиданным движением закрыла ладонями лицо и, покачивая головой, склонилась к самым коленям.

— Дура... Ах, какая дура! Что наделала... Гнать меня надо! Из комсомола, из института... Гнать!..

Она подняла голову, вытерла косынкой нос и умоляюще посмотрела на меня.

— Вы думаете, я жила после этой проклятой заметки? Хотите верьте, хотите нет, я же ее до сих пор не читала даже. Как змеи боялась... А сейчас мне даже легче: кончилась такая жизнь...

— Зачем ты выдумала ордена?

— Для весу...

— Для чего?

— Для авторитета...

— А зачем тебе этот авторитет?

— Чтоб больше внимания обращали...

— Кто ж это на тебя должен внимание обращать?

— И доярки и начальство...— Она всхлипнула и снова ткнулась бровями в косынку.— Вы думаете, мне легко было? Приехала... без году ученый зоотехник, а сдвинуть дело не могу. На скотном дворе грязь, кормов нет, механизации никакой. Доярки, когда захотят, тогда и выходят на работу... По три группы вместо них сама раздаивала, вечером сядешь ужинать — ложка в руке не держится... А тут читаешь газеты: у других на фермах — беспривязный метод, подвесные дорожки, научный рацион, доярка по сто пятьдесят коров обслуживает, а здесь? Сколько ж можно терпеть такое?!

Смысл ее слов не сразу доходил до меня. Еще в Москве, предположив, что она наврала насчет орденов, мы много думали о возможных причинах такого поступка. И все в этих наших предположениях было: корысть, неудачная любовь, желание славы—словом, так или иначе все было связано с эгоистическими, сугубо личными проявлениями характера, кощунственно противопоставленными общественной морали. Но то, о чем сейчас говорила Валя, было для меня совсем неожиданным.

Я усмехнулся.

— Выходит, ты открыла новый способ улучшения работы животноводческих ферм?

Она промолчала.

— Почему ты в райком не пошла, на собрании не выступила, наконец, почему не написала в газету?

— И выступала и в газету писала...

— В какую?

— В эту же, районную...

— Забраковали?

— Напечатали.

— Когда?

— В июле...

Привычка в каждой поездке собирать материалы, которые могут пригодиться в будущем для работы, помогла мне сейчас. В редакции «Трудового знамени» я попросил Лидию Васильевну Борисову подобрать мне несколько номеров газеты за последние месяцы. Сейчас я достал их из чемодана и начал листать. Искоса взглянул на Валентину, думая встретить ее настороженный взгляд. Но она сидела, все так же согнувшись, прижимая скомканную косынку то к глазам, то к щекам, и покачивала головой.

Ага, вот что-то о Каменском! «Причины плохой работы каменской фермы». Номер за 7 июля. Подпись: «В. Смирнова — студентка-практикантка сельхозинститута».

Читаю:

«Много крупных недостатков на животноводческой ферме второго отделения Каменского совхоза, к тому же эти недостатки повторяются из года в год и резко снижают про-

дуктивность скота. Дело в том, что здесь продолжительное время руководил фермой безынициативный работник, который ко всему относился небрежно, не смотрел вперед. По этой причине не было среди доярок дисциплинированности и наблюдалась большая текучесть. Среди дойного гурта почти половина коров яловых... На ферме очень тяжел труд доярок, так как нет никакой механизации. Даже очистка помещения от навоза производится вручную, хотя давно можно иметь подвесные железные дорожки...»

— Сейчас дорожки построили?

— Начали строить.

Читаю дальше:

«Нельзя пройти мимо того, что в отделении не заботятся об улучшении пастбищ; они, как правило, низкоурожайные и далеко от фермы. Ничего здесь не предпринимается по обеспечению скота кормами зеленого конвейера. К решению этого вопроса руководители совхоза относятся беззаботно... А между тем в соседних совхозах высокие надои молока получают за счет использования трав зеленого конвейера. Давно пора каменцам применить беспривязное содержание коров. Этот метод, как известно, способствует понижению себестоимости животноводческой продукции и значительно повышает производительность труда.

Все затронутые вопросы являются очень острыми и злободневными. Их надо решать немедленно, ибо от этого будет зависеть дальнейшее развитие животноводства...»

Ну, что ж, заметка как заметка — конкретная, острая!

— Помогла?

Валя махнула рукой.

— Даже не обсуждали...

— А когда узнали, что у тебя ордена?

— Сразу зашевелились: начали корма подвозить, и насчет дисциплины управляющий поговорил с доярками...

— Значит, ордена помогли?

— Еще как!

— Ну, а как же эта мысль тебе пришла в голову? Случайно?

— Нет... Когда шла в редакцию, думала: будут спрашивать о моей жизни, скажу, что орденоноска... Сказать сказала, да перепугалась, запуталась... Спросили, за что орден дали, я и скажи—за две тысячи восемьсот килограммов надоя. А потом спохватилась: да разве же это показатели? Это же любая доярка дать может!.. Сейчас, думаю, меня засмеют, а они ничего — молчат...

— Но почему именно четыре ордена?

— Не помню... С перепугу несла, чтоб поверили, все, что попало... Дура, подлая дура!..

Я думал, она снова уткнется в колени, но Валя вытерла лицо, сложила руки и посмотрела на меня усталым взглядом.

— Что еще будете спрашивать?

— Ты не ершись... Я ведь не следователь, не хочешь отвечать, не надо... Но я хочу все же узнать, почему ты решила, что у нас только человек с орденами, с положением может добиться своего?

— А разве это не так? Я вон когда была в Бабанове...

— Ты все-таки была там?

— Три дня... На контрактацию телят ездила...

— И что же в Бабанове?

— ...на ферму ходила, смотрела. Там у них доярка—орденоносец. Молодая, а что скажет, все для нее делают... И ведь не для себя, для дела человек старается... А почему к ней прислушиваются, а на другого, простого, ноль внимания? А может, у него сердце сильнее болит за дело? Почему мне нужно идти в райком партии, чтоб бульдозер дали? Что, руководители совхоза не понимают сами, что это для пользы? Почему несчастную подвесную дорожку с апреля не могут поставить? Во всех постановлениях и указаниях сказано: механизация, механизация... Что они, газет не читают?.. Как же можно такое?

Она передохнула, поправила волосы.

— Вы думаете, легко мне было в заметке писать про руководителей совхоза, что они относятся к делу беззаботно? Ведь это что такое «беззаботно»? Значит, для них работа — чужое дело, не свое... Я вот ночью наревусь и думаю: ну, чего ты лезешь, чего вмешиваешься? Дотянешь практику как-нибудь, вернешься в институт и все забудешь... А не могу!.. Я вот вчера письмо получила...

Валя подняла на колени стоявшую у ее ног сумку, порылась в ней и протянула мне конверт.

— Подруга пишет... Хорошая девочка, сейчас тоже на практике... Так что пишет? — Она развернула листок, исписанный мелким почерком, и прочла: — «Ты только меня, подружка, не выдавай, а только думаю я уходить из этого института... Такое, видно, несчастное место — сельское хозяйство. Нам преподают одно, а на деле получается другое... Каждую чепуху приходится пробивать силой. Но я же не трактор, и хочется на все наплевать»... Я знаю, никуда она не уйдет, а ведь душу придавили...

Я смотрел на Валю и не узнавал ее. Куда девалась ее сдержанность?! Она говорила, подавшись вперед, то и дело поправляла падающую на висок прядку волос.

Что-то в ее словах заставляет меня и соглашаться с нею и протестовать. Неожиданно я поймал себя на мысли, что и сам-то я приехал сюда не потому, что знал Валю как Валю, а потому, что у нее было четыре ордена.

Но разве это плохо? Что плохого в том, что мы уважительно относимся к заслуженному, награжденному человеку? За спиной таких людей, как правило, интересная судьба, добрые дела, свершенные для Родины, а главное, труд, честный, самоотверженный труд, без которого он не мыслит своей жизни.

Но разве можно на этих добрых отношениях спекулировать, пусть даже в хороших, общественных целях?

— Ну, хорошо... В районной газете у тебя была цель: помочь делам на ферме. Но почему ты мне правду не сказала?

— О чем?

— Об орденах.

— Вы опять об этом... Пожалели бы...— Она наклонила голову и отодвинулась от солнечного луча, добравшегося до ее лица. Затем вскинула глаза и прямо посмотрела на меня.— Испугалась... Я же не думала, что газетка попадет в Москву. А когда вы мне ее показали, я поняла, что пропала... Всю ночь думала, помните, когда гроза была на выпасах, а рассказать, дура, так и побоялась...

— Ну ладно, Валя, все как будто у нас с тобой прояснилось. Скажи только ради простого любопытства, когда ты Бабаново придумала? И зачем?

— В редакции. Чтоб не трогать мою Акимовку.

— А пожар?

— Когда вы об орденах спросили.

— А если бы мы тебя в Бабаново пригласили?

— Не знаю... Может, и поехала, а потом с поезда прыгнула.

— А фамилии откуда взяла? Председателя, бригадира?

— Со всех сторон. Из Акимовки, из газет... А Ланских, такой в Каменском совхозе есть... Только все эти фамилии я перепутала, если бы меня второй раз спросили, как бычок молчала бы...

Дальше расспрашивать было не о чем: все мои «неизвестные» исчезли. Я смотрел на ее склоненную голову и неожиданно почувствовал, как где-то в сердце толкнулась жалость.

— Что же ты теперь думаешь делать?

Валя пожала плечами.

— Не знаю... Если не умру без института, пойду куда-нибудь дояркой...

И вдруг я подумал: а не оказалась ли она в Каменке одинокой? Ведь бывает же так, что самый компанейский и живой человек вдруг оказывается без друзей. В таких случаях принято обвинять коллектив. Но разве сам человек не должен следить за тем, чтобы не остаться без друзей, даже когда самые большие расстояния отделяют его от них? Одинокому всякое приходит в голову.

— Я хочу тебе одно посоветовать: пойди к товарищам и все им расскажи. Ты сейчас куда собралась?

— Нужно в институт справку отдать... Только теперь не знаю...

— Вот и пойди... Фотографии не забудь, тебе вез...

Она усмехнулась.

— На память?

— Да... Но только на память о хорошем... О выпасах, доярках, о Сашке...

— Не надо.

Она закусила губу. Затем решительно сунула в рукав косынку, взяла сумку, не глядя, сунула туда фотографии и поднялась.

Мы вышли на улицу. На солнечной ее стороне играли дети, на садовых скамейках бульвара сидели за шахматными досками старики, приодетые горожане переходили перекрестки, косясь на проносившиеся мимо машины. И казалось, что не было у меня с Валей этого тягостного разговора, что ничего с ней не

случилось и все это—недоразумение и нелепица.

У ворот института мы простились, договорившись, что если ей захочется написать, пусть напишет мне в Москву.

Около крыльца стояла грузовая машина, и в ее кузов, забрасывая рюкзаки и чемоданы, лезли, подталкивая друг друга и смеясь, новые студенты. Шофер, увидев проходившую мимо Валентину, высунулся из кабины:

— К вам, Андреевна, на выучку...

— Где уж там мне учить...

Она поднялась по ступенькам крыльца и, ни разу не оглянувшись, исчезла за высокой дверью.

Сейчас я сижу в редакции и заканчиваю эту повесть. В открытые окна видны крыши домов, тополиная желтизна и проплывающие в высоком небе самолеты. Звонят телефоны — десятки городов подают свой голос. О своих победах в честь XXII съезда партии рапортуют бригады, заводы, области. Еще один край завершил сбор урожая. Электрифицирован еще один участок дороги. Еще один цех завоевал звание цеха коммунистического труда.

Принесли пачку писем. Это значит, что час назад знакомая девушка вытащила из лифта туго набитые почтовые мешки с письмами, пришедшими сюда со всех краев моей земли. И все они,— несмотря на то, о добром или о дурном они написаны,— удивительно похожи своими первыми строками: «Обсуждая материалы к XXII съезду КПСС...» или «Прочитав Проект Программы нашей партии...».

Новая мера всех дел и событий появилась сейчас у народа. И новая мера людей. Правда, никогда и до этого наши советские люди не считали добродетелью ложь, даже самую безобидную (кто знает, куда бы она могла завести человека!), но сейчас, как было написано в одном письме, «пришла пора удалить даже самые маленькие пятнышки из душ наших людей...»

Думая об этом, я вспоминаю Валю Смирнову. Нет, я не в обиде, что ради нее мне дважды пришлось побывать на заволжской земле, познакомиться с интересными людьми, их жизнью, работой и подчас сложными и неожиданными движениями их характеров. Без этих встреч нет настоящей жизни!

Среди писем, которые приходят ко мне, пока еще не было писем от Валентины. И я не знаю, как поступила она дальше и что решили ее товарищи, узнав обо всем происшедшем. Но я верю, что весточка о ней еще появится. Может появиться и сама Валя, приехавшая на Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства; может, весть о ней принесет газета — районная или областная, в которой будет рассказано об опыте работы передовой, образцовой совхозной фермы, которой руководит зоотехник Валентина Смирнова; или просто придет письмишко от нее самой из какого-нибудь далекого степного городка с именами новых друзей и замыслами на далекое и близкое будущее.

И ради того, чтобы так все и было, я и рассказал читателю эту правдивую историю, изменив только фамилии и имена моей героини и людей, так или иначе действующих в повести.

П О С Л Е Д Н Е Е

Очень знакомый, родной и в то же время новый Ильич предстает в повести Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь».

Все здесь лаконично, сдержанно и, если можно так сказать, скромно. В то же время все широко, размашисто. Потому что не утеряна высокая мысль, не утрачен героический пафос, привлечен действенный художественный метод — глубокий психологизм.

Были далекие подступы к высокой теме, шла длительная подготовка. Писатель, не новичок в литературе, поднял новую тему, и тема подняла его.

Всем известны факты биографии Ленина, которые легли в основу повести. И обстановка грозных июльских дней 1917 года, и сарай у домика Емельянова в Разливе, и «шалаш в глуши за озером» — «зеленый кабинет» Ильича.

Но как это было в жизни? Казакевич воскрешает события, рисуя сложный образ великого человека в один из самых драматических периодов его жизни. Ощущение драматизма здесь не только в нагнетании опасностей, на каждом шагу подстерегавших Ленина, но и в его переживаниях.

Рядом с патетическими и лирическими портретами Ленина, которые были нередки в литературе, теперь создан образ психологический. С первой же страницы проступает это новое, «свое» в изображении Ленина. Мы проникаем в мысль Ленина, в диалектику его душевных движений. Мы видим внутренние пружины его действий. Нам не кажется неуместным, что «к сердцу Ленина то и дело приливало чувство горечи и одиночества»... «Это чувство, не часто посещавшее его душу, широко открытую для общения с людьми, может быть, было следствием многомесячного напряжения, чрезвычайной усталости от выступлений на митингах и собраниях и от постоянного внешнего спокойствия и собранности, стоивших ему немало сил. Его равнодушно-насмешливое отношение к бесчисленным нападкам и клеветам даже удивляло товарищей, но оно было не более, как выработанным в течение жизни умением отметать чувствования ради дела. Впрочем, это умение и посейчас давалось с большим трудом».

Драматизм положения подчеркивается на протяжении всей повести: «Самое трудное и страшное,— думал Ленин,— это драться беспощадно не с врагами, а с близкими людьми, с единомышленниками. А не драться никак нельзя...» Это относится и к Зиновьеву, бывшему тогда рядом с Лениным. Рядом, но не вместе— вот о чем говорит своим художественным повествованием Казакевич.

Внутренние монологи Зиновьева, то, что он приписывал Ленину свои чувства, мысли, даже свои недостатки, его лукавая игра (боял-

Эм. Казакевич. Синяя тетрадь. Повесть. Гослитиздат. Москва. 1961.

Мир, открытый поэту

Бывают люди красивые, но не обаятельные. И, наоборот, бывают лица некрасивые, но весьма обаятельные. А когда лицо и красиво и обаятельно, тогда совсем хорошо. Если принять природу за красоту, а лирику за обаяние, тогда сплав этих двух великолепных качеств называется поэзией.

Навела меня на эти мысли только что вышедшая в Гослитиздате книга стихов Миха Квливидзе «Надпись на камне». Для того, чтобы передать мои ощущения при чтении этой книги, приведу целиком небольшое стихотворение «Детство»:

Я помню детство: искорки росы,
Друзей и песни. Речки синеву...
Приснились мне огромные часы,
Каких я и не видел наяву.
Приснилось мне: привставши на носках,
Давясь от слез, в обиде сам не свой,
Зажал мальчишка маленький в руках
Конец тяжелой стрелки часовой.
Хотел сдержать он мерный ход времен,
Забыв про книжки, игры и дела...
Но стрелки шли, и громко плакал он,
И в ссадинах ладонь его была.

(Перевод с грузинского Евг. Винокурова.)

Прочтя одно это стихотворение, хочется прочесть всю книгу, и веришь в то, что она написана талантливым поэтом. Квливидзе избегает банальных фраз, банальных мыслей и, значит, банального отношения к жизни. У него, как и у всякого поэта, есть стремление неодушевленные предметы сделать одушевленными (а плохие поэты, наоборот, одушевленные предметы делают неодушевленными). Говорит ли он о природе или о лирике, он придает им те качества, о которых я говорил выше. Он всегда остается поэтом и очень бережет это свое звание. Прочтите его книгу — и вы в этом легко убедитесь.

Как водится, в конце отзыва я должен был поговорить и о недостатках. Но дело не в них. Дело в приобретении новых качеств. Природа и любовь — это еще не все, что есть на свете. Есть и сегодняшний день, есть борьба, есть подстерегающие нас опасности, есть труд. Не надо думать, что лирика живет в отдельной от жизни комнате. Короче говоря, и лирика нуждается в широком диапазоне. И в следующей книге наш поэт должен сбросить присущий ему некоторый налет камерности, расширить свое видение мира и активней участвовать в этом мире. Это не так просто, но я убежден, что Квливидзе с этим справится.

Переводы сделаны очень хорошо. Молодые переводчики работают не хуже старших, но я не стану никого называть. Их много, и все они подтверждают, что дело с переводами у нас на высоте.

Михаил СВЕТЛОВ

Пройдут годы...

Участник трех войн (первой мировой, гражданской и Великой Отечественной) Хаджи-Мурат Мугуев воскрешает в своей книге воспоминаний «Весенний поток» полные революционного горения дни 1919—1920 годов, оборону Астрахани и подготовку к освобождению Кавказа. С любовью рассказывает автор о Сергее Мироновиче Кирове, который возглавлял Астраханскую оборону.

Отлично знающий казачий быт, Х.-М. Мугуев рисует образы обманутых белыми генералами терских казаков, постепенно переходивших на сторону Советской власти. В книге все правдиво — описывает ли автор ничтожество и злобу белых, или повествует о героических делах наших воинов.

В рядах 11-й армии под руководством Кирова прошел автор большой военный путь. Вместе с ним хочется повторить слова Сергея Мироновича: «Кончается гражданская война. Пройдут годы, новые времена и люди придут на смену нам, но о нас с благодарностью и гордостью будут говорить они, ибо мы жили, боролись, мучались и побеждали в самую тяжелую пору революции...»

В. ВЛАДИМИРОВ

П О Д П О Л Ь Е

ся выдать свое смятение) и страх растерявшегося после июльского поражения человека, неверие в народ и силу партии — все это углубляет драматизм повести.

Приближение великого грядущего ощущается в том, что Ленин чувствовал себя в те трудные дни, как никогда прежде, сильным; он «полностью осознал свою роль в событиях». В те дни он понял, «что наступила пора либо возглавить революционную Россию, либо умереть». В тягчайших условиях подполья Ленин требует доставить ему «синюю тетрадь» с выписками из Маркса и начинает сложнейший труд «Государство и революция».

Дух революционного оптимизма, который побеждает в драматической повести Казакевича, особенно ощутим в тех сценах, где речь идет о народе и партии. Произведение, написанное об исключительном человеке, о ЛИЧНОСТИ, насквозь НАРОДНО. Народ слился с партией перед решительным боем с капиталистической Россией.

Войдя в семью Емельянова, в пролетарскую питерскую семью, Ленин интересуется делами и заботами Николая Александровича, его жены и детей.

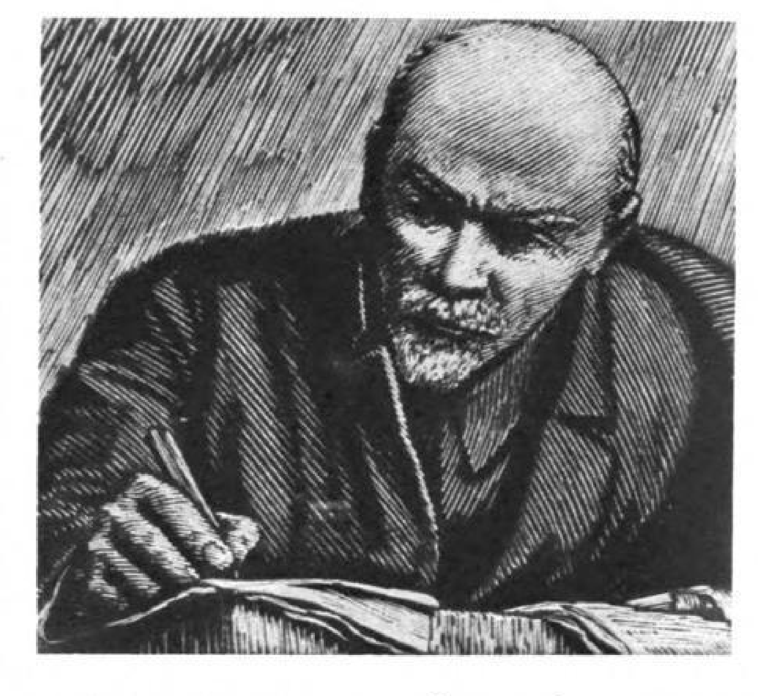
«Ленину нравилась эта неторопливая человеческая деятельность большой семьи. Когда он глядел на них, на их труд, как теперь на Емельянова с косой, им овладевала страсть к физическому труду, ему хотелось копать, строгать, носить землю, мыть полы. Он скоро забывал об этом желании, возвращался к своим статьям и газетным полосам, и его снова захватывали всего целиком кипение других страстей, страдания и чаяния масс, коварные происки партий».

Но Емельянов — сознательный, революционный рабочий. Ильич же видел народ во всей его неоднородности. Знаменателен эпизод на озере, когда Ильич, Зиновьев и Емельянов услышали шум и пение подгулявшей компании дачников. Зиновьев ужаснулся разгулу обывательщины в стране; Емельянов думал о близкой и реальной опасности для Ленина; Коля не сводил с Ильича влюбленных глаз и мучился тем, что в частушках был намек на Ленина; Ленин же...

«Ленин же думал совсем не о том. Он думал о том, что делать революцию и строить социализм так или иначе придется также и с этими маленькими людьми... что нельзя сделать специальных людей для социализма, что надо будет э т и х переделать, надо будет с э т и м и работать, ибо страны Утопии нет, есть страна Россия. Это будет нелегко, трудно, чертовски трудно, труднее, чем сделать самое революцию, но другого выхода нет».

Ленин весь в думах о народе. Он ожесточенно спорит с Зиновьевым: «...Пролетариат нуждается в правде, и нет ничего вреднее для его дела, чем благовидная, благоприличная обывательская ложь».

В этой отповеди Зиновьеву мы слышим истину, которую и сегодня несет партия народу, узнаем кодекс поведения коммуниста, провозглашенный в Программе КПСС.

Повесть «Синяя тетрадь» входит в обширную Лениниану, создаваемую мастерами советского искусства.

Лидия ФОМЕНКО

САНКИ

Маленькая поэма

Гагик САРКИСЯН

Нет, не думайте, я не открою Америк,
Просто вспомнил я детства затерянный берег,
И на том берегу, где играли мы в салки,
Я оставил свои золотистые санки.
Эти санки мои мне достались в наследство
В час, когда так внезапно окончилось детство.

Не пришлось, не пришлось мне на них прокатиться.
Санки скрылись, как в осень скрывается птица,
Чуть поманит крылом, будто облачком белым,
И прощай! И глотай свои слезы, как беды.
Подойдет вдруг задумчивый добрый прохожий,
Спросит:
«Что же ты плачешь, малыш?... Ну, а все же?
Кто обидел тебя? Ты скажи, кто обидел?..»
Ах, прохожий! Ах, если бы только ты видел!
Нет их, нет. Я так жду, чтоб они возвратились.

И с тех пор днем и ночью лишь санки мне снились.
Я искал их везде. И в любые погоды.
В дни, когда вся страна надевала погоны,
Я, еще очень маленький, маленький очень,
Вспоминал с журавлиными крыльями осень.
И мечтал: вот когда бы вернули мне санки,
Я бы с них расстрелял все фашистские танки.
Но я маленький, маленький был еще очень,
Потому убежал из детдома я ночью.

Ах вы пони, любимые, милые пони,
Вы бы мне помогли в той нелегкой погоне,
В поездах ведь нельзя без родителей. Вот как!
Даже в лодках нельзя без родителей. В лодках.
Тотчас спросят тебя:
«Ну, а где твоя мама?»
Словно мамы у всех. С неба сыпятся манной.
«Ну, а где твой отец? Почему же молчишь ты?
Вы подумайте только, вот упрямый мальчишка!
Папа с мамой, наверное, там обыскались,
А ему хоть бы хны; стал тигренком, оскалясь,
И того и гляди мигом палец откусит.
Между прочим запомните: пальцы в их вкусе.
К сожалению, так вырастают на свете
Эти самые дети. Беспризорные дети...»

Люди!
Это случилось на вашей планете.
Казнь была на рассвете.
Казнь была на рассвете.
Ване шею петлей повязали бандиты,
К хрупкой детской груди были санки прибиты.
— Палачи!
— Изуверы!
— Не смейтесь!
— Не смейте!
— Вам народ никогда не простит этой смерти!
Но смеялись фашисты над выдумкой этой.
Беспризорник Ванюшка висит над планетой,
С голубыми, большими, как правда, глазами,
Сдав в защиту счастливого детства экзамен.
О великие муки! О великие муки!
И обнявшие небо беспризорника руки!

И военные версты. И военные версты.
Из священного гнева газетные верстки.
Комиссаром в атаке светлой партии голос:
«Нет! Врагу не сломить нашу волю и гордость!»
И военные версты. И военные версты.
Вы, в крови по колено, дороги и весны.
Отдающие болью гудки паровозов,
Затерявшийся в вихре мальчишеский возраст.

Поезда, перевязанные бинтами...
Но вы знаете сами!
Но вы видели сами,
Как вослед им неслись, подбирая штанишки,
Вот такие, как я, всей России мальчишки.

Сколько было их, русых, и черных, и рыжих!
Где вы, где вы, друзья?
Мы встречались на крышах.
На вокзалах, причалах, любом полустанке.
Мы — искавшие детство.
Мы — искавшие санки.

Но к немногим из нас эти санки вернулись.
А теперь, по какой ни прошел бы из улиц,
Всюду есть они, есть. Золотые, как в сказке.
Люди!
Вы берегите,
Храните салазки!
Ведь порой так бывает, ведь порой так бывает:
В суете мелких дел вдруг о них забывают.
Забывают, как годы сиренами выли.
Наше детство рубили.
В детство били навылет.

Ах вы пони, любимые, милые, пони!
Выше мордочки, выше.
Вас никто не догонит.
Мчится даль, обгоняя за поездом поезд,
Чтобы с первой зарей встретить новую повесть.

Ираклий Андроников создал жанр оригинальный и весьма современный — устный рассказ. Это живая литература, точнее, литература, ожившая в лице самого рассказчика, — литература, которую можно слышать и видеть.

Заслуженный деятель искусств РСФСР и ГССР Ираклий Андроников.

Р А С С К А З

Прежде всего р

По окончании тбилисской школы я учился в Ленинграде, на филологическом факультете университета, а для души посещал симфонические концерты и классы консерватории. Между лекциями я спешил рассказать каждому, кто вступал со мной в разговор, что-нибудь смешное, чаще всего изображал общих знакомых: профессоров, певцов, дирижеров... Смех приятелей служил для меня и компасом и — одновременно — спасательным кругом. Потому что когда доходило до серьезных выступлений перед серьезной аудиторией, дело не шло. Я терялся и готов был со стыда сквозь землю провалиться.

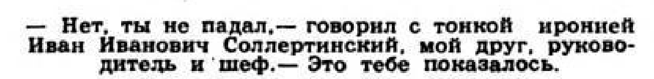
Однажды, выступая с устным докладом о Лермонтове, которого люблю с малых лет, я исторгал такие бессвязные звуки и столько откашливался (все мысли куда-то ухнули), что профессор сказал:

— Вот что, мой молодой друг! Говорят, вы хотите посвятить себя музыке? Я не хочу портить вам будущность и поставлю удовлетворительную отметку. Но запомните раз навсегда: Лермонтова вы не знаете и никогда знать не будете!

Мне кажется, это пророчество было одной из причин того, что я вот уже более четверти века занимаюсь изучением жизни и творчества Лермонтова.

Что касается страсти к музыке, то она привела меня на эстраду Большого зала Ленинградской государственной филармонии: меня решили испытать в роли музыковеда, выступающего с пояснениями перед началом симфонического концерта. Зал был полон. Я пошел плести околесицу... Публика хохотала, а я был в отчаянии. Я провалился! Да так, что в филармонии до сих пор помнят! Правда, я сам часто напоминаю об этом, когда выступаю теперь в том же самом зале с рассказом об этом злосчастном событии. Теперь зал тоже хохочет, но я доволен. Зато каково мне было тогда?! С филармонией пришлось распрощаться. Я вернулся к литературе и к Лермонтову, а в свободное время рассказывал... Рассказывал в коридоре, на лестнице, в вестибюле, в библиотеке, в издательстве, в институте, в гостях... Рассказывал потому, что не мог не рассказывать! Это не было для меня забавой: я не просто имитировал похожие черты людей, я старался постичь их характеры, жить в образе А. Н. Толстого, С. Я. Маршака, знаменитого актера И. Н. Певцова... Импровизируя текст, я для себя спрессовывал характер, то есть старался создать портрет человека, обнаружив невидимое в его облике.

Р А С С К А З «П Е Р В Ы Й Р А З Н А

— Вот так я вел себя на эстраде, когда выступал первый раз... Инспектор оркестра убрал с моей спины руку, и я чуть не упал!..

— Нет, ты не падал,— говорил с тонкой иронией Иван Иванович Соллертинский, мой друг, руководитель и шеф.— Это тебе показалось.

— Ты сделал ножкой вот так и пошел, пританцовывая, к дирижерскому пульту меленькой и мерзкой походочкой.

2

3

4

«Г О Р Л О   Ш А Л Я П И Н А»

1

— В Боткинской больнице в Москве,— начинает Андроников, — мне посчастливилось лежать в одной палате с замечательным актером и замечательным человеком — народным артистом СССР Александром Алексеевичем Остужевым. Еще до революции он потерял слух, но остался на сцене, и уже стариком так сыграл роль Отелло, как ее давно уже никто не играл в русском театре. Он рассказывал мне о Шаляпине.

2

— В комнате полно народу: приятели, поклонники, любопытные... Шаляпин обернется:

— Ступайте отсюда все! Работать не дают, дьяволы!..

3

— Перед Шаляпиным на столике лежит квадратная, туго завитая черная борода; он готовится петь свирепого военачальника Олоферна в опере «Юдифь»... Он возьмет бороду, прикинет к лицу... смотреть страшно!..

4

— Это было в 1909 году, дорогой...

Фото В. Тарасевича.

ассказывать

Так вот и рождался рассказ ненаписанный, незаписанный; устный рассказ, который, изменяясь от раза к разу, обтачивался и шлифовался. Эти рассказы теперь уже могли слушать не только те, кто был знаком с прототипами, — их воспринимал чуть не всякий. Кстати, это можно обосновать. Как портрет, исполненный кистью художника, не требует знания оригинала, так и живая портретная галерея может восприниматься без всяких сравнений, заключая в себе и конкретные и обобщающие черты.

Наконец я выступил со своими рассказами перед большой публикой — в Москве, в Союзе писателей. И, к собственному удивлению, не провалился!.. Меня поддержали Всеволод Иванов и Виктор Шкловский, тогдашний директор издательства «Советский писатель» Ф. М. Левин, великий мастер слова Владимир Яхонтов.

Помню, как А. Н. Толстой и С. Я. Маршак повезли меня к Алексею Максимовичу Горькому... Я волновался ужасно. Но Горький меня похвалил и сказал о больших возможностях жанра... Передо мной открылся путь в литературу и на эстраду. И я продолжал заниматься Лермонтовым, а «по совместительству» выступал с рассказами на эстраде.

Во время войны я был на фронте; круг моих впечатлений расширился, изменилась аудитория, выросла моя портретная галерея. Писатели, актеры, ученые теперь соседствуют в ней с генералом, партизаном, колхозником... Но, как правило, в каждой моей новой программе один из рассказов посвящен поискам, раскрытию той или иной научной загадки, розыскам неведомых доселе фактов о великих писателях, поездкам по дорогам моей родной Грузии...

Я стараюсь, чтобы исследования о прошлом и рассказы о нашей живой жизни, о современниках — рассказы серьезные и веселые — не противостояли друг другу, а соединялись в одно целое каждый раз, как я выхожу на эстраду.

Ираклий АНДРОНИКОВ

Э С Т Р А Д Е»

— Когда же ты взгромоздился на подставку, то улегся на пюпитр и начал наводить на себя блеск — чистить ботинки о брюки...

...Еще много загадок в творчестве и в биографии Лермонтова, которые стремится разгадать доктор филологических наук Ираклий Андроников, чтобы написать о них, но прежде всего рассказать!

Между Советским Союзом и Афганистаном — высокие горы, но они не разделяют наши народы. Человеческая дружба может быть выше самых высоких гор.

Н. С. ХРУЩЕВ

В СТРАНЕ БЕЗОБЛАЧНОГО НЕБА

В. НИКОЛАЕВ

Фото автора.

Через Саланг пройдут машины

Бывалый метростроевец Георгий Овчаренко (ему недавно перевалило за тридцать, десять лет из них он проработал на строительстве метро) проложил под улицами и площадями Москвы не один десяток километров туннелей. Попробовали бы два года назад сказать, что ему, подземному мастеру, придется работать в Афганистане на высоте в четыре километра над уровнем моря. Овчаренко только удостоил бы такого предсказателя своей озорной, недоверчивой улыбкой и не счел бы даже нужным отшутиться.

— Да, вот уж никогда не думал, — говорит он, — что занесет меня на такие кручи...

Мы сидим с ним в столовой, расположенной действительно на четырехкилометровой высоте, и с большим аппетитом трудимся над свиными отбивными. Их сделали из мяса молодого дикого кабана, которого Овчаренко убил сегодня в горах. Охота — его страсть. Но не из-за нее он вот уже два года сидит на этой высоте, работает без отпуска, словно прикованный к этим скалам.

Здесь, в самом сердце горного Афганистана, на хребте Гиндукуш, он и его товарищи, тоже московские метростроевцы, вместе с афганскими друзьями самоотверженно трудятся во имя будущего этой страны. И вся страна, весь народ верят, что они сделают все, чтобы быстрее распахнуть дверь в это будущее.

Вот почему два года не сходит Овчаренко с гор, вот почему в преддверии зимы метростроевцы работают без выходных. Они должны победить горы, обогнать грядущую пургу и снежные лавины, которые наверняка вырвут из рабочего графика не один день.

Саланг... Так называется перевал, где живут и работают метростроевцы. Здесь находится самая высокая точка дороги, которая прокладывается через Гиндукуш.

Еще выше, в горы, дорогу вести уже нельзя: снежные лавины зимой сделают ее непроходимой. Поэтому метростроевцы пробивают здесь туннель через скалы. Длина его будет почти три километра. Он соединит северную и южную части дороги через Саланг. А сама эта дорога соединит между собой две части страны, лежащие по обе стороны Гиндукуша. Важна эта дорога для Афганистана. Главный советский специалист на строительстве этой дороги Федор Иосифович Болдышев называет ее просто и деловито — трансафганской магистралью.

Как и Овчаренко, Федор Иосифович прибыл сюда из Москвы, где он строил Московскую кольцевую дорогу. И так же, как и Овчаренко, он теперь сердцем своим прирос к дороге, ведущей через Саланг.

Есть у настоящих специалистов какая-то необыкновенная, особенная любовь к делу рук своих. И чем труднее это дело, тем больше и вернее эта любовь. А что может быть труднее судьбы дорожника?

Вся жизнь на колесах. Как правило, в необжитых, диких местах. Своими руками создавать приходится и дорогу и временную крышу над головой.

— Но мы не жалуемся,— говорит мне Болдышев. — Мы ко всему привыкли. К одному только никогда, видимо, не привыкнуть: построена дорога — и никому уже, кроме тебя самого, не видно, сколько в нее вложено труда и сил. Ведь она, ровная и гладкая, бежит себе вдаль, как будто бы ей так и положено. И кто, проезжая по ней, догадается, что вот здесь пришлось убрать скалу, тут — осушить болото, там — загнать в трубы реку...

Здесь, на Саланге,— продолжает Болдышев,— нет земляных работ. Сплошь скальные породы. Имеем дело только с камнем. Стальные гусеницы машин не выдерживают и стираются о камень.

Даже сталь не выдерживает!..

Но метростроевцы Москвы, дорожники Подмосковья, Украины, Грузии продолжают штурм Саланга.

А горы не хотят сдаваться человеку.

Два года назад первых наших инженеров со всем коварством встретила горная зима. Бураны и снежные лавины обрушились на людей.

Знаете ли вы, что такое снежная лавина в этих горах?

Один кубический метр снега в лавине весит до 600 килограммов, а вниз обрушиваются лавиной десятки и сотни тысяч кубических метров снега.

Вот и пришлось дорожникам начинать работу со строительства лавинной станции. Здесь, на четырехкилометровой высоте, вот уже два года бдительно несут вахту метеорологи, предупреждая строителей о грозящей опасности.

Скалы и снежные лавины, к сожалению, далеко не единственные преграды на пути дорожников.

У самого перевала мотор нашей «Победы» захлебывается на крутом подъеме. Мы выходим на дорогу. Первые шаги в гору — и сразу же высота дает знать о себе. Какая-то странная слабость в ногах. Трудно дышать. Хочется идти медленно-медленно. Дорога кажется бесконечной.

К высоте привыкают, но не все. Немало хороших специалистов пришлось оставить внизу, на других участках дороги. Но и те, кто осваивается здесь, на высоте, могли бы, вероятно, спокойно жить-поживать на Саланге, а вот работать по восемь часов в день нелегко.

Но люди работают. С каждым днем стальные машины все дальше вгрызаются в скалы.

Люди уже давно далеко ушли от дневного света, оставленного у входа в туннель. Здесь, в этой огромной каменной дыре, электролампы освещают влажные стены. Входишь туда — и тебя сразу до костей пронизывает холод. Ледяные капли беспрестанно падают на голову, лицо, плечи. Глухо урчат моторы. И гулко раздается под могучими сводами:

— Вася, нажми! Дай больше газку!..

К осени будущего года по дороге через Саланг пойдут первые машины. И великолепное шоссе с его почти десятиметровой шириной и твердым, долговечным покрытием из щебня, пропитанного битумом, никого, наверное, не наведет на мысль о том, как доставались людям эти километры дороги.

Взгляните на карту. От Кушки, на нашей южной границе, через Герат на Кандагар ведется сейчас еще одна дорога, пересекающая страну с севера на юго-восток.

В Наглу, в 70 километрах от афганской столицы, на берегу горной реки Кабул, строится крупнейшая в стране ГЭС. В Джелалабадской долине прокладывается оросительный канал. В горах скоро забьют фонтаны нефти.

Дороги... Нефть и электроэнергия... Оросительные каналы... Без всего этого немыслимо дальнейшее развитие страны.

Современный автоматизированный хлебокомбинат в Кабуле. Авторемонтный завод. Автобусы и машины. Строительство нового Кабула по новому генеральному плану. Сооружение огромного аэропорта в столице, который уже сейчас стал главными воротами в Афганистан.

Борьба с саранчой. Борьба с вредителями хлопка. Борьба с холерой и другими страшными болезнями.

Все это помощь советского народа дружественному афганскому народу.

Душа в душу

Есть в этой бескорыстной помощи такая сторона, о которой не узнаешь из официальных договоров и рабочих сводок.

На лесах новостроек, в поход-

Эти женщины еще носят чадру, но их дочери уже с самого детства живут по-новому — они ходят в школу. Чадра не закроет их юные лица. С каждым днем ширится поддерживаемое правительством страны движение против этого пережитка прошлого.

Мимо затерянного в горах селения, на высоте 3 500 метров, бежит эта новая дорога на Саланг.

ных конструкторских бюро и на рабочих площадках, у штурвалов машин и в поисковых партиях — всюду, где трудятся в Афганистане наши специалисты, обращаешь внимание на то, сколь необычен там сам производственный процесс. Вокруг каждого нашего специалиста всегда большая группа афганцев. Но это не учеба и не производственная практика. Это одновременно и учеба и труд. Нет времени на то, чтобы вначале учиться, а потом уже работать. Ведь впереди так много дел...

Сотни афганских шоферов, бульдозеристов, экскаваторщиков и других специалистов работают сегодня на новостройках страны. И все они бережно хранят одну справку. В ней говорится об их профессиональных знаниях, и подписана она советским инженером. Такой документ — мечта каждого афганского рабочего.

Афганца влекут к себе наши специалисты не только своими знаниями и опытом. Нет, дело не только в этом.

Искренняя человечность и неподдельный демократизм, высокое чувство собственного достоинства в сочетании с глубоким уважением к афганскому народу — все это не может не завоевывать сердца простых людей труда.

И сердца эти тем более отзывчивы, что афганцы перевидали на своем веку немало других специалистов из разных стран: Англии, США, ФРГ.

— Вначале, когда к нам приехали первые советские специалисты,— рассказывали мне афганские строители,— мы были даже немного смущены. Их скромность, вежливость, простота в обращении с рабочими кое у кого породили сомнения: а хорошие ли они специалисты? Никакого высокомерия, зазнайства, стремления отгородиться от местного населения — словом, всего того, что так присуще многим специалистам из капиталистических стран.

Присутствовавшие при разговоре наши инженеры заулыбались, и один из них сказал:

— Мы и сами, когда приехали на стройку, сначала почувствовали какую-то неловкость в отношениях с простыми рабочими. Подходишь к ним запросто, как у нас, в Союзе, говоришь, что и как нужно сделать, а они и слушают и в то же самое время не слушают. Потом только мы поняли: к другому тону они привыкли, имея до этого дело с иностранными специалистами. Мы свой тон, конечно, менять не стали, а они быстро потом поняли, что есть на земле и другого сорта специалисты, не такие, которых они знавали раньше. И вот теперь работаем и живем душа в душу.

Вместе с техникой, знаниями и опытом наши специалисты несут с собой новые человеческие отношения, новые представления о труде, о смысле и месте его в жизни.

Среди наших специалистов есть и женщины: инженеры и техники, врачи и метеорологи, переводчицы и чертежницы. Их первое появление на стройках ошеломило афганских рабочих.

Женщина что-то может? Она будет учить и командовать?! Подчиняться ей?!

Все это казалось невероятным в стране, где чадра еще часто остается непременной частью женского туалета, где женщина вообще веками ничего не знала, кроме глухих стен своего дома.

Наши женщины-специалисты вносят свой немалый вклад в общий труд посланцев нашей страны на стройках Афганистана. Но уже факт их работы там значит сам по себе неизмеримо много для сегодняшнего Афганистана и его будущего. И уже сегодня к нашим женщинам-специалистам афганские рабочие прислушиваются так же внимательно, как и к нашим специалистам-мужчинам.

Пусть на улицах афганских городов еще много женщин в чадре. Но и открытых женских лиц, живых, смуглых, с горящими глазами, уже немало, с каждым днем все больше и больше.

По улицам веселой стайкой спешат в школы девчушки в черных платьицах с белыми воротничками. И они же в бойскаутской форме цвета хаки с достоинством следят за порядком во время футбольного матча на стадионе. Смотришь на них и веришь, что чадра никогда не закроет эти юные лица.

...В ранние утренние часы — здесь просыпаются очень рано,— когда наши инженеры и техники начинают свой новый рабочий день на трассах дорог и лесах строек, другие посланцы нашей страны идут в Кабульский университет, в больницы, в библиотеки, в театр, на радиостанцию.

Вот входит в Кабульский городской театр Шамси Киямов, режиссер Таджикского академического театра драмы имени Лахути в Душанбе. Радостно входить в это светлое, построенное по последнему слову техники здание. Оно сооружалось с помощью наших специалистов. Шамси Киямова с нетерпением ждет вся труппа. Под руководством опытного режиссера кабульские артисты готовят к постановке пьесу одного современного египетского драматурга.

К небольшой ранее труппе присоединяются все новые и новые люди, желающие учиться у советского режиссера.

— Вы знаете,— говорил как-то Киямову один из таких усердных вольнослушателей,— я очень многим жертвую, чтобы приходить сюда на занятия. Ведь я купец, и в часы занятий лавка моя закрыта. Это большой убыток! Но я не могу не приходить сюда.

С утра до позднего вечера афганские музыканты не отпускают из студии Кабульского радио Усмана Мадьярова, главного дирижера оркестра радио и телевидения Душанбе. Здесь два больших коллектива: оркестр народных инструментов и джаз-оркестр.

— В оркестре народных инструментов,— рассказывает Мадьяров,— есть хорошие исполнители, годами игравшие на слух. С каким самозабвенным интересом учатся они сейчас! Увлекательное у меня дело. Уже отваживаемся давать концерты в крупнейших залах Кабула... Скоро поеду за семьей в Душанбе. Года два надо здесь поработать.

«Нет — войне!»

В древние времена уходит история Афганистана. Немало воды утекло за это время, большие перемены произошли, но одно осталось неизменным: почти круглый год солнце сияет над этой горной страной в голубом небе, на котором нет ни единого облачка.

Мирный и свободолюбивый народ живет под этим безоблачным небом. Он полностью поддерживает политику нейтралитета, проводимую правительством Афганистана. Но факты говорят о том, что кое-кому этот нейтралитет, словно кость в горле. Не так давно, например, в английской газете «Таймс» появилась статья ее специального корреспондента, которая имела, мягко говоря, странный заголовок: «Афганистан: нейтралитет в муках». И сам этот заголовок и содержание статьи говорят о том, что политика нейтралитета не по душе ни автору статьи, ни тем, кто стоит за ним. И напрасно, конечно, свои мучительные переживания по этому поводу они пытаются приписать афганскому народу.

В последнее время подобное недовольство нейтралитетом Афганистана начинает находить свое отражение в документах более опасного свойства, чем газетные статьи. В августе ТАСС предал гласности содержание некоторых документов СЕНТО. Из этих документов, в частности, следует, что в качестве объектов ядерной бомбардировки в случае войны намечен ряд районов Афганистана, в том числе район Кабула.

Весь афганский народ говорит «Нет!» могильщикам из СЕНТО.

В редакциях газет и лавках купцов, на стройках и стадионах — всюду, где бы я ни беседовал с афганцами, они с яростным возмущением говорили о чудовищных планах СЕНТО превратить их родину в зону опустошения и смерти.

Афганский народ многому научился за долгие годы героической борьбы за свободу, против колонизаторов.

Студенты Кабульского университета прочитали мне старую афганскую газель, в которой говорится:

Мы видели, как не один раз когти сокола
терзали тело афганца.
Британия не один раз нападала на нас,
пытаясь сокрушить наше дело.
Сколько раз она, злодейка, прикидывалась
нашим другом...

Нет, афганский народ не позволит, чтобы когти хищника терзали его тело. Он хорошо знает, кто его друг, а кто враг. Он не позволит, чтобы ядовитые атомные грибы закрыли солнце, сияющее в безоблачном небе Афганистана. Порукой тому — прочная советско-афганская дружба.

Кабул. Улица в базарный день.

Когда едешь по Афганистану, создается впечатление, что на стройку вышла вся страна,— так много экскаваторов и бульдозеров, грузовиков и тракторов. И почти на всех машинах — советская заводская марка.

«Продается поселок»

«Жители поселка Монтелеоне Рокка Дориа, решив переселиться в другие места, готовы продать весь поселок, расположенный в живописной местности на высоте 370 метров над уровнем моря, вместе со школой, ратушей, богадельней, кладбищем и исторической церковью. С предложениями обращаться к старосте или любому жителю Монтелеоне».

Что кроется под этим объявлением, напечатанным в итальянских газетах? Что заставляет 300 человек бросить родные дома, поля и искать счастья на чужой стороне?

Нищета и голод!

К поселку примыкают 1 300 гектаров каменистой земли. Лишь ничтожная часть ее пригодна под огороды. Здесь 70 семейств с неимоверным трудом выращивают овощи, чтобы как-нибудь прокормиться.

«У нас ничего нет. Наших сил хватит только, чтобы уйти отсюда куда глаза глядят»,— говорят замученные многолетней нуждой крестьяне.

Улица Монтелеоне.

На страницах итальянской печати развернулась дискуссия — правомочны ли жители Монтелеоне распоряжаться общественными и религиозными постройками? Вот что волнует правящие круги Италии, а не судьба 300 крестьян, обреченных на голодное существование.

Почему пьют шведы

Комитет трезвости шведской столицы провел среди жителей Стокгольма специальное обследование. Как выяснилось, в последние годы здесь непрерывно растет алкоголизм, который стал распространенным явлением как среди мужчин, так и среди женщин. По данным комитета, в течение шести лет число алкоголиков в Стокгольме увеличилось среди мужской части населения на 141 процент, а среди женской — на 174 процента. Причины? Комитет трезвости называет их: «неустроенность в жизни, преждевременный моральный износ, слишком тяжелое давление на психику».

ГЕНКА И БРАТ

Варвара КАРБОВСКАЯ

Луна, не отрываясь, глядит прямо в окно. Снизу оно задернуто белой занавеской. Генка стоит у окна. Луну ему видно, а разглядеть то, что в палисаднике, он не может. Если немного отодвинуть занавеску, там, снаружи, могут заметить, что она колыхнулась. Он уже пробовал заглянуть в дырки на занавеске, но ничего не видно. Это не просто дырки, это вышивка, называется ришелье. Мать вышивала. Она любит вышивать. Сделает занавески, принимается за скатерть, покончит со скатертью, берется за диванные подушки. Алексей, старший брат, говорит, что вышитые тряпки — мещанство.

А Генке все равно. Он этим не интересуется, он занимается самоусовершенствованием. Длинное слово. Они с ребятами для краткости говорят СУ. Слово длинное, но и дело долгое. Нет-нет да на чем-нибудь и сорвешься.

Первый раз он услышал об этом СУ в клубе. Выступал приезжий лектор. Генка с ребятами пришел не на лекцию, а в кино. А то потом не сядешь. Но и лекция оказалась ничего, не скучная. Говорилось о хороших людях. О матросе, который спас женщину с ребенком, о семье, где воспитывалось семеро чужих детей, как в картине «Евдокия». О смелых дружинниках. Это было, пожалуй, интереснее всего. Лектор сказал:

— Люди должны уважать друг друга. И на работе и в семье — везде. Человек человеку — друг, товарищ и брат.

Эти слова Генке понравились — друг, товарищ и брат. Вроде клятвы на верность.

Лектор еще говорил о воспитании молодежи, много и подробно. А под конец сказал об этом самоусовершенствовании, но объяснять не стал, потому что время уже истекло.

— Благодарю вас за внимание, товарищи. Вам еще предстоит смотреть фильм. До свидания.

Генка нагнал лектора почти у самой автобусной остановки.

— Простите, пожалуйста, я вот чего хотел спросить... это самое... самоусовершенствование. Нам с ребятами интересно.

Лектор отогнул рукав и посмотрел на часы.

— Автобусы у вас ходят аккуратно?

— Аккуратно. Вон уже идет. Вы не успеете, да? Следующий будет через 15 минут. Вы не можете, да?

— Не могу, мальчик. Я спешу, я уже и так много времени потратил,— сказал лектор и ринулся к автобусу.

Генка подождал, пока он влезет на подножку, и громко сказал:

— Вы время потратили не даром. Вам за это деньги платят.

Лектор только успел сказать: «Ну и ну!»,— и автобус уехал. А Генка вернулся в клуб.

У кого же спросить? Отец в Чехословакии, поехал делиться опытом со строителями. С матерью на эту тему не разговоришься. Она всегда отвечает вопросом на вопрос: «А ты уроки выучил? А ты полил цветы?» Спросить у Алексея? Все-таки старший брат, он мог бы объяснить. Но он сам делает ошибки в жизни. Это отец говорил еще перед отъездом. Он сказал Алексею:

— Мне последнее время не нравится твое отношение к работе. Ты говоришь только о получках и хвалишься: получил, сгреб, схватил. А про работу ничего.

— А что о ней говорить? — спросил Алексей.— Работаю — и все. Вкалываю. И получаю не за что-нибудь, а за свой труд.

— Еще бы ты за что-нибудь получал,— сказал отец.

Мать спросила:

— Вы обедать-то будете?

Как всегда, задает вопросы.

— Сейчас,— сказал отец и продолжал разговор уже за едой:— У тебя нет увлеченности, влюбленности в работу.

При слове «влюбленность» Алексей улыбнулся и сказал:

— Работаю как умею. Не понимаю, что тебе еще нужно. Совершенно образцово-показательный сын: окончил школу, пошел на завод слесарить. Готовлюсь в институт. Через год буду подавать уже с рабочим стажем. А насчет влюбленности,— он опять улыбнулся, но не просто, а как-то пренебрежительно,— то влюбляться в работу мне незачем, это временное. Я же не собираюсь вечно быть слесарем. Буду инженером. Машиностроителем. Это решено.

— У тебя появилось какое-то высокомерие или пренебрежение, что ли,— сказал отец.— И не только к работе, но и к дому.

— Почему? Я делаю все, что требуется.

— Что требуется — да. Но я тебе скажу, если на то пошло, не делаешь и того, что требуется. Мне неприятно об этом говорить, но ты из последней получки не дал матери ни копейки. А ты сам обещал, что будешь давать.

— Да что вы на самом-то деле! — сказала мать.— Алеша два раза ходил в поход, истратился. Как будто нам не хватает!

— Можете меня не кормить.— Алексей отодвинул тарелку и встал из-за стола.

— Не дури,— сказал отец.— Садись.

Алексей сел.

— Я говорю о несдержанном обещании, а не о деньгах. И сходить с ребятами в поход — это недорого стоит. Конечно, если не покупать коньяк, как вы это делаете.— Алексей промолчал.—Ты, кажется, хвалился: по бутылке на брата? Не много ли?

Алексей опять улыбнулся.

— Нет, в самый раз: на сутки. Пьяными не были.

— Но и трезвыми были едва ли,— сказал отец.— А с вами ходили девушки.

— Они тоже пили,— сказал Алексей.— Правда, мы им много не дали: не в коня *корм.

— И Галя тоже пила?

Алексей сощурился и стал чертить вилкой по тарелке.

— А при чем тут Галя?

— О Гале у нас потом будет особый разговор. Мы с твоей матерью познакомились...

— Знаю,— сказал Алексей,— когда тебе было восемнадцать. А поженились через пять лет. Ну, а мне пока еще только двадцать. И я ни на ком жениться не собираюсь. Когда стану инженером, тогда подумаю. Но уж выберу себе что-нибудь подходящее, а не счетоводку.

— Как? — спросил отец.

— Не счетоводку,— повторил Алексей.— И вообще эти разговоры «я в твои годы... когда мы были молодыми» и так далее — все это я уже слышал. Не надо забывать, что мы другое поколение. Мы дети войны!

И тут отец рассердился. Он сказал:

— Чтоб я этого больше не слыхал! Вот она, твоя мать, а никакая не война! Женщина, которая спасла тебя от войны. И запомни это раз и навсегда. А про счетоводку, как ты выразился, мы еще поговорим. Если ты Галю чем-нибудь обидишь, ты будешь в ответе, запомни.

...Значит, с Алексеем о СУ разговаривать было нечего. Он брат, но он не товарищ и друг. Иногда бывает, но очень редко. О себе никогда ничего не рассказывает или только так: ходили в поход на озера, были у Мишки, тяпнули с ребятами... Про Галю ни полслова. А Генке известно все: что он гуляет с ней и целуется. Но только зачем же он назвал ее счетоводкой? Что отец говорил с Алексеем о Гале, неизвестно. Отцу и матери Галя нравится, Генке тоже. Она тихая и красивая.

Слово «самоусовершенствование» растолковала ему Галя. Это значит, ну, что ли, работать над собой, стараться быть принципиальным, честным, смелым, вообще расти.

Галя выше Генки почти на целую голову. Везет же людям! Алексей тоже высокий, в отца. А Генка, наверно, в мать: она маленькая и довольно толстая. Для женщины это ничего, а ведь Генка хотя и мальчик, но мужчина. Он понимает, что Галя сказала «расти» в смысле развиваться. Но и в смысле вышины тоже бы неплохо. Может быть, делать зарядку, подтягиваться? Это тоже СУ.

И вот сейчас, стоя за занавеской, Генка думает: подглядывать тоже, конечно, подло. Это уже не СУ. Но как же быть? Он любит Галю, она ему товарищ и друг. А Алешка — брат, но сейчас он его определенно не любит. Как можно было сказать «счетоводка» и «уж, конечно, я выберу себе что-нибудь другое, когда задумаю жениться», а потом сидеть под вязом и с этой «счетоводкой» целоваться? Не со счетоводкой, а с Галей. С тихой и красивой Галей.

Алешка врет ей. Сказал: «Я просил отца привезти из Чехословакии спортивную куртку. Я видел у одного баскетболиста, блеск!—А потом добавил: — Я просил, чтоб отец тебе тоже купил какой-нибудь сувенир. Но не знаю, сможет ли, у него там будет мало денег...»

Зачем соврал? Чтоб показать ей, что он о ней заботится? Про куртку он действительно канючил три дня подряд, а про Галю даже не заикнулся. Отец, наверно, сам привезет, он очень хорошо относится к Гале. Но зачем врал Алексей?..

А луна все глядит в окно. Генка тоже глядит ей в лицо и мысленно грозит: «Дождешься, матушка. Когда-нибудь побываю у тебя, тогда припомню».

Луна не захотела портить отношений с будущим космонавтом и прикрылась ватным облаком. Теперь можно немного отдернуть занавеску. Да нет же, вовсе не для того, чтобы подглядывать! Совершенно не для этого, а чтоб спасти Галю от Алешкиного вранья. И чтоб он ее не обидел, так сказал и отец.

Как Генка будет спасать, он еще не знает. Вот они сидят на скамейке под вязом. Алексей обнял Галю и что-то ей говорит, а она качает головой. Он целует ее, она отводит его руку. Вязаная кофточка сползает с ее плеча и падает на землю. Подняп бы! А он ничего не

видит и опять за свое. И наступил на кофту ногой.

Генка сам не знает, что делает: толкает раму и захлопывает ее со стуком. Алексей отшатывается от Гали, оба смотрят на окно. Галя вскакивает со скамейки, споткнулась о кофточку, подняла и быстро идет к калитке. Алексей *опять* смотрит на окно, наверно, он думает, что это мать стукнула. Испугался. Значит, есть чего бояться? Догоняет Галю, наверно, пойдет ее провожать, может быть, попросит прощения... Нет, что-то говорит, показывает на дом. Галя уходит одна. Одна, ночью, через весь поселок. А Алешке хоть бы что...

И в это время просыпается мать. В спальню дверь открыта.

— Что это стукнуло? Гена, ты почему не спишь?

Она даже спросонья задает вопросы.

— Я сплю,— говорит Генка.— Я проснулся, потому что рама стукнула. Ветер.

Он бежит к себе и ныряет в постель. Они с Алешкой живут в одной комнате. Возвращается Алексей очень тихо. Но мать услышала.

— Это ты, Алеша?

Генка думает: «Только бы ничего больше не спрашивала».

Но мать спрашивает:

— На улице ветер? Генка только что захлопнул окно. Надо затворять с вечера.

— Никакого ветра нет,— говорит Алексей.— Прекрасная погода. Спи, мама.

«Сейчас будет...»—думает Генка и отворачивается к стене.

Алексей входит в комнату и закрывает дверь.

— Ты зачем хлопнул окном? Ты что, подглядывал?

Генка молчит.

— Я тебя спрашиваю: ты подглядывал?

Молчать не имеет смысла, все равно не отмолчишься. Генка садится на постели.

— Я не подглядывал. Или да, подглядывал! Но совсем не за этим. Ты зачем называл Галю «счетоводкой» и сказал, что она для тебя плохая, ты себе другую найдешь, а с ней целуешься? Врешь, значит?

— А тебе какое дело?

— Ты не смеешь ей врать! Я Галю люблю, а тебя...

— А мне плевать, как ты ко мне относишься. Люблю, главное дело! Любовник нашелся! Детям до шестнадцати лет смотреть не разрешается!

— Ну, знаешь!..— Слово «любовник» возмутило Генку до глубины души.

— Я знаю, что я тебя вздую в конце концов.— И Алексей шепотом произносит такие слова, за которые Генка сейчас же может вскочить и убить его. Но убить нечем. Он кидает в него подушкой и кричит:

— Ты мне больше не брат!

Дверь открывается, входит мать, зажигает свет. И задает вопросы:

— Что случилось? Что у вас тут происходит? Почему вы не спите?

— Твой красавец за мной шпионит! — говорит Алексей.— Он подглядывал в окно.

— А что ты делал?

— Ничего особенного.

— Неправда! — кричит Генка.— Он...— но останавливается и смотрит на Алексея свирепыми глазами. Он может сказать матери: Алешка целовал Галю так, что прямо страшно было смотреть. Но он этого не скажет. Есть вещи, которые нельзя говорить никому третьему, даже если этот третий — собственная мать. Только с глазу на глаз, как мужчина с мужчиной. Алексей смотрит на него выжидающе. Генка говорит непримиримо и гордо:

— Он истоптал ее новую вязаную кофточку. И не проводил. Она пошла одна через весь поселок. Ночью.

Мать садится на стул, смотрит на Алексея. Она не понимает и задает вопросы:

— Алеша, как можно? Новую кофточку? Зачем ты это сделал? Вы что, поссорились?

Алексей прищуривается на Генку. Может быть, он думает: «Разыграл благородство, ждешь, что я буду выкручиваться?»

— Мы совершенно не ссорились,— говорит Алексей.— И на кофту я наступил нечаянно, даже не заметил. А если Геннадий распсиховался, то это вовсе не из-за кофты, а из-за того, что мы целовались. Если он глуп не по возрасту и в свои тринадцать лет ни черта не понимает, то ты-то чего? Как будто не знаешь, как бывает? Как парни с девушками целуются?

— Алеша,— говорит мать. Она уже не задает вопросов, она говорит: — Я все знаю: и как целуются и что бывает... Ты вот сказал: ничего особенного,—а для каждой девушки это особенное.

— Для наивных мещанок, конечно,— говорит Алексей.

Генка сидит на постели и переводит глаза с матери на брата. Он вцепился в одеяло руками, чтобы опять чего-нибудь не натворить. «Глуп не по возрасту? Ошибаетесь, Алексей Фролов, ваш бывший младший брат знает гораздо больше, чем вы воображаете. Он все знает. Потому и следит за вами, потому что вы подлец, как... как Дантес! Или как заведующий ларьком, которого недавно судили в клубе...»

Мать говорит:

— Нет, Алеша, ты меня не перебивай, ты выслушай. Сядь-ка.

Алексей садится на кровать, закуривает и говорит скучным голосом:

— Наверно, сегодня спать не будем. А мне в шесть на работу.

— Ничего,— говорит мать,— успеешь выспаться. А уж раз такое дело и отца нет дома, я скажу. То же самое скажу, что и отец сказал бы. Ты говоришь: мещанки наивные? Нет, Алеша, девушки в любовь верят, это не мещанство.

Алексей перебивает:

— Да что ты мне про любовь толкуешь? Я Галине ни о какой любви не говорил.

— Значит, так, без любви целуешься. Нынче с одной, завтра с другой.

— Ох-х-х !..— Алексей подпирает голову рукой и качается из стороны в сторону, чтобы показать, что этот разговор, как зубная боль.

— А ты не искажайся, не на сцене, самодеятельность тут не устраивай.

Это у матери получилось так строго, что Генка даже не ожидал. Оказывается, мама может не только задавать вопросы. Всегда отец вел все трудные разговоры, а теперь она. Молодец мама! Она говорит о любви, что это не развлечение после работы: нельзя одному развлекаться, пока не надоест, а другому страдать. И еще об уважении и жалости. Генка подумал: жалость — это обидно; жалеть можно кошек и собак, он сам их жалеет, а человека? Но мать опять будто догадалась про его мысли и сказала, что жалеть надо бережно. Вот они с отцом друг дружку жалеют. Иногда хочется из-за чего-нибудь поругаться, а подумаешь, стоит ли, и промолчишь или начнешь о другом. Еще мать сказала, что Галя чистая и светлая, ее обманывать нельзя.

— Да кто обманывает? — несчастным голосом спросил Алексей.— Я же ей ничего решительно не обещал! Ну целовался! Значит, с какой девчонкой целуешься, сразу на той и жениться? Не жирно ли?

Мать вздохнула и сказала:

— Ах, Алешка, Алешка, каждая девушка ждет любви и хочет, чтоб любовь была настоящая, на всю жизнь. Человека нужно беречь. Если ты ее не любишь, ты ей голову не крути. Не такой она человек, чтобы побаловаться и бросить.

— Да кто тебе сказал, что я ее не люблю! — Алексей схватил новую папиросу.

«Интересно,— подумал Генка.— Только что сам говорил, что не любит. Ну и трепло!»

— Я только говорил,— сказал Алексей,— что пока жениться не собираюсь. С двадцати лет, с ума сойти!

Генка хотел сказать: «Сходить не с чего, когда ума нет»,— но промолчал.

— Тебя никто не торопит,— сказала мать.— Тебе хоть и не нравится, когда мы с отцом приводим примеры, а как не привести? Мы друг дружку полюбили, когда мне семнадцать было, а отцу восемнадцать. Но поженились только через пять лет.

— И ты веришь, что у него никого не было? — спросил Алексей.— Он же учился в Москве, а ты жила здесь.

«Какие вещи спрашивает?! — с ужасом подумал Генка.— Как только язык повернулся! Это же Мазепа-предатель, пробы негде ставить!»

Мать сказала:

— Я верила, что он меня любит. А ты все-таки подумай. Отец завтра приедет, мы еще об этом поговорим. Он лучше скажет, он мужчина. И он тебе Галю обижать не позволит. Я знаю.

Мать погасила свет, ушла и закрыла за собой дверь. Генка подумал: «Вдвоем оставаться после такого разговора — это как с волком в одной берлоге. Но я не Красная Шапочка. Не слопает, подавится! И мама рядом, за стенкой».

Алексей лег в постель. Молчит. Только летает красная точка папиросы. И вдруг говорит:

— А ты все-таки сволочь, Генка.

— Очень возможно. Только это еще вопрос,— ответил Генка так спокойно, как только мог.

— Может быть, и Галине насплетничаешь?

— А я, было бы тебе известно, не сплетничаю, а говорю то, что думаю. Про куртку, может быть, скажу.

— Про что?

— Про то. Великолепно знаешь. Выпрашивал у отца, чтоб он тебе куртку привез. А Гале сказал, что и для нее просил. Сувенир! И врал. О Гале даже не заикнулся. Только о себе, как всегда.

— Ах, так! А вот отец привезет куртку, а я возьму и подарю ее Гале! Тогда будешь моргать, как последний подонок и сплетник.

— Не буду моргать. Ты жмот, не подаришь, не расстанешься.

— А это мы еще посмотрим.

— Посмотрим, конечно. Поживем — увидим.

И тут Генка уснул, как провалился. Он проснулся, когда Алексей уже ушел на работу. Генка вспомнил все вчерашнее—как сон. Что теперь будет? Вот тебе и СУ! Нет, за Галю вступился — правильно. Алексея не побоялся— тоже правильно. Но тут уже не самоусовершенствованием пахнет, а жутким скандалом...

И вспомнил, что сегодня приезжает отец. Днем. До того, как Алешка вернется с работы. Хорошо, что он приезжает.

Мать увидела, что Генка проснулся, и спросила:

— В школу не опоздаешь? Или у вас сегодня экскурсия?

И больше — ни о чем. Генка подумал: «Какая все-таки, мама... Умеет она задавать вопросы...»

Рисунки Ю. Черепанова.

Старший тренер сборной команды СССР К. Кудрявцев дирижирует бегом своих питомцев.

Но это не значит, что советские скороходы изменили многоборью. В Горьком состоится чемпионат страны, на котором определится не только сильнейший многоборец Советского Союза, но и та шестерка, которая выступит на первенствах мира и Европы.

Конькобежный сезон, как обычно, начался уже в декабре. Однако наиболее напряженный месяц — январь, когда и будут проведены чемпионат СССР среди мужчин и женщин по многоборью и состязание сильнейших молодых скороходов на высокогорном катке в Медео. А в феврале, помимо первенства мира, которое состоится 17—18 февраля в Москве, советские спортсмены, так же как и в минувшие годы, проведут традиционные матчевые встречи со скандинавскими скороходами, а также выступят на первенстве Европы.

Кто же будет защищать честь нашей страны на чемпионатах Европы и мира и на других международных соревнованиях?

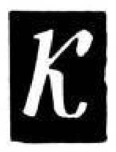
В конце прошлого спортивного сезона немало разговоров велось о том, что не все благополучно на ледяных дорожках. Основным поводом для этих тревожных высказываний послужил проигрыш Виктором Косичкиным первенства мира в Швеции. А если бы Косичкин стал не только чемпионом Европы, но и чемпионом мира?

Спор „длинных тр

Спортивное обозрение

А. ПИСКАРЕВ

Фото Л. Бородулина и А. Бочинина.

Конькобежная зима предстоит большая: в Свердловске проводится зимняя Спартакиада народов СССР, а в Москве состоится чемпионат мира — спор «длинных трубок», как называют в Скандинавии беговые коньки. Борьба за золотую медаль, за звание самого быстрого, а вернее, самого разностороннего, скорохода в мире будет нелегкой.

Однажды у пятикратного чемпиона мира норвежца Ивара Балангруда спросили:

— Что вы сделали для того, чтобы одержать победу на первенстве мира?

— Я сделал две тысячи шагов,— ответил Балангруд.

В конькобежном многоборье разыгрываются четыре дистанции, за два дня спортсмены пробегают сорок два с половиной круга, что и составляет около двух тысяч шагов.

Но в конькобежном спорте счет ведется не на шаги, а на очки. В основу этой системы ложатся секунды, полученные скороходом на первой дистанции многоборья — 500 метров. Например, если спортсмен пробежал 500 метров за 44,6 секунды, то в судейских протоколах они превращаются в 44,6 очка. Затем к ним прибавляются показатели бега на 5 000 метров. Представим, что спортсмен показал на этой дистанции 8 минут 23,2 секунды, то есть 503,2 секунды. Они делятся на десять и превращаются в 50,32 очка. Время, показанное на полуторакилометровой дистанции, делится на три, а на десятикилометровой — делится на двадцать.

Сложенные вместе, очки определяют сумму конькобежного многоборья. Как видите, подсчеты эти не очень сложны и не выходят из пределов четырех арифметических действий, но победная сумма требует «высшей математики» мастерства. Не сразу освоили его наши конькобежцы. Впервые они испытали свои силы на чемпионате мира 1948 года в Хельсинки и потерпели внушительное поражение. Но вот прошло еще пять лет неустанных поисков, упорных тренировок, и на том же хельсинкском льду советский скороход Олег Гончаренко был увенчан лавровым венком чемпиона мира.

Появился Олег Гончаренко на ледяном горизонте незадолго до своего первого успеха и неожиданно для многих. На всесоюзном чемпионате общества «Динамо» к своему тренеру подошел огорченный мастер спорта Николай Урусовский и стал жаловаться:

— У всех напарники сильные, а мне какого-то Гончаренко из Харькова подсунули. Придется бежать без борьбы — одному.

— Смотри, парень,— сказал кто-то из харьковчан,— не ошибись.

И действительно, Гончаренко выиграл не только у Урусовского, но и у многих других...

После победы Гончаренко в Хельсинки наши конькобежцы не раз увозили с крупнейших международных соревнований золотые медали. Гончаренко еще дважды провозглашался сильнейшим скороходом мира, золотые медали чемпиона мира и страны хранятся у Бориса Шилкова и Бориса Степнина, на Белой олимпиаде в Кортина д'Ампеццо олимпийские медали были вручены Евгению Гришину, Юрию Михайлову и Борису Шилкову, а в прошлом году, на зимних Олимпийских играх в Скво-Вэлли,—снова дважды—Гришину и Виктору Косичкину.

Да, советские скороходы теперь являются самыми грозными соперниками для норвежцев, финнов, шведов — традиционных лидеров в конькобежном спорте. Какова же расстановка сил перед новым сезоном? Что увидим мы на ледяных дорожках?

На Спартакиаде народов СССР в Свердловске будут определены восемь чемпионов Советского Союза по каждой из дистанций мужского и женского многоборья.

Гарантировало бы это нас от неприятных сюрпризов в нынешнем сезоне? На мой взгляд, отнюдь нет. Тревожит состав сборной команды страны. Просматриваешь список, в котором двадцать два имени, и диву даешься. Где же молодежь, которая смело могла бы спорить с нашими ветеранами? В сборную вместе с известными скороходами включены, правда, молодые спортсмены: москвич Юрий Юмашев, кировчанин Владимир Свешников, свердловчане Борис Гуляев и Николай Кайдалов, Юрий Воротников из Челябинска и Анатолий Лепешкин из Новосибирска,— но это пополнение малочисленно и еще недостаточно опытно для борьбы за золотые короны на первенствах континента и мира.

В последние два-три года была допущена большая ошибка: опьяненные успехами Гончаренко, Меркулова, Гришина, Косичкина, Степнина и Котова, наши тренеры недостаточно активно вели поиски новых талантов.

А на зарубежных катках за последние два сезона новые таланты появились. Когда на первенстве мира 1960 года в Давосе прозвучало имя французского скорохода Андрэ Куприянова, претендента на призовое место, все бросились к нему с расспросами. Где во Франции мог вырасти высококлассный конькобежец?

Оказалось, что Куприянов долго тренировался в Норвегии. А на следующем мировом чемпионате, в Гетеборге, новая сенсация: золотую медаль завоевал голландец

убок"

Ван дер Грифт. Что знали мы до этого о двадцатипятилетнем механике, оставившем на втором месте чемпиона Европы Виктора Косичкина? Очень немного. Он, казалось бы, не подавал больших надежд: ведь в Голландии лед дефицитен, так же как и во Франции. А в Гетеборге на трибуне почета Косичкин оказался в голландском окружении: третье место также завоевал скороход этой страны — девятнадцатилетний Руди Либрехтс.

Но и тут обошлось без чуда: Ван дер Грифт и Либрехтс, так же как и Куприянов, так сказать, дети чужих катков. Голландцы также тренировались в Норвегии, устроившись на работу в маленьком городке Фагернесе — тренировочном центре скандинавских конькобежцев.

По сведениям, которые поступают из-за рубежа, известно, что голландцы усиленно готовятся к московскому чемпионату. Ну что же, обстановка для голландцев очень благоприятна. Дело в том, что у норвежских скороходов сейчас идет смена состава, а скандинавы на ледяной дорожке всегда являлись соперниками № 1. Но норвежский кризис никак не отразится на остроте борьбы. Возможны сюрпризы в спринте со стороны японца Нагакуба, американца Диснея, шведа Вильгельмссона, а в многоборье охотников до золотой медали тоже немало. Нельзя совсем сбрасывать со счетов и именитых норвежцев Кнута Юханнесена, Роальда Оса и молодых их товарищей Магне Томаса, Эдмонда Лундстена. А к ним нужно добавить еще и финнов — Салонена, Ярвинена и Тапиоваара.

Недавно Виктор Косичкин—наш олимпийский и европейский чемпион — на вопрос, кто наши основные соперники на первенствах мира и Европы, ответил: «Конечно, голландец Ван дер Грифт, француз Куприянов и швед Нильсон». Мне же думается, что список претендентов на лавровый венок намного больше, и советским скороходам придется немало потрудиться, чтобы оставить его в Москве.

...Мы очень много внимания уделили в нашем обзоре мужчинам и еще ни слова не сказали о замечательных успехах наших спортсменок.

Всему миру известны имена Марии Исаковой, Риммы Жуковой, Софьи Кондаковой, Лидии Селиховой, Инги Ворониной, Тамары Рыловой и, наконец, Лидии Скобликовой и Валентины Стениной. Все лавровые венки чемпионов мира начиная с 1948 года (кроме 1953-го, когда наши спортсменки не принимали участия в мировом первенстве) находятся теперь в Советском Союзе. И я не сомневаюсь, что чемпионом мира 1962 года также станет одна из советских скороходок.

Итак, коньки вытащены из ножен — чехлов. Спор «длинных трубок» продолжается.

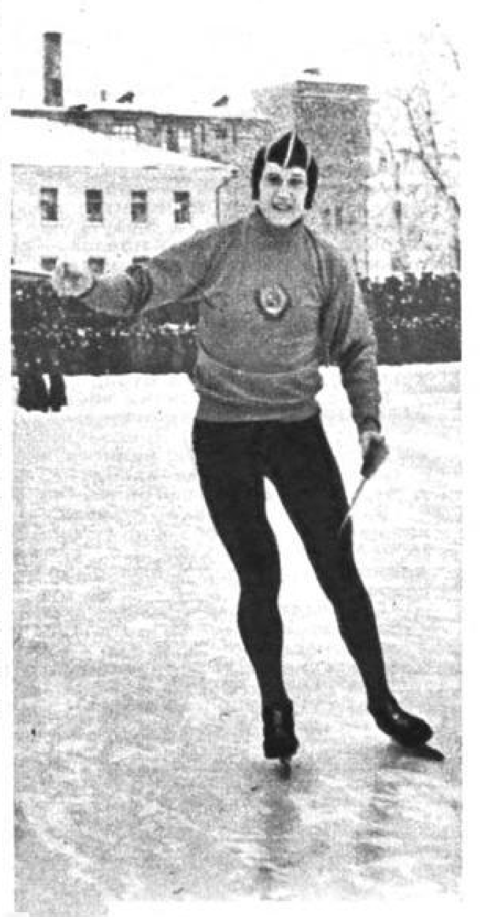

Б. Стенин на дистанции.

Один из сильнейших многоборцев, Р. Меркулов.

Олимпийский чемпион В. Косичкин.

В БАКУ ЖАРКО

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

Шахматисты всего мира до сих пор смеются, когда вспоминают заявление английского журнала «Чесс» о том, что «секрет» успехов советских шахматистов следует объяснить холодным климатом России. В Средней Азии жарко, но и там шахматы весьма популярны. Не очень холодно и в Закавказье, а шахматы любят и в Грузии, и в Армении, и в Азербайджане.

Ереванцы гордятся Тиграном Петросяном, бакинцы имеют своего кумира — Владимира Багирова, тбилисцы до сих пор болели за Бухути Гургенидзе, а теперь души не чают и в Ноне Гаприндашвили.

Кто из любителей шахматной игры не слышал об этой двадцатилетней девушке! Недавно Нона добилась нового успеха. В Югославии тбилисская шахматистка обеспечила себе право на матч с чемпионкой мира Елизаветой Быковой. (Не вдаваясь в подробности относительно шансов в предстоящем поединке, хочется лишь сказать, что матч Нона — Лиза будет весьма интересным.)

Когда кончался женский турнир в Югославии, внимание шахматистов перенеслось в Азербайджан. В Баку съехались соискатели золотой медали чемпиона Советского Союза. Среди участников нет М. Ботвинника. Чемпион мира сейчас занят научной деятельностью, но он не завершил еще 1961 год как шахматист. Ботвинник собирается принять участие в традиционном турнире в Гастингсе (Англия).

Не смогли испытать свои силы в бакинском чемпионате Т. Петросян, В. Корчной, Е. Геллер, Л. Штейн. Участие в чемпионате — серьезный экзамен мастерства, но межзональный турнир уже на носу.

Многие известные шахматисты, несомненно, с удовольствием будут вспоминать 1961 год. Куда худшие воспоминания останутся, скажем, у В. Смыслова и Б. Спасского. Они, как известно, не попали в межзональный турнир, а Смыслова ждали еще неприятные сюрпризы и в Баку.

Звание чемпиона СССР наряду со званием чемпиона мира — самое авторитетное. А кроме того, в случае победы обладатель золотой медали имеет шанс на «пересмотр дела» и, может быть, в последнюю минуту получит визу на межзональный турнир, хотя бы в качестве запасного.

Борис Спасский, единственный из наших ведущих гроссмейстеров, не имеет золотой медали чемпиона СССР. Вероятно, это обстоятельство и помогло ему хорошо стартовать. П. Кересу удалось каким-то чудом спасти с ним свою партию, в которой он был обречен всеми авторитетами, но Смыслову не удалось «отвертеться». Спасский умело использовал создавшиеся тактические осложнения.

Это было лишь первым звеном в цепи последующих неудач Василия Смыслова. В тот самый момент, когда казалось, что борьба за лидерство пойдет между московским и ленинградским гроссмейстерами, В. Смыслов проиграл М. Тайманову, которому еще ни разу не удавалось победить экс-чемпиона мира. Таким образом, В. Смыслов после седьмого тура уже утратил положение лидера, а затем проиграл еще одну партию, на сей раз молодому шахматисту Б. Владимирову. Итак, экс-чемпион мира потерпел три поражения — не похоже на Смыслова!

Зато грех жаловаться Ратмиру Холмову. Он играет в чемпионате отлично и является главной угрозой Спасскому. Достаточно ровно и уверенно играет также Ю. Авербах. В чемпионате участвуют десять гроссмейстеров и команда из 11 мастеров, но из этой команды только одному Л. Шамковичу удалось на старте вклиниться в группу лидеров...

Не за горами турнир претендентов 1962 года. Он начнется в апреле в далеком Кирасо на Антильских островах. Имена двух участников этого интереснейшего состязания уже известны: М. Таль и П. Керес. Эти два выдающихся гроссмейстера правильно решили, что лучшей подготовки, чем первенство СССР, не придумаешь, и с удовольствием приняли участие в бакинском турнире. Но старт как одного, так и другого оказался не очень удачным. П. Керес, кажется, немного переутомлен от шахмат, а М. Таль испытывает на себе желание каждого участника турнира оторвать хотя бы пол-очка у экс-чемпиона мира. И шести участникам турнира это уже удалось. Во всех партиях Талю приходится выдерживать яростный натиск. Уже не раз мастер атаки сам вынужден был обороняться. С большим трудом удалось ему спасти партию против своего земляка А. Гипслиса. Но можно не сомневаться, что М. Таль, лучший турнирный боец нашего времени, еще украсит таблицу чемпионата многими единицами.

Глядя на таблицу, удивляешься результату Д. Бронштейна. Чемпион Москвы умеет здорово атаковать, но, судя по таблице, Д. Бронштейн является крупным сторонником мира: все партии он заканчивает вничью! Боюсь, что Д. Бронштейн слишком внимательно следит за матчем Щеголев — Куперман.

Опираясь на поговорку «дома и стены помогают», бакинцы надеялись, что их В. Багиров заработает второй гроссмейстерский балл. Но, увы. бакинские стены плохо помогают Багирову.

Впереди еще длинная дистанция. Многое может измениться в ходе турнира. Миттельшпиль — середина игры — и особенно финиш наших чемпионатов всегда протекают еще острее, чем старт. Одно лишь ясно: окончится чемпионат. и одни обрадуются тому, что год кончился, а другие, довольные спортивными итогами, вместе с М. Ботвинником скажут: жаль, что кончился 1961-й! Хороший был шахматный год!

Амундсен на Южном полюсе. Сюда можно было добраться только на собаках.

ДЕРЗНОВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ

Это произошло 50 лет назад, 15 декабря 1911 года. После тяжелого, почти двухмесячного перехода по снегам и льдам Антарктики пятеро норвежцев во главе с Амундсеном водрузили флаг своей родины на самой южной точке земного шара. Свирепые, беспрерывно дующие штормы, снежные метели, бездонные трещины и пропасти, грохочущие лавины — ничто не остановило смелых путешественников на пути к их великой цели. С открытием Южного полюса, о котором веками слагалось столько легенд, в летописи изучения Земли появилась одна из наиболее блистательных страниц.

Прошли годы. Немало нового было внесено в дело изучения и освоения покрытого ледяным панцирем южного континента. Начиная с 1957 года советские ученые вместе с учеными других стран регулярно ведут наблюдения на антарктических станциях. О таком размахе исследований вряд ли мог мечтать Руал Амундсен!

Результаты научно-исследовательских работ, проводимых в Антарктике, помогут разрешить вопросы, волнующие все человечество и определяющие дальнейшее развитие научной мысли. Будущая судьба антарктического ледникового щита, строение скрытой под ним земной коры, изменение климата и погоды на Земле — вот немногие из этих важных проблем.

Проводя эти работы, советские исследователи отдают должное памяти первооткрывателя Южного полюса, выдающегося норвежского исследователя и ученого Руала Амундсена.

Л. СЕРЕБРЯННЫЙ

Прошло 50 лет. Авиация — теперь обычное средство передвижения в Антарктиде.

Фото А. Федюхина.

ПОБЕДОНОСНОЕ ТУРНЕ

Закончилось турне сборной футбольной команды СССР по Южной Америке. Эта поездка превратилась в своеобразный парад побед. Первыми должны были склонить голову перед мастерством советских футболистов аргентинцы. За две минуты в ворота хозяев поля были забиты два гола, а в ответ аргентинские футболисты смогли отквитать лишь один мяч.

Через несколько дней в Сант-Яго на стадионе «Эстадио Насионал», где в мае 1962 года будет торжественно открыт чемпионат мира, горечь поражения должны были испить и футболисты Чили. А затем наступил черед и уругвайцев. Последний матч турне — в Монтевидео — закончился с таким же счетом, как и в Буэнос-Айресе,—2 : 1.

Итак, общий итог трех встреч 5 : 2 в нашу пользу.

На снимке: Виктор Понедельник (№ 9) торжествует: гол в воротах аргентинской сборной.

Фото ЮПИ.

Два юбиляра

Ровно тридцать лет назад Гумер Баширов опубликовал свой первый рассказ, «Кровь Хашима». С тех пор вышло в свет немало книг Баширова, ставшего одним из лучших писателей Советской Татарии. Широко известен его роман «Честь» — о жизни татарского колхоза в трудные годы Великой Отечественной войны. Недавно писателю исполнилось шестьдесят лет. Свой юбилей Гумер Баширов встретил как подлинный труженик литературы — в работе над новым романом «Доброе утро» — о нашей жизни, о нашей современности. Депутат Верховного Совета СССР, делегат XXII съезда КПСС, Гумер Баширов все силы отдает народу, литературе, воспитанию молодых писателей.

Гумер Баширов.

Г. Шолохов-Синявский.

Автор шести романов, нескольких сборников рассказов и повестей Георгий Филиппович Шолохов-Синявский родился шестьдесят лет назад в селе Синявке, Ростовской области. Один из его романов называется «Беспокойный возраст». Вся жизнь писателя-коммуниста была беспокойной, полной труда и борьбы. Большие судьбы советских людей, их творческое горение и патриотизм Шолохов-Синявский сумел воплотить в образах своего романа «Волгины», завоевавшего признание советского читателя. Президиум Верховного Совета СССР в связи с шестидесятилетием со дня рождения и отмечая заслуги Г. Ф. Шолохова-Синявского в развитии советской литературы, наградил писателя орденом Трудового Красного Знамени.

Дело Евдокии Гусаченко

Н. РОМОВА

Они сестры и живут в Сочи — Мария Семеновна Мазур и Анна Семеновна Ткачева. Марии Семеновне за пятьдесят, Анна Семеновна и сейчас — цветущая сорокалетняя женщина. У нее собственный дом, окруженный тенистым садом. У Марии Семеновны тоже отдельный домик, с верандой, с удобствами и тоже в саду. Правда, все это принадлежит Сочинскому горкомхозу, и платить за дом приходится совсем недорого.

К Мазур я проникаю в качестве курортницы:

— Пожалуйста, пустите на коечку! Дом ваш — мечта, место в центре, море рядом, кругом зелень.

Мария Семеновна снисходительно улыбается.

— Сколько, гражданочка, думаете пробыть в Сочи?

Я опрометчиво произношу: десять дней. Нет, это не устраивает хозяйку: если освободится местечко, есть желающие занять его на весь месяц... Поэтому всего хорошего, дорогая моя...

К Анне Семеновне Ткачевой прихожу как садовод-любитель. Всей округе известно, что у Ткачихи можно купить семена и клубни любых растений — цветов, плодов, овощей. И я доверительно прошу продать мне клубни редкостного черного гладиолуса. На пышущем здоровьем, румяном лице хозяйки расцветает сочувственная улыбка. Этих клубней сейчас нет, но если я завтра загляну на базар — о, у нее там постоянное место! — драгоценные клубни будут мне вручены. Я оглядываю сад в надежде увидеть распустившийся черно-бархатный цветок, но в саду вообще нет ни клумб, ни грядок, только буйно разросшаяся сочинская зелень. На вопросительный взгляд Анна Семеновна лениво бросает:

— Да вы в сад не глядите, приходите на базар, там все найдется.

Мне очень хочется представить, каким было лицо Анны Семеновны, когда по этому саду волокла она свою восьмидесятилетнюю мать, жестоко избив ее, и в дождь, в грозу вытолкала за калитку, даже не посмотрев, что сталось с несчастной старухой. Поздно ночью прохожие подобрали на дороге лежащую без сознания старую женщину — Евдокию Свиридовну Гусаченко, мать М. С. Мазур и А. С. Ткачевой.

Да, жаль, не довелось мне увидеть и благообразное лицо Марии Семеновны Мазур, когда уже после судебного решения о вселении к ней матери она, удобно вытянувшись на постели, наблюдала, как старушка укладывалась у дверей на голом полу. Такого баловства, как подушка или одеяло для матери, Мария Семеновна не допускала. А едва наступало утро, дочь кричала: вон! И старуха покорно поднималась с пола и, боязливо оглядываясь: ведь дочери ничего не стоило прибить ее,— уходила на улицу.

Но и это было невтерпеж Марии Семеновне. И на ночь она перестала пускать мать в дом. Помилуйте, летний сезон, каждый угол в Сочи ценится на вес золота! Жертвовать свободным местечком для старухи! Смешно!..

Собирается товарищеский суд. Общественность решает: Евдокия Свиридовна Гусаченко должна жить в квартире М. С. Мазур. Еще в 1943 году приобрела она там право на «постоянную жилплощадь». Но разве Мария Семеновна подчинится тому, что ей неугодно? Решение не успели дочитать до конца, а Мазур уже оказалась дома, за наглухо запертой дверью. И помощник нашелся — сын Борис. Он тоже считал непростительной глупостью выслушать то, что постановил какой-то квартальный комитет. Как смеют посягать на то, что и Мазуры и Ткачевы считают своей «собственностью»! На защиту «личных владений» мать и сын Мазуры встают с железной решимостью. Они отказываются открыть дверь старушке, которую привели присутствовавшие на суде люди. Плохо пришлось бы обоим Мазурам, когда толпа в законном гневе бросилась к крыльцу. Но подоспел отряд милиционеров и дружинников...

Вот с помощью каких «боевых» действий заставили Мазур пустить немощную мать на принадлежащую старушке «жилплощадь».

Чему удивляться? Наказания за свои поступки ни Мария Семеновна, ни ее сын не понесли, единственно, с чем пришлось им смириться,— это с тем, что старушка снова на ночь укладывалась на полу у дверей. А утром ее снова выгоняли на улицу.

Базарная торговка Ткачева, алчная, хитрая любительница легкой наживы Мазур — обе в неуемной жадности, в неустанной погоне за нетрудовым рублем забыли о святом долге человека — уважении, благодарности к той, что выкормила, вырастила, отдала молодость, силы, здоровье.

Да, родятся дети, поднимаются один за другим. У Евдокии и Семена Гусаченко поднималось четырнадцать. Семерых Гусаченко вырастили. Двоих унесла война. И тут же овдовела Евдокия Свиридовна. Взял ее к себе в Махачкалу вернувшийся с фронта после ранения сын. А из Сочи писали дочери Мария и Анна: у обеих дети, дом, хозяйство. Молили: «Приезжайте, дорогая мамаша, всем обеспечим. И мы и внучата по бабусе стосковались».

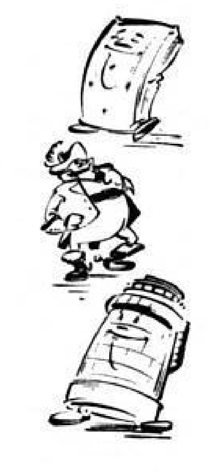
Почему мы так говорим

ПЫШНЫЙ, НАДМЕННЫЙ, ДОМНА

«Пышный» — легкий, как бы взбитый воздухом: пышный хлеб, пышный снег, пышная перина, пышная прическа, пышный цветок. Вспомним наше «пыхтеть» (издавать звук, выпуская пар, воздух), «пыжиться», «пыхать» (печь пышет жаром), «пух», «пухнуть».

Родственные этим слова есть во многих славянских языках. В украинском и в современном польском языках есть слово «пыха», прямо связанное с «пышный». Значит оно в польском «гордость». Да и русский язык знал его.

В «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту», в первом словаре иностранных слов, входивших в русскую речь XVIII века, в пояснение непонятного «амбицио» приводятся понятные «гордость, пыха» (правда, в рукописи Петром I пояснения эти зачеркнуты и оставлено только «желание чести»). «Пыха» есть у А. Кантемира и В. Тредиаковского в смысле «гордость, надменность». Кстати, слово «надменный» буквально значит «надутый».

В домонгольском памятнике начала XIII века «Моление Даниила Заточника», в котором есть бытовые слова того времени, говорится: «не огнь творит разжение железу, но надмение мешное» (не огонь раскаляет железо, но дутье мехами).

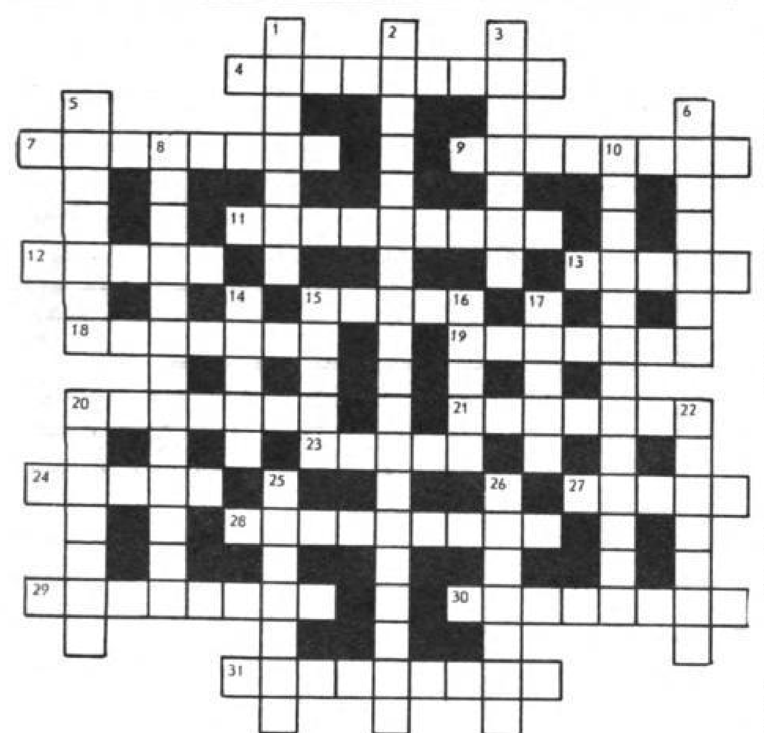
Здесь мы находим не только точное значение «надменный — надутый», но и объяснение происхождения слова «домна».

Еще в начале первого тысячелетия до нашей эры лесная полоса Европы знала болотную, озерную и дерновую руду. Ко времени образования Киевского государства русские металлурги имели значительный опыт. Русские ремесленники X века ковали плуги и изготовляли металлическое оружие.

При сыродутном процессе был необходим постоянный приток воздуха — «дмение». Поэтому оно являлось основной работой при варке железа. Печь или горн превратились в «домницу», а позже в «домну» — слово, насчитывающее много веков.

И. УРАЗОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Специалист сельского хозяйства. 7. Итальянский ученый. 9. Плотная шерстяная ткань. 11. Шахматный ход. 12. Повесть А. И. Куприна. 13. Провод, передающий электроэнергию. 15. Остров в Эгейском море. 18. Русский народный игровой хоровод. 19. Советский скульптор. 20. Путь следования. 21. Город и порт в Казахстане. 23. Электронная лампа. 24. Перевал в Балканах. 27. Водяной вал. 28. Пушной зверек. 29. Безногая ящерица. 30. Занавес из тяжелой материи. 31. Птица.

По вертикали:

1. Персонаж произведения Д. Фурманова. 2. Постановка опытов. 3. Фигурный выступ на конце ключа. 5. Раздвижное кресло. 6. Французский драматург XVII века. 8. Коренное переустройство. 10. Смелость, быстрота действия. 14. Жанр литературы. 15. Английский полярный исследователь. 16. Помещение для хранения. 17. Река в Амурской области. 20. Руководитель ансамбля народного танца. 22. Многолетнее волокнистое растение. 25. Музыкальное произведение для сольного инструмента и оркестра. 26. Продукт перегонки нефти.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

6. Фотоэлемент. 9. Гибрид. 10. Левкой. 12. «Огонь». 14. Армюр. 17. Истра. 18. Вахтангов. 19. Устав. 21. Гримм. 22. Диаграмма. 23. Декабрист. 25. Бочка. 27. «Нерон». 29. Симпозиум. 30. Юкола. 31. Финик. 33. Прием. 36. Былина. 37. Очиток. 38. Кронциркуль.

По вертикали:

1. Кодры. 2. Рондо. 3. Благодать. 4. Омуль. 5. Иньва. 7. Бирюза. 8. Боксер. 11. Дрессировка. 13. Промысловик. 15. Парамушир. 16. Сорокопут. 20. «Верба». 21. Габон. 24. Провинция. 26. Келдыш. 28. Ефимов. 32. Фибра. 33. Пашня. 34. Мошка. 35 Число.

НА ДОБЫЧУ

Однажды ранним утром я чистил рыбу на берегу речки. Неожиданно из-под коряги выполз рак, подобрался к очищенной рыбине, ухватил ее за хвост и утащил.

С тех пор каждое утро я стал здесь прикармливать раков. Продолжалось это около двух недель. Раки привыкли к подкормке и на рассвете смело шли на добычу.

М. БУЛКИН

Не выдержало материнское сердце. В 1943 году приехала Евдокия Свиридовна в Сочи. Внуков выхаживала, в люди нанималась, а деньги дочки забирали: зачем они старухе? Сами-то, ни Анна, ни Мария, не работали; за мужьями жили, приторговывали, углы отдыхающим сдавали, квартирантов обедами втридорога подкармливали. Тогда-то мать обеим дочкам нарасхват нужна была. Безропотно батрачила на Анну и Марию. К третьей, Александре, что тоже в Сочи живет, не пускали. «Зачем к Саньке ходишь? — упрекали.— Жить она не умеет, сколько лет в Сочи, а до сих пор как была санитаркой в больнице, так и осталась».

Но там, в больничном общежитии, все чаще появлялась Евдокия Свиридовна. Силы уходили, внуки уже взрослые, вот и вышвырнули дряхлую бабку на улицу. Только у Сани могла теперь укрыться от дождя и непогоды Евдокия Свиридовна.

В 1958 году прокурор беседовал с Мазур и Ткачевой. Сестрицы пообещали взять старуху мать к себе, а вернувшись домой, изругали, избили и выгнали вон.

— Да чего стесняться? Ну, вызвал прокурор, пристыдил, пожурил. И на этом все кончилось...

— Только Санька никак не успокоится. Горой за мать стоит, смотрите, в суд посмела обратиться. Да, ей ли, бессребренице бестолковой, с нами тягаться...

И посыпались от Мазур и Ткачевой заявления. Обе сестры лгут, клевещут, обливают грязью свидетелей. Пишут: «Мать нам не нужна». Не желают они держать в доме бесполезную, ни на что не годную старуху.

Муж Ткачевой обращается в суд: «Дом зарегистрирован на мое имя. Я зять». Бедственное положение тещи, видите ли, его, как «зятя», не касается. Нет такого закона, чтобы вселить старушку в мои, Ткачева, владения...

Начинается судебная волокита. Один суд следует за другим. Решают: «Ткачева должна заботиться о матери». Затем этого же требуют от Мазур. Пишут: «Вселить» Гусаченко к Ткачевой, «Вселить к Мазур», опять... к Ткачевой, к Мазур... В течение трех лет все толще и толще становится в сочинском нарсуде папка «Дело Е. С. Гусаченко».

Письмо об этом «деле» привело меня в Сочи.

Как же все-таки случилось, что мытарства старого человека, обивающего пороги всех судебных инстанций и общественных организаций, продолжаются три года и не видно им конца? Е. С. Гусаченко попрежнему на улице, и по-прежнему благоденствуют Мазур и Ткачева, презревшие свои обязанности по отношению к матери и по отношению к нашему советскому обществу.

Беседую об этом с прокурором города Сочи В. Г. Коршуновым.

А чем можно помочь Е. С. Гусаченко? Дело кляузное. Трудно разобраться, кто прав, кто виноват...

Иду в суд. Мне кажется, там мне будут рады: ведь я ищу защиты обремененному годами, незаслуженно обиженному человеку!

Но холод и безразличие встречают меня. Секретарь суда Галина Тарасенко молода, но не по годам равнодушна. Неохотно соглашается она «поднять» дело Е. С. Гусаченко. А когда, обнаружив там бумагу о взыскании с 1 августа 1961 года алиментов с дочерей Гусаченко в пользу матери, спрашиваю, почему до конца сентября лист этот не передан судебному исполнителю, Тарасенко недовольно морщится.

— Придет черед, тогда и передам...

Бездушие секретаря суда перестает удивлять меня, когда я обращаюсь к заместителю председателя народного суда Центрального района г. Сочи Анне Михайловне Гавриловой. В руках у меня решение этого же нарсуда от 23 марта 1959 года (председательствующий — судья Кирсанов): «Гусаченко следует поселить там, где она жила,— у Ткачевой», владеющей домом — 54 кв. м жилой площади, две веранды, две кухни, кладовые, подвал и так далее.

Почему суд не заставил Ткачеву подчиниться этому решению? Нужно ли было «поднимать» новое дело о вселении Гусаченко к Мазур, если суд (председательствовал на этом заседании судья тов. Соленый) отказал истице в том, о чем она просила,— выделении ей отдельной восьмиметровой комнаты в обширной квартире Мазур? Чем руководствовались судьи на новом судебном заседании (председатель — судья тов. Гончаров), устанавливая, что Ткачева должна платить матери 10 рублей в месяц? Ведь не секрет, что эта женщина в день зарабатывает гораздо больше. И почему получающая скромное жалованье больничной няни А. Гусаченко и хорошо обеспеченная Мазур должны платить матери одинаково? Кроме того, оговорено, что та из дочерей, у которой живет Гусаченко, от алиментов освобождается. Но ведь у Мазур мать только прописана. Кормит мать, фактически делит с ней кров санитарка Гусаченко. И, наконец, почему, зная из показаний свидетелей о том, как жестоко обращались с матерью Мазур и Ткачева, били, выгоняли из дома, суд ни разу не привлек преступных дочерей к ответственности?

Обо всем этом я пытаюсь спросить Анну Михайловну. Но ей некогда, она не может меня выслушать, она только повторяет:

— Если истица недовольна, она может снова обжаловать... снова обратиться...

Снова просить... снова написать?!

Мне делается страшно.

— Как, все снова?.. Но ведь истице девятый десяток...

— Что же вы хотите, чтобы я сама пошла к ней?

Да, Анна Михайловна, это давно надо было сделать. Этого требует весь строй нашей жизни, наших законов, основанных на неукоснительном уважении к правам человека и на беспощадном выявлении тех, кто эти права попирает.

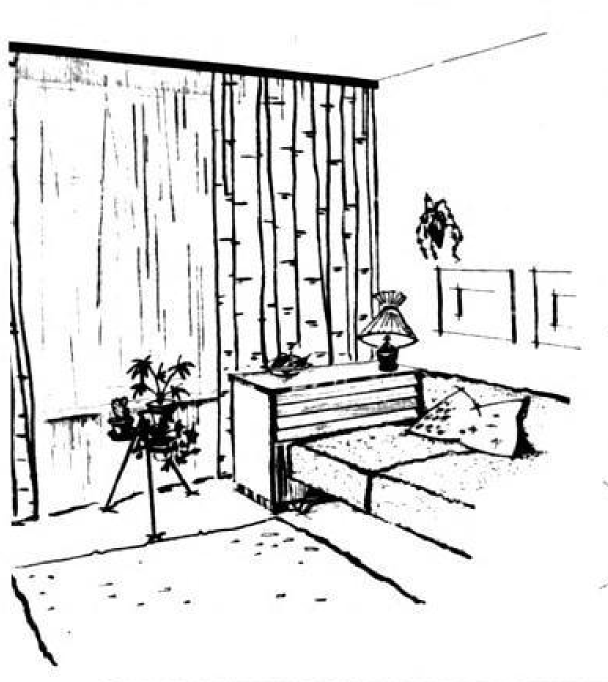
Суду необходимо заставить Мазур и Ткачеву по-настоящему обеспечить старость матери.

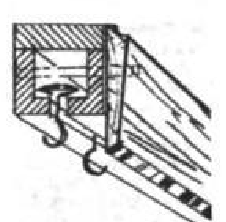
А за все содеянное против матери и против наших советских законов Мазур и Ткачева должны понести заслуженное наказание.

ЗИМА

Фото Я. Рюмкина.

Под редакцией кандидата архитектуры О. Бояр.

Окно вашей комнаты

Как бы вы хорошо ни обставили комнату, она не будет уютной до тех пор, пока не декорировано окно. Окно при входе в помещение сразу бросается в глаза и зачастую определяет впечатление от комнаты.

Выбирая ткань для занавесей, постарайтесь представить, как она будет выглядеть в вашей комнате — гармонирует ли с цветом стен, с обивкой мебели, покрывалом на кровати. Пестрота утомляет зрение.

Если стены комнаты и обивка мебели спокойных, нейтральных тонов, то шторы могут быть яркой, насыщенной раскраски — этим создается определенный цветовой акцент. Если в интерьере уже есть интенсивные цвета, отдайте предпочтение материи неяркой, «приглушенных» оттенков, даже суровому полотну.

Занавески могут быть легкие, прозрачные — из гардинной сетки, тюля, а также из легко моющейся ткани, гладкой или узорчатой. Избегайте тяжелых драпировок: они негигиеничны, отнимают свет и мешают вентиляции.

Теперь повесьте шторы.

На маленьких рисунках показано два вида развески штор. Первый — занавес закрывает всю стену от потолка до пола, от одной боковой стены до другой; второй — занавес закрывает только проем окна. Преимущество первого очевидно даже на рисунке: комната кажется выше, просторнее и, безусловно, наряднее.

Вешать занавеси можно на круглые деревянные, металлические или пластмассовые специальные палки с кольцами, они продаются повсюду.

Мы предлагаем вам сделать карниз самому. Как видно из чертежа, конструкция этого карниза весьма несложная. Он прикреплен либо к стене, либо к потолку при помощи штырей. В нижнем бруске карниза делается паз шириной в 3—5 миллиметров. К верхнему краю шторы пришивают толстой нитной обыкновенные большие пуговицы, можно прикрепить их и крючками. Когда вы задвигаете или раздвигаете шторы, пуговицы свободно двигаются внутри карниза.

Архитектор
Б. МЕРЖАНОВ

Рисунки автора.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

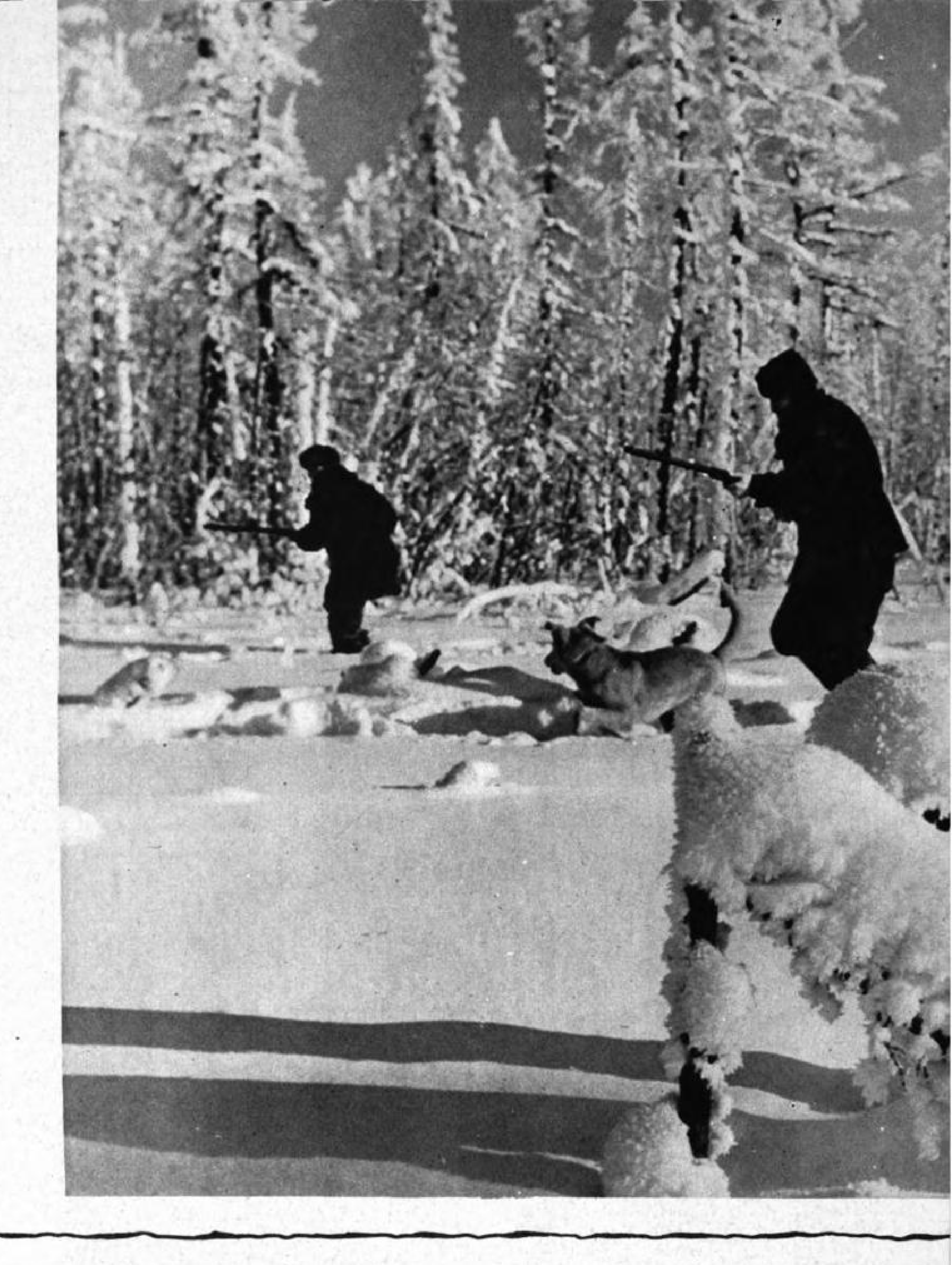
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10618. Подписано к печати 6/XII 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 3,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 2117. Заказ 3062.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Знакомьтесь:

Машка...

Н. НЕМНОНОВ

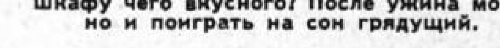
Большие любители животных, москвичи, пенсионер Николай Васильевич Бухвостов и его сын Василий приобрели Машку, когда ей было пять месяцев, и вырастили у себя дома. Сейчас Машке два года. Она не только играет на гармошке, но и танцует вальс, катается на самокате, ест за столом. В. Бухвостов иногда выступает с Машкой в рабочих клубах.

1. В комнату вошла черная гималайская медведица. Собака бросилась ей навстречу. Завязалась борьба. Победителем объявляет себя медведица.

3. Борьба возбуждает аппетит. Нет ли в шкафу чего вкусного? После ужина можно и поиграть на сон грядущий.

4. А теперь остается натянуть одеяло. Пожелаем ей спокойной ночи!

2. И утомленные борцы расположились на отдых.

Цена номера 30 коп.

К. Моркунас. СУББОТНИЙ ВЕЧЕР.

А. Гарбаускас. МОРСКОЕ ДНО.

А. Стошкус. РЫБЫ.

ЛИТОВСКИЙ ВИТРАЖ

Фото Е. Умнова.